

Алексей Константинович Толстой
Стихотворения (сборник)

**Толстой Алексей
Константинович
Стихотворения (сборник)**

Алексей Константинович Толстой

Стихотворения

В первый том входят все поэтические произведения А.К.Толстого: лирические стихотворения, былины, сатирические и юмористические стихотворения, поэмы, переводы из Байрона, Гете, Гейне и других европейских поэтов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* "Как филин поймал летучую мышь..."

"Бор сосновый в стране одинокой стоит..."

Поэт

"Колокольчики мои..."

"Ты знаешь край, где все обильем дышит..."

Цыганские песни

"Ты помнишь ли, Мария..."

Благовест

"Шумит на дворе непогода..."

"Дождя отшумевшего капли..."

"Ой стоги, стоги..."

"По гребле неровной и тряской..."

"Милый друг, тебе не спится..."

Пустой дом

"Пусто в покое моем. Один я сижу у камина..."

"Средь шумного бала, случайно..."

"С ружьем за плечами, один, при луне..."

"Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!..."

"Ты не спрашивай, не распытывай..."

"Мне в душу, полную ничтожной суеты..."

"Не ветер, вея с высоты..."

"Меня, во мраке и в пыли..."

"Коль любить, так без рассудку..."

Колодники

Стрелковые песни

1. "Слава на небе солнцу высокому!..."

2. "Уж как молодцы пируют..."

"Уж ты мать-тоска, горе-гореваньице!..."

"Вот уж снег последний в поле тает..."

"Уж ты нива моя, нивушка..."

"Край ты мой, родимый край..."

"Грядой клубится белою..."

"Колышется море; волна за волной..."

"О, не пытайся дух унять тревожный..."

"Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо..."

Крымские очерки

1. "Над неприступной крутизною..."
2. "Клонит к лени полдень жгучий..."
3. "Всесильной волею аллаха..."
4. "Ты помнишь ли вечер, как море шумело..."
5. "Вы всё любуетесь на скалы..."
6. "Туман встает на дне стремнин..."
7. "Как чудесно хороши вы..."
8. "Обычной полная печали..."
9. "Приветствую тебя, опустошенный дом..."
10. "Тяжел наш путь, твой бедный мул..."
11. "Где светлый ключ, спускаясь вниз..."
12. "Солнце жжет; перед грозой..."
13. "Смотри, все ближе с двух сторон..."
14. "Привал. Дымяся, огонек..."
- "Как здесь хорошо и приятно..."
- "Растянулся на просторе..."
- "Войдем сюда; здесь меж руин..."
- "Если б я был богом океана..."
- "Что за грустная обитель..."
- "Не верь мне, друг, когда, в избытке горя..."
- "Острою секирой ранена береза..."
- "Усни, печальный друг, уже с грядущей тьмой..." ** "Да, братцы, это так, я не под пару

вам..."

"Когда кругом безмолвен лес дремучий..."

"Сердце, сильнее разгораясь от году до году..."

"В стране лучей, незримой нашим взорам..."

"Лишь только один я останусь с собою..."

"Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..."

"Что ты голову склонила?..."

Б.М.Маркевичу ("Ты прав; мои своенравный гений...")

"И у меня был край родной когда-то..."

"Господь, меня готовя к бою..."

"Порой, среди забот и жизненного шума..."

"Не божиим громом горе ударило..."

"Ой, честь ли то молодцу лен прясти?..."

"Ты неведомое, незнамое..."

"Он водил по струнам; упали..."

"Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали..."

"Дерево мое миндальное..." ** "Мой строгий друг, имей терпенье..."

"Двух станов не боец, но только гость случайный..."

"Как селянин, когда грозят..."

"Запад гаснет в дали бледно-розовой..."

"Ты почто, злая кручинушка..."

"Рассеивается, расступается..."

"Что ни день, как поломя со влагой..."

"Звонче жаворонка пенье..."

"Осень. Обсыпается весь наш бедный сад..."

"Источник за вишневым садом..."

"О друг, ты жизнь влачишь, без пользы
увядая..."

"В совести искал я долго обвиненья..."

"Минула страсть, и пыл ее тревожный..."

"Когда природа вся трепещет и сияет..."

"Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сво-
дом..."

"Замолкнул гром, шуметь гроза устала..."

"Змея, что по скалам влечешь свои изви-
вы..."

"Ты жертва жизненных тревог..."

"Бывают дни, когда злой дух меня трево-
жит..."

"С тех пор как я один, с тех пор как ты да-
леко..."

"Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре..."

"Я вас узнал, святые убежденья..."

"О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище..."

Мадонна Рафаэля

"Дробится, и плещет, и брызжет волна..."

"Не пенится море, не плещет волна..."

"Не брани меня, мой друг..."

"Я задремал, главу понуря..."

"Горними тихо летела душа небесами..."

"Ты клонишь лик, о нем упоминая..."

"Вырастает дума, словно дерево..."

"Тебя так любят все! Один твой тихий вид..."

"Хорошо, братцы, тому на свете жить..."

"Кабы знала я, кабы ведала..."

"К твоим, царица, я ногам..."

"Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!.."

"Сижу да гляжу я все, братцы, вон в эту сторонку..."

"Есть много звуков в сердца глубине..."

"К страданиям чужим ты горести полна..."

"О, если б ты могла хоть на единый миг..."

"Нас не преследовала злоба..."

"Исполать тебе, жизнь - баба старая..."

И.С.Аксакову

"Пусть тот, чья честь не без укора..."

"На нивы желтые нисходит тишина..."

"Вздываются волны как горы..."

Против течения

"Одарив весьма обильно..."

[И.А.Гончарову] ("Не прислушивайся к шуму...")

"Темнота и туман застилают мне путь..."

"В монастыре пустынном близ Кордовы..."

"Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо..."

"Про подвиг слышал я Кротонского бойца..."

На тяге

"То было раннею весной..."

"Прозрачных облаков спокойное движение..."

"Земля цвела. В лугу, весной одетом..."

"Во дни минувшие бывало..."

"Как часто ночью в тишине глубокой..."

Гаральд Свенгольм

В альбом

БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ, ПРИТЧИ

Волки

"Где гнутся над омутом лозы..."

Курган

Князь Ростислав

Василий Шибанов

Князь Михайло Репнин

Ночь перед приступом

Богатырь

"В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба..."

"Ходит Спесь, надуваючись..."

"Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!.."

"У приказных ворот собирался народ..."

Правда

Старицкий воевода

"Государь ты наш батюшка..."

Чужое горе

Пантелей-целитель

Змей Тугарин

Песня о Гаральде и Ярославне

Три побоища

Песня о походе Владимира на Корсунь

Гакон Слепой

Роман Галицкий

Боривой

Ругевит

Ушкуйник

Поток-богатырь

Илья Муромец

"Порой веселой мая..."

Сватовство

Алеша Попович

Садко

Канут

Слепой

САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Благоразумие

[А.М.Жемчужникову] "Вхожу в твой кабинет..."

"Исполнен вечным идеалом..."

Весенние чувства необузданного древнего

[К.К.Павловой] "Прошу простить великодушно..."

Бунт в Ватикане

[Б.М.Маркевичу] "Ты, что в красе своей румяной..."

[Д.А.Толстому] "Бисмарк, сидючи в Берлине..."

[Ф.К.Мейендорфу] "Барон, тебе, делившему..."

История государства Российского от Гостомысла до Тимашева

"Стасюлевич и Маркевич..."

"Как-то Карп Семенович..."

"Рука Алкида тяжела..."

Медицинские стихотворения

1. "Доктор божией коровке..."

2. "Навозный жук, навозный жук..."

3. "Верь мне, доктор (кроме шутки!)..."

4. Берестовая будочка

5. "Муха шпанская сидела..."

"Угораздило кофейник..."

Послания к Ф.М.Толстому

1. "Вкусив елей твоих страниц..."

2. "В твоём письме, о Феофил..."

"Сидит под балдахином..."

Песня о Каткове, о Черкасском, о Самарине, о Маркевиче и о арапах

Мудрость жизни * Ода на поимку Таирова

[А.Н.Мальцевой] "Пью ль мадеру, пью ли квас я..."

"Все забыл я, все простил..."

"Я готов румянцем девичьим..."

[М.Н.Лонгинову] "Слава богу, я здоров..."

Отрывок ("Разных лент схватил он раду-

гу...")

[Б.М.Маркевичу] "В награду дружеских усилий..."

Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинизме

"Боюсь людей передовых..."

Сон Попова

[М.П.Арнольди] "Ропща на прихоти судьбы..."

[А.М.Жемчужникову] "Мы тебя субботним днем..."

Рондо

[Великодушие смягчает сердца] "Вонзил кинжал убийца нечестивый..."

Надписи на стихотворениях А.С.Пушкина

Козьма Прутков

Эпиграмма № 1 ("Вы любите ли сыр?" - спросили раз ханжу...")

Письмо из Коринфа

Из Гейне ("Вянет лист, проходит лето...")

Желание быть испанцем

"На взморье, у самой заставы..."

Осада Памбы

Пластический грек

Из Гейне ("Фриц Вагнер, студьозус из Иены...")

Звезда и Брюхо

К моему портрету

Память прошлого

"В борьбе суровой с жизнью душной..." *

Церемониал

ПОЭМЫ

Грешница

Иоанн Дамаскин

Алхимик

Портрет

Дракон

ДОНЖУАН

ПЕРЕВОДЫ

Джордж Гордон Байрон

"Ассирияне шли, как на стадо волки..."

"Неспящих солнце! Грустная звезда!..."

Андре Шенье

"Крылатый бог любви, склоняся над со-
хой..."

"Вот он, низийский бог, смиритель диких
стран..."

"Ко мне, молодой Хромид, смотри, как я пре-
красна!..."

"Супруг блудливых коз, нечистый и кичли-
вый..."

"Багровый гаснет день; толпится за оградой..."

"Я вместо матери уже считаю стадо..."

Иоганн Вольфганг Гете

Бог и баядера

Коринфская невеста

"Радость и горе, волнение дум..."

"Трещат барабаны, и трубы гремят..."

Генрих Гейне

"Безоблачно небо, нет ветру с утра..."

"У моря сажу на утесе крутом..."

"Из вод подымая головку..."

Ричард Львиное Сердце

"Обнявшись дружно, сидели..."

"Довольно! Пора мне забыть этот вздор..."

Георг Гервег

"Хотел бы я угаснуть, как заря..."

Шотландская народная поэзия

Эдвард

* ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* Сказка про короля и про монаха * Вихорь-конь * Телескоп (баллада) * Прости * Молитва стрелков * Я верю в чистую любовь...

* СТИХОТВОРНЫЕ ЗАПИСКИ. ЭКСПРОМТЫ.

НАДПИСИ. БУРИМЕ

* [Б.М.Маркевичу] * [М.Н.Лонгинову] *
Аминь, глаголю вам,- в восторге рек
Маркевич... * Под шум балтийских волн... *
Элегия * [М.М.Стасюлевичу] * [В.А.Арцимови-
чу] * [А.М. и Н.М.Жемчужниковым] * Неожиданное наказание * [Н.М.Жемчужникову]
(Горька нам, Николай...) * Прогулка под качелями * Переход через Балканские горы * Об этом я терзаюсь и плачу... * Басня про Ромула и Рема * Прогулка с подругой жизни * Молчите! - Мне не нужен розмарин!.. * Не приставай ко мне, Борис Перовский... * Бегство Наполеона из России * Почему Александр 1 отказался от названия великого * Часто от паштета корка... * Баллада * Аскольд, зовет тебя Мальвина... * [А.П.Бобринскому]

* НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ. ОТРЫВКИ

* Бегут разорванные тучи... * Как часто ночью в тишине глубокой... * Слова для мазурки * Ты меня поняла не вполне... * Что за время, что за нравы!.. * Как вчера хорош у моря... * О, не страшись несбыточной измены... * Закревский так сказал пожарным... * Причину моего смятения и испуга... * И на крыльце по ве-

черам... * Друзья, вы совершенно правы... *
Святой отец, постой... * В дни златые вашего
царенья... * Желтобрюхого Гаврила... * О, будь
же мене голосист... * Ища в мужчине идеала...
* То древний лес. Дуб мощный своенравно... *
Теперь в глуши полей, поклонник мирных
граций... * Честь вашего я круга... * Но были
для девы другие отрады... * Улыбка кроткая, в
движенье каждом тихость...

Примечания

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Как филин поймал летучую мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой удальцов
К соседу собирается в гости.

Хоть много цепей и замков у ворот,
Ворота хозяйка гостям отопрет.

"Что ж, Марфа, веди нас, где спит твой старик?"

Зачем ты так побледнела?

Под замком кипит и клубится Дунай,
Ночь скроет кровавое дело.

Не бойся, из гроба мертвец не встает,
Что будет, то будет,- веди нас вперед!"

Под замком бежит и клубится Дунай,
Бегут облака полосою;

Уж кончено дело, зарезан старик,
Амвросий пирует с толпою.

В кровавые воды глядится луна,
С Амвросьем пирует злодейка жена.
Под замком бежит и клубится Дунай,
Над замком пламя пожара.

Амвросий своим удальцам говорит:

"Всех резать - от мала до стара!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!"

Сверкая, клубясь, отражает Дунай
Весь замок, пожаром объятый;

Амвросий своим удальцам говорит:

"Пора уж домой нам, ребята!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!"

Над Марфой проклятие мужа гремит,
Он проклял ее, умирая:

"Чтоб сгинула ты и чтоб сгинул твой род,
Сто раз я тебя проклиная!

Пусть вечно иссякнет меж вами любовь,
Пусть бабушка внучкину высосет кровь!
И род твой проклятье мое да гнетет,

И места ему да не станет
Дотоль, пока замуж портрет не пойдет,
Невеста из гроба не встанет
И, череп разбивши, не ляжет в крови
Последняя жертва преступной любви!"
Как филин поймал летучую мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой удальцов
К соседу нахлынули в гости.
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!

[1841]

* * *

Бор сосновый в стране одинокой стоит;
В нем ручей меж деревьев бежит и жур-
чит.

Я люблю тот ручей, я люблю ту страну,
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
"Приходи вечерком в бор дремучий тай-
ком,

На зеленом садись берегу ты моем!
Много лет я бегу, рассказать я могу,
Что случилось когда на моем берегу.
Из сокрытой страны я сюда прибежал,
Я чудесного много дорогой узнал!

Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда средь моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Что бывает порой здесь в тумане ночном!"
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал.
[1843]

ПОЭТ

В жизни светской, в жизни душевной
Песнопевца не узнать!

В нем личиной равнодушной
Скрыта божия печать.

В нем таится гордый гений,
Душу в нем скрывает прах,
Дремлет буря вдохновений
В отдыхающих струнах.

Жизни ток его спокоен,
Как река среди равнин,
Меж людей он добрый воин
Или мирный гражданин.

Но порой мечтою странной
Он томится, одинок;

В час великий, в час неожиданный

Пробуждается пророк.
Свет чела его коснется,
Дрожь по жилам пробежит,
Сердце чутко встрепетается
И исчезнет прежний вид.
Ангел, богом вдохновенный,
С ним беседовать слетел,
Он умчался дерзновенно
За вещественный предел...
Уже, вихрями несомый,
Позабыл он здешний мир,
В облаках под голос грома
Он настроил свой псалтырь,
Мир далекий, мир незримый
Зрит его орлиный взгляд,
И от крыльев херувима
Струны мощные звучат!
1850

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что смотрите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,

Средь некошенной травы
Головой качая?
Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!
Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!
Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,

Дикий, непокорный!
Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек
Знает бог единый!
Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травую,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?
Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.
И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.
"Хлеб да соль! И в добрый час!
Говорит державный,
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!"
И они ему в ответ:
"Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!"
Громче звон колоколов,

Гусли раздаются,
Гости сели вокруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!
Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

1840-е годы

* * *

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?
Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,

Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок синеющей струею?
Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов венок плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на пожне гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой!
Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времен Батыя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрып, ковры цветущей гречи
И вы, чубы - остатки славной Сечи?
Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада блеят, а колокол гудит,
И в божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?
Ты помнишь ночь над спящею Украиной,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,

Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?
Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,
Где столько тел лежало средь полей?
Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православ-
ной?

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..
Туда, туда стремлюся я душою!

1840-е годы

ЦЫГАНСКИЕ ПЕСНИ

Из Индии дальней
На Русь прилетев,
Со степью печальной
Их свыкся напев,
Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышат разлукой

От лучшей земли.
Не знаю, оттуда ль
Их нега звучит,
Но русская удаль
В них бьет и кипит;
В них голос природы,
В них гнева язык,
В них детские годы,
В них радости крик;
Желаний в них знойный
Я вихрь узнаю,
И отдых спокойный
В счастливом краю,
Бенгальские розы,
Свет южных лучей,
Степные обозы,
Полет журавлей,
И грозный шум сечи,
И шепот струи,
И тихие речи,
Маруся, твои!
1840-е годы
* * *

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом

И липы вековые
Над дремлющим прудом?
Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?
Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?
За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?
И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?
1840-е годы
БЛАГОВЕСТ
Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.
Их звон призывный

Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!
К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый,
В край благодатный,
Забытый мною,
И, непонятной
Томим тоскою,
Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;
Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,
И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

1840-е годы

* * *

Шумит на дворе непогода,
А в доме давно уже спят;
К окошку, вздохнув, подхожу я
Чуть виден чернеющий сад;
На небе так темно, так темно,
И звездочки нет ни одной;
А в доме старинном так грустно
Среди непогоды ночной!
Дождь бьет, барабаня, по крыше,
Хрустальные люстры дрожат;
За шкапом проворные мыши
В бумажных обоях шумят;
Они себе чуют раздолье:
Как скоро хозяин умрет,
Наследник покинет поместье,
Где жил его доблестный род
И дом навсегда запустеет,
Заглохнут ступени травой...
И думать об этом так грустно
Среди непогоды ночной!..

1840-е годы

* * *

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,

Кукушка кричала вдали.
Луна на меня из-за тучи
Смотрела, как будто в слезах;
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.
Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя?
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я.
Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.
Так думал о днях я минувших,
О днях, когда был я добрей;
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей,
И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
"Утешься, не сетуй напрасно
То время вернется опять!"

1840-е годы

* * *

Ой стоги, стоги,
На лугу широком!

Вас не перечесть,
Не окинуть оком!
Ой стоги, стоги,
В зеленом болоте,
Стоя на часах,
Что вы стережете?
"Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами!
Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга!
От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны!
На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда!
Ой орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,

Грозный, светлоокий!
Ой орел, орел,
Внемли нашим стонам,
Доле нас срамить
Не давай воронам!
Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,
Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Далеко, далеко!"

1840-е годы

* * *

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней,
Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.
По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид,

Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит.
Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик.
Близ мельницы старой и шаткой
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...
Мне кажется все так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда:
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,
И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно...
Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.
Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки,
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики,
И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода...
Все это уж было когда-то,

Но только не помню когда!

1840-е годы

* * *

Милый друг, тебе не спится,

Душен комнат жар,

Неотвязчивый кружится

Над тобой комар.

Подойди сюда, к окошку,

Все кругом молчит,

За оградю дорожку

Месяц серебрит.

Не скрипят в сенях ступени,

И в саду темно,

Чуть заметно в полутени

Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною

Там спокойный ждет;

Сторож там, звеня доскою,

Мимо не пройдет.

1840-е годы

ПУСТОЙ ДОМ

Стоит опустелый над сонным прудом,

Где ивы поникли главой,

На славу Растреллием строенный дом,

И герб на щите вековой.

Окрестность молчит среди мертвого сна,
На окнах разбитых играет луна.
Сокрытый кустами, в забытом саду
Тот дом одиноко стоит;
Печально глядится в зацветшем пруду
С короною дедовский щит...
Никто поклониться ему не придет,
Забыли потомки свой доблестный род!
В блестящей столице иные из них
С ничтожной смешались толпой;
Поветрие моды умчало других
Из родины в мир им чужой.
Там русский от русского края отвык,
Забыл свою веру, забыл свой язык!
Крестьян его бедных наемник гнетет,
Он властвует ими один;
Его не пугают роптанья сирот...
Услышит ли их господин?
А если услышит - рукою махнет...
Забыли потомки свой доблестный род!
Лишь старый служитель, тоской удручен,
Младого владельца ждет,
И ловит вдали колокольчика звон,
И ночью с одра привстает...
Напрасно! все тихо средь мертвого сна,

Сквозь окна разбитые смотрит луна,
Сквозь окна разбитые мирно глядит
На древние стены палат;
Там в рамах узорчатых чинно висит
Напудренных прадедов ряд.
Их пыль покрывает, и червь их грызет...
Забыли потомки свой доблестный род!

1849 (?)

* * *

Пусто в покое моем. Один я сижу у камина,
Свечи давно погасил, но не могу я заснуть.
Бледные тени дрожат на стене, на ковре,
на картинах,
Книги лежат на полу, письма я вижу кругом.

Книги и письма! Давно ль вас касалась
ручка молодая?

Серые очи давно ль вас пробегали, шутя?
Медленно катится ночь надо мной тяжелую
тканью,

Грустно сидеть одному. Пусто в покое
моем!

Думаю я про себя, на цветок взирая увядший:

"Утро настанет, и грусть с темною ночью

пройдет!"

Ночь прокатилась, и весело солнце на окнах играет,

Утро настало, но грусть с тенью ночной не прошла!

15 января 1851

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.
Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.
Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.
В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;
И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...

Люблю ли тебя - я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

* * *

С ружьем за плечами, один, при луне,
Я по полю еду на добром коне.
Я бросил поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по траве веселей!
Я мыслю так тихо, так сладко, но вот
Неведомый спутник ко мне пристает,
Одет он, как я, на таком же коне,
Ружье за плечами блестит при луне.

"Ты, спутник, скажи мне, скажи мне, кто
ты?"

Твои мне как будто знакомы черты.
Скажи, что тебя в этот час привело?
Чему ты смеешься так горько и зло?"

"Смеюсь я, товарищ, мечтаньям твоим,
Смеюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любим?
Что вправду ты сам ее любишь?"

Смешно мне, смешно, что, так пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись, порывы твои уж не те!
Она для тебя уж не тайна,

Случайно сошлись вы в мирской суете,
Вы с ней разойдетесь случайно.

Смеюся я горько, смеюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты так тяжело".
Все тихо, объято молчаньем и сном,
Исчез мой товарищ в тумане ночном,
В тяжелом раздумье, один, при луне,
Я по полю еду на добром коне...

1851

* * *

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя
радость!

Жизнью твоею я жил и слезами твоими я
плакал;

Мысленно вместе с тобой протрадал я ми-
нувшие

годы,

Все перечувствовал вместе с тобой, и пе-
чаль и

надежды,

Многое больно мне было, во многом тебя
упрекнул я;

Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни
страданий;

Дороги мне твои слезы и дорого каждое

слово!

Бедное вижу в тебе я дитя, без отца, без опоры;

Рано познала ты горе, обман и людское злословье,

Рано под тяжестью бед твои преломилися силы!

Бедное ты деревцо, поникшее долу головкой!

Ты прислонися ко мне, деревцо, к зеленому вязу:

Ты прислонися ко мне, я стою надежно и прочно!

21 октября 1851

* * *

Ты не спрашивай, не распытывай,

Умом-разумом не раскидывай:

Как люблю тебя, почему люблю,

И за что люблю, и надолго ли?

Ты не спрашивай, не распытывай:

Что сестра ль ты мне, молода ль жена

Или детище ты мне малое?

И не знаю я, и не ведаю,

Как назвать тебя, как прикликати.

Много цветиков во чистом поле,

Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

30 октября 1851

* * *

Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихорь, страсть ворвалася
нежданно,

С налета смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад, тщеславием убранный.
Условий мелкий сор крутящимся столбом
Из мысли унесла живительная сила
И током теплых слез, как благостным до-
ждем,

Опустошенную мне душу оросила.
И над обломками безмолвен я стою,
И, трепетом еще неведомым объятый,
Воскреснувшего дня пью свежую струю
И грома дальнего внимаю перекаты...
1851 или 1852 (?)

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...
1851 или 1852 (?)

* * *

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.
И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.
И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,

И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подьмется певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

1851 или 1852 (?)

* * *

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

[1854]

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.
Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.
Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.
"Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!

Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!"
И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,
Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет все боле,- а цепи
Дорогу метут да метут...
Первая половина 1850-х годов

СТРЕЛКОВЫЕ ПЕСНИ

1

Слава на небе солнцу высокому!
Слава!
На земле государю великому
Слава!
Слава на небе светлым звездам,
Слава!
На земле государевым стрелкам
Слава!
Чтобы рука их была всегда тверда,
Слава!
Око быстрее, светлей соколиного,
Слава!

Чтобы привел бог за матушку-Русь посто-
ять,

Слава!

Наших врагов за рубеж провожать,

Слава!

Чтобы нам дума была лишь о родине,

Слава!

Ину ж печаль мы закинем за синюю даль,

Слава!

Чтобы не было, опричь Руси, царства силь-
ней,

Слава!

Нашего ласкова государя добрей,

Слава!

Чтобы не было русского слова крепчей,

Слава!

Чтобы не было русской славы громчей,

Слава!

Чтобы не было русской песни звучней,

Слава!

Да чтоб не было царских стрелков удалей,

Слава!

2

Уж как молодцы пируют

Вкруг дубового стола;

Их кафтаны нараспашку,
Их беседа весела.
По столу-то ходят чарки,
Золоченые звенят.
Что же чарки говорят?
Вот что чарки говорят:
Нет! Нет!
Не бывать,
Не бывать тому,
Чтобы мог француз
Нашу Русь завоевать!
Нет!

1855

* * *

Уж ты мать-тоска, горе-гореваньице!
Ты скажи, скажи, ты поведай мне:
На добычу-то как выходишь ты?
Как сживаешь люд божий со свету?
Ты змеей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь с неба бурым коршуном?
Серым волком ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могуч,
Выезжаешь со многой силою,
Выезжаешь со гридни и отроки?
Уж вскочу в седло, захвачу тугой лук,

Уж доеду тебя, горе горячее,
Подстрелю тебя, тоску лютую!
"Полно, полно, добрый молодец,
Бранью на ветер кидатися,
Неразумны слова выговаривать!
Я не волком бегу, не змеей ползу,
Я не коршуном бью из поднебесья,
Не с дружиною выезжаю я!
Выступаю-то я красной девицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, в пояс кланяюсь;
И ты сам слезешь с коня долой,
Красной девице отдашь поклон,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцем всплачешься,
Ноги скорые-то подкосятся,
И тугой лук из рук выпадет!.."

[1856]

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.
Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет;

Все весны дыханием согрето,
Все кругом и любит и поет;
Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звезды светят так светло;
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?
Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю
И земной весны тебе не жаль...

[1856]

* * *

Уж ты нива моя, нивушка,
Не скосить тебя с маху единого,
Не связать тебя всю во единый сноп!
Уж вы думы мои, думушки,
Не стряхнуть вас разом с плеч долой,
Одной речью-то вас не высказать!
По тебе ль, нива, ветер разгуливал,
Гнул колосья твои до земли,
Зрелые зерна все разметывал!
Широко вы, думы, порассыпались...
Куда пала какая думушка,
Там всходила люта печаль-трава,
Вырастало горе горючее!

[1856]

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

[1856]

* * *

Грядой клубится белою
Над озером туман;
Тоскою добрый молодец
И горем обуян.
Не довеку белеется
Туманная гряда,
Рассеется, развеется,
А горе никогда!

[1856]

* * *

Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо...
О друг ты мой бедный, боюсь, со мной

Не быть тебе долго счастливой:
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы!

[1856]

* * *

О, не пытайся дух унять тревожный,
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,
Она болит и рвется на простор.
Но все ее невидимые муки,
Нестройный гул сомнений и забот,
Все меж собой враждующие звуки
Последний час в созвучие сольет,
В один порыв смешает в сердце гордом
Все чувства, врозь которые звучат,
И разрешит торжественным аккордом
Их голосов мучительный разлад.

[1856]

* * *

Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо,

Над озером туман тянулся полосой,

И кроткий образ твой, знакомый и любимый,

В вечерний тихий час носился предо мной.
Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час.
[1856]

КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ

1

Над неприступной крутизною
Повис туманный небосклон;
Там гор зубчатою стеною
От юга север отделен.
Там ночь и снег; там, враг веселья,
Седой зимы сердитый бог
Играет вьюгой и метелью,
Ярсь, уста примкнул к ущелью
И воет в их гранитный рог.
Но здесь благоухают розы,
Бессильно вихрем снеговым
Сюда он шлет свои угрозы,
Цветущий берег невредим.
Над ним весна молодая веет,
И лавр, Дианою храним,
В лучах полудня зеленеет
Над морем вечно голубым.

2

Клонит к лени полдень жгучий,
Замер в листьях каждый звук,
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук;
А из камней вытекаая,
Однозвучен и гремуч,
Говорит, не умолкая,
И поет нагорный ключ.

3

Всесильной волею аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег.
Все налицо, все без увечья:
Что значит ловкость человечья!
А признаюсь, когда мы там
Ползли, как мухи, по скалам,
То мне немного было жутко:
Сорваться вниз плохая шутка!
Гуссейн, послушай, помоги
Стащить мне эти сапоги,
Они потрескались от жара;
Да что ж не видно самовара?
Сходи за ним; а ты, Али,

Костер скорее запали.
Постелим скатерти у моря,
Достанем ром, заварим чай,
И все возляжем на просторе
Смотреть, как пламя, с ночью споря,
Померкнет, вспыхнет невзначай
И озарит до половины
Дубов зеленые вершины,
Песчаный берег, водопад,
Крутых утесов грозный ряд,
От пены белый и ревущий
Из мрака выбежавший вал
И перепутанного плюща
Концы, висящие со скал.

4

Ты помнишь ли вечер, как море шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей?
Меж камней, обросших густым виногра-
дом,
Дорога была так узка;
В молчанье над морем мы ехали рядом,
С рукою сходилась рука.
Ты так на седле нагибалась красиво,

Ты алый шиповник рвала,
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала;
Одежды твоей непослушные складки
Цеплялись за ветви, а ты
Беспечно смеялась - цветы на лошадке,
В руках и на шляпе цветы!
Ты помнишь ли рев дождевого потока
И пену и брызги кругом;
И как наше горе казалось далеко,
И как мы забыли о нем!

5

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа вас манит,
И возмущает вас немало
Мой деревенский аппетит.
Но взгляд мой здесь иного рода,
Во мне лицеприятья нет;
Ужели вишни не природа
И тот, кто ест их, не поэт?
Нет, нет, названия вандала
От вас никак я не приму:
И Ифигения едала,
Когда она была в Крыму!

6

Туман встает на дне стремнин,
Среди полуночной прохлады
Сильнее пахнет дикий тмин,
Гремят слышнее водопады.
Как ослепительна луна!
Как гор очерчены вершины!
В серебристом сумраке видна
Внизу Байдарская долина.
Над нами светят небеса,
Чернеет бездна перед нами,
Дрожит блестящая роса
На листьях крупными слезами...
Душе легко. Не слышу я
Оков земного бытия,
Нет места страху, ни надежде,
Что будет впредь, что было прежде
Мне все равно - и что меня
Всегда как цепь к земле тянуло,
Исчезло все с тревогой дня,
Все в лунном блеске потонуло...
Куда же мысль унесена?
Что ей так видится дремливо?
Не средь волшебного ли сна
Мы едем вместе вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,

Ко мне склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно?
Иль при обманчивой луне
Меня лишь дразнит призрак ложный
И это сон? О, если б мне
Проснуться было невозможно!

7

Как чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синего заливы,
Лавры, скалы и цветы!
Но мешают мне немножко
Жизнью жить средь этих стран:
Скорпион, сороконожка
И фигуры англичан.

8

Обычной полная печали,
Тыходишь в этот бедный дом,
Который ядра осыпали
Недавно пламенным дождем;
Но юный плющ, вивясь вокруг зданья,
Покрыл следы вражды и зла

Ужель еще твои страданья

Моя любовь не обвила?

9

Приветствую тебя, опустошенный дом,

Завядшие дубы, лежащие кругом,

И море синее, и вас, крутые скалы,

И пышный прежде сад - глухой и одичалый!

Усталым путникам в палящий летний день

Еще даешь ты, дом, свежительную тень,

Еще стоят твои поруганные стены,

Но сколько горестной я вижу перемены!

Едва лишь я вступил под твой знакомый кров,

Бросаются в глаза мне надписи врагов,

Рисунки грубые и шутки площадные,

Где с наглым торжеством поносится Россия;

Все те же громкие, хвастливые слова

Нечестное врагов оправдывают дело.

Вздыхнув, иду вперед; мохнатая сова

Бесшумно с зеркала разбитого слетела;

Вот в угол бросилась испуганная мышь...

Везде обломки, прах; куда ни поглядишь,

Везде насилие, насмешки и угрозы;
А из сада в окно вползающие розы,
За мраморный карниз цепляясь там и тут,
Беспечно в красоте раскидистой цветут,
Как будто на дела враждебного народа
Набросить свой покров старается природа;
Вот ящерица здесь меж зелени и плит,
Блестя как изумруд, извилисто скользит,
И любо ей играть в молчании могильном,
Где на пол солнца луч столбом ударил
пыльным...

Но вот уж сумерки; вот постепенно мгла
На берег, на залив, на скалы налегла;
Все больше в небе звезд, в аллеях все тем-
нее,

Душистее цветы, и запах трав сильнее;
На сломанном крыльце сажу я, полон дум;
Как тихо все кругом, как слышен моря
шум...

10

Тяжел наш путь, твой бедный мул
Устал топтать терновник злобный;
Взгляни наверх: то не аул,
Гнезду орлиному подобный;
То целый город; смолкнул гул

Народных празднеств и торговли,
И ветер тления подул
На богом проклятые кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласят народные скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
От ига чуждого бежали,
И град возник на высях гор.
Забыв отцов своих позор
И горький плен Ерусалима,
Здесь мирно жили караимы;
Но ждал их давний приговор,
И пала тяжесть божья гнева
На ветвь караемого древа.
И город вымер. Здесь и там
Остатки башен по стенам,
Кривые улицы, кладбища,
Пещеры, рытые в скалах,
Давно безлюдные жилища,
Обломки, камни, пыль и прах,
Где взор отрады не находит;
Две-три семьи как тени бродят
Средь голых стен; но дороги
Для них родные очаги,

И храм отцов, от моха черный,
Над коим плавные круги,
Паря, чертит орел нагорный...

11

Где светлый ключ, спускаясь вниз,
По серым камням точит слезы,
Ползут на черный кипарис
Гроздами пурпурные розы.
Сюда когда-то, в жгучий зной,
Под темнолиственные лавры,
Бежали львы на водопой
И буро-пегие кентавры;
С козлом бодался здесь сатир;
Вакханки с криками и смехом
Свершали виноградный пир,
И хор тимпанов, флейт и лир
Сливался шумно с дальним эхом.
На той скале Дианы храм
Хранила девственная жрица,
А здесь над морем по ночам
Плыла богини колесница...
Но уж не та теперь пора;
Где был заветный лес Дианы,
Там слышны звуки топора,
Грохочут вражьи барабаны;

И все прошло; нигде следа
Не видно Греции счастливой,
Без тайны лес, без плясок нивы,
Без песней пестрые стада
Пасет татарин молчаливый...

12

Солнце жжет; перед грозою
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзою
Изумруд и малахит.
Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятья
Изнывающей земли,
И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

13

Смотри, все ближе с двух сторон
Нас обнимает лес дремучий;
Глубоким мраком полон он,
Как будто набежали тучи,
Иль меж деревьев вековых
Нас ночь безвременно застигла,

Лишь солнце сыплет через них
Местами огненные иглы.
Зубчатый клен, и гладкий бук,
И твердый граб, и дуб корнистый
Вторят подков железный звук
Средь гама птичьего и свиста;
И ходит трепетная смесь
Полутеней в прохладе мглистой,
И чует грудь, как воздух весь
Пропитан сыростью душистой.
Вон там украдкой слабый луч
Скользит по липе, мхом одетой,
И дятла стук, и близко где-то
Журчит в траве незримый ключ...

14

Привал. Дымяся, огонек
Трещит под таганом дорожным,
Пасутся кони, и далек
Весь мир с его волненьем ложным.
десь долго б я с тобою мог
Мечтать о счастье возможном!
Но, очи грустно опустив
И наклонясь над крутизною,
Ты молча смотришь на залив,
Окружена зеленой мглою...

Скажи, о чем твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам,
Но в жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?
Из синих волн не для тебя ли
Восходят солнечные дни?
А этот вечер? О, взгляни,
Какое мирное сиянье!
Не слышно в листьях трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Как точки белые вдали,
Едва скользят, в пространстве тая;
Какая тишина святая
Царит кругом! Нисходит к нам
Как бы предчувствие чего-то;
В ущельях ночь; в тумане там
Дымится сизое болото,
И все обрывы по краям
Горят вечерней позолотой...

Лето 1856-1858

* * *

Как здесь хорошо и приятно,
Как запах дерев я люблю!
Орешника лист ароматный
Тебе я в тени настелю.
Я там, у подножья аула,
Тебе шелковицы нарву,
А лошадь и бурого мула
Мы пустим в густую траву.
Ты здесь у фонтана приляжешь,
Пока не минуется зной,
Ты мне улыбнешься и скажешь,
Что ты не устала со мной.

Лето 1856

* * *

Растянулся на просторе
И на сонных берегах,
Окунувши морду в море,
Косо смотрит Аюдаг(*).
Обогнуть его мне надо,
Но холмов волнистый рой,
Как разбросанное стадо,
Все толпится предо мной.
Добрый конь мой, долго шел ты,

Терпеливо ношу нес;
Видишь там лилово-желтый,
Солнцем тронутый утес?
Добрый конь мой, ободрися,
Ускори ленивый бег,
Там под сенью кипариса
Ждет нас ужин и ночлег!
Вот уж час, как в ожиданье
Конь удваивает шаг,
Но на прежнем расстоянье
Косо смотрит Аюдаг.
Тучи море затянули,
Звезды блещут в небесах,
Но не знаю, обогну ли
Я до утра Аюдаг?

* * *

(*) А ю д а г - Медведь-гора.

Лето 1856

* * *

Войдем сюда; здесь меж руин
Живет знакомый мне раввин;
Во дни прошедшие, бывало,
Видал я часто старика;
Для поздних лет он бодр немало,

И перелистывать рука
Старинных хартий не устала.
Когда вдали режут валы
И дикий кот, мяуча, бродит,
Талмуда враг и Каббалы,
Всю ночь в молитве он проводит;
Душистей нет его вина,
Его улыбка добродушна,
И, слышал я, его жена
Тиха, прекрасна и послушна;
Но недоверчив и ревнив
Седой раввин [...]
Он примет странников радушно,
Но не покажет им супруг
Своей чудесной половины
Ни за янтарь, ни за жемчуг,
Ни за звенящие цехины!
Лето 1856

* * *

Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг!
Из морского сделал бы тюльпана
Я ладью тебе, моя краса;

Мачты были б розами убраны,
Из чудесной ткани паруса!
Если б я был богом океана,
Я б любил тебя, моя душа;
Я б любил без бури, без обмана,
Я б носил тебя, едва дыша!
Но беда тому, кто захотел бы
Разлучить меня с тобою, друг!
Всклокотал бы я и закипел бы!
Все валы свои погнал бы вдруг!
В реве бури, в свисте урагана
Враг узнал бы бога океана!
Всюду, всюду б я его сыскал!
Со степей сорвал бы я курганы!
Доплеснул волной до синих скал,
Чтоб добыть тебя, моя циана,
Если б я был богом океана!

Лето 1856

* * *

Что за грустная обитель
И какой знакомый вид!
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит;
Стукнет вправо, стукнет влево,
Будит мыслей длинный ряд,

В нем рассказы и напевы
Затверженные звучат.
А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча;
Где-то пес далеко лает,
Ходит маятник, стуча;
Стукнет влево, стукнет вправо,
Все твердит о старине;
Грустно так; не знаю, право,
Наяву я иль во сне?
Вот уж лошади готовы
Сел в кибитку и скачу,
Полно, так ли? Вижу снова
Ту же сальную свечу,
Ту же грустную обитель,
И кругом знакомый вид,
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит...

Лето 1856

* * *

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.
Уж я тоскую, прежней страсти полный,

Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

Лето 1856

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

Лето 1856

* * *

Усни, печальный друг, уже с грядущей
ТЬМОЙ

Вечерний алый свет сливается все боле;
Блеящие стада вернулись домой,
И улеглася пыль на опустелом поле.
Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат,
И да перенесет тебя он в жизнь иную!
Издавна был он мне в печали друг и брат,
Усни, мое дитя, к нему я не ревную!
На раны сердца он забвение прольет,
Пытливую тоску от разума отымет
И с горестной души на ней лежащий гнет

До нового утра незримо приподымет.
Томимая весь день душевною борьбой,
От взоров и речей враждебных ты устала,
Усни, мое дитя, меж ними и тобой
Он благостной рукой опустит покрывало!

Август 1856

* * *

Да, братцы, это так, я не под пару вам,
То я весь в солнце, то в тумане,
Веселость у меня с печалью пополам,
Как золото на черной ткани.
Вам весело, друзья, пируйте ж в добрый
час,

Не враг я песням и потехам,
Но дайте погрустить, и, может быть, я вас
Еще опережу неудержимым смехом!

Август 1856 г.

* * *

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И вечер тих;
Когда невольно просится певучий
Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест нивы
Иль шум деревьев;
Когда кипит во мне нетерпеливо

Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо мною
Надежды луч;
Средь суеты мирского развлеченья,
Среди забот,
Моя душа в надежде и в сомненье
Тебя зовет;
И трудно мне умом понять разлуку,
Ты так близка,
И хочет сжать твою родную руку
Моя рука!

Август или сентябрь 1856

* * *

Сердце, сильней разгораясь от году до году,
Брошено в светскую жизнь, как в студеную
воду.

В ней, как железо в раскале, оно закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною недоброе дело!
Буду кипеть, негодуя, тоской и печалью,
Все же не стану блестящей холодной ста-
лью!

Август или сентябрь 1856

* * *

В стране лучей, незримой нашим взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным хором
Своих молитв немолчные дары;
Блаженством там сияющие лики
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты;
Все, что они желали и любили,
Все, что к земле привязывало их,
Все на земле осталось горстью пыли,
А в небе нет ни близких, ни родных.
Но ты, о друг, лишь только звуки рая
Как дальний зов в твою проникнут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!
Прощальный взор бросая нашей жизни,
Душою, друг, взглядишь в мои черты,
Чтобы узнать в заоблачной отчизне
Кого звала, кого любила ты,
Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой встречи,
В стране лучей и помнить и грустить!
Август или сентябрь 1856

* * *

Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути
Не знаю, направо ль, налево ль идти?
Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!
Август или сентябрь 1856

* * *

Тщетно, художник, ты мнишь, что творе-
ний своих ты
создатель!

Вечно носились они над землею, незри-
мые оку.

Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского
славного Зевса!

Фидий ли выдумал это чело, эту львиную
гриву,

Ласковый, царственный взор из-под мрака

бровей

громоносных?

Нет, то не Гете великого Фауста создал, который,

В древнегерманской одежде, но в правде глубокой,

вселенской,

С образом сходен предвечным своим от слова до слова.

Или Бетховен, когда находил он свой марш похоронный,

Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,

Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,

Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса?

Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном

пространстве,

Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыданья.

Много в пространстве невидимых форм и неслышимых

звуков,

Много чудесных в нем есть сочетаний и
слова и света,

Но передаст их лишь тот, кто умеет и ви-
деть и слышать,

Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь со-
звучье, лишь
слово,

Целое с ним вовлекает создание в наш мир
удивленный.

О, окружи себя мраком, поэт, окружися
молчаньем,

Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как
Бетховен,

Слух же душевный сильнее напрягай и ду-
шевное зренье,

И как над пламенем грамоты тайной бес-
цветные строки

Вдруг выступают, так выступят вдруг пред
тобою

картины,

Выйдут из мрака все ярче цвета, осязатель-
ней формы,

Стройные слов сочетания в ясном сплетут-
ся значенье...

Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, прита-

ивши дыханье,

И, созидавая потом, мимолетное помни виденье!

Октябрь 1856

* * *

Что ты голову склонила?
Ты полна ли тихой ленью?
Иль грустишь о том, что было?
Иль под виноградной сенью
Начертания сквозные
Разгадать хотела б ты,
Что на землю вырезные
Сверху бросили листы?
Но дрожащего узора
Нам значенье непонятно
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то не возвратно!
Час полуденный палящий,
Полный жизни огневой,
Час веселый настоящий,
Этот час один лишь твой!
Не клони ж печально взора
На рисунок непонятный
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то не возвратно!

Ноябрь 1856

Б. М. МАРКЕВИЧУ

Ты прав; мой своенравный гений
Слетал лишь изредка ко мне;
Таясь в душевной глубине,
Дремала буря песнопений;
Меня ласкали сон и лень,
Но, цепь житейскую почуя,
Воспрянул я; и, негодуя,
Стихи текут. Так в бурный день,
Прорезав тучи, луч заката
Сугубит блеск своих огней,
И так река, скалами сжата,
Бежит сердитей и звучней!
Осень 1856

* * *

И у меня был край родной когда-то;
Со всех сторон
Синела степь; на ней белели хаты
Все это сон!
Я помню дом и пестрые узоры
Вокруг окон,
Под тенью лип душистых разговоры
Все это сон!
Я там мечтою чистой, безмятежной

Был озарен,

Я был любим так искренно, так нежно

Все это сон!

И думал я: на смерть за край родимый

Я обречен!

Но гром умолк; гроза промчалась мимо

Все было сон!

Летучий ветер, неси ж родному краю,

Неси поклон;

В чужбине век я праздно доживаю

Все было сон!

1856 (?)

* * *

Господь, меня готовя к бою,

Любовь и гнев вложил мне в грудь,

И мне десницею святою

Он указал правдивый путь;

Одушевил могучим словом,

Вдохнул мне в сердце много сил,

Но непреклонным и суровым

Меня господь не сотворил.

И гнев я свой истратил даром,

Любовь не выдержал свою,

Удар напрасно за ударом

Я отбивая устаю.

Навстречу их враждебной вьюги
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну раненный в бою.

[1857]

* * *

Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души.
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,
Смиряется во мне волненье жизни лож-
ной,

Душа, как озеро, прозрачна и сквозна,
И взор я погрузить в нее могу до дна;
Спокойной мыслию, ничем не возмути-
мой,

Твой отражаю лик желанный и любимый
И ясно вижу глубь, где, как блестящий
клад,

Любви моей к тебе сокровища лежат.

[1857]

* * *

Не божиим громом горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося;
Собиралось оно малыми тучками,

Затянули тучки небо ясное,
Посеяло горе мелким дождичком,
Мелким дождичком осенним.
А и сеет оно давным-давно,
И сечет оно без умолку,
Без умолку, без устали,
Без конца сечет, без отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сном-дремотою, зевотою.

- Уже полно, горе, дуб ломать по
прутикам,

Щипати по листикам!

А и бывало же другим счастьеце:
Налетало горе вихрем-бурею,
Ворочало горе дубы с корнем вон!

[1857]

* * *

Ой, честь ли то молодцу лен прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть?
Во приказе сидеть, потолок коптить?
Ой, коня б ему! гусли б звонкие!

Ой, в луга б ему, во зеленый бор!
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черемушке
Целу ноченьку напролет поет!
[1857]

* * *

Ты неведомое, незнамое,
Без виду, без образа,
Без имени-прозвища!
Полно гнуть меня ко сырой земле,
Донимать меня, добра молодца!
Как с утра-то встану здоровешенек,
Здоровешенек, кажись гору сдвинул бы,
А к полудню уже руки опускаются,
Ноги словно ко земле приросли.
А подходит оно без оклика,
Меж хотенья и дела втирается,
Говорит: "Не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!"
И субботу называет пятницей,
Фомину неделю светлым праздником.
Я пуцуся ли в путь-дороженьку,
Ан оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло;
Я за дело примусь, ан оно мухою

Перед носом снует, извивается;
А потом тебе же насмехается:
"Ой, удал, силен, добрый молодец!
Еще много ли на боку полежано?
Силы-удали понакоплено?
Отговорок-то понахожено?
А и много ли богатырских дел,
На печи сидючи, понадумано?
Вахлаками других поругано?
Себе спину почесано?"

[1857]

* * *

Он водил по струнам; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиною цвета отливов
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались

Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билось сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857

* * *

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,

Красуясь, идет нарядная весна:

Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.
Как праздничный мне лик весны теперь
несносен!

Как грустен без тебя дерев зеленых вид!

И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпля желтый лист, нас вновь соеди-
нит!

Весна 1857 (?)

* * *

Деревцо мое миндальное
Все цветами убирается,
В сердце думушка печальная
Поневоле зарождается:
Деревцом цветы обронятся,
И созреет плод непрощеный,
И зеленое наклонится
До земли под горькой ношею!

1857 или 1858

* * *

Мой строгий друг, имей терпенье
И не брани меня так зло;
Не вдруг приходит вдохновенье,
Земное бремя тяжело;
Простора нет орлиным взмахам;
Как Этны темное жерло,
Моя душа покрыта прахом.
Но в глубине уж смутный шум,
И кратер делается тесен
Для раскалившихся в нем дум,

Для разгорающихся песен.
Пожди еще, и грянет гром,
И закружится дым кудрявый,
И пламя, вырвавшись столпом,
Польется вниз звенящей лавой.
1857 или 1858 [?]

* * *

Двух станов не боец, но только гость случайный,
чайный,

За правду я бы рад поднять мой добрый меч,

Но спор с обоими досель мой жребий тайный,

И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами
Не купленный никем, под чье б ни стал я
знамя,

Пристрастной ревности друзей не в силах
снести,

Я знамени врага отстаивал бы честь!

[1858]

* * *

Как селянин, когда грозят
Войны тяжелые удары,
В дремучий лес несет свой клад

От нападенья и пожара,
И там во мрачной тишине
Глубоко в землю зарывает,
И на чешуйчатой сосне
Свой знак с заклатьем зарубает,
Так ты, певец, в лихие дни,
Во дни гоненья рокового,
Под темной речью хорони
Свое пророческое слово.

[1858]

* * *

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травую запахло душистою.
Знаю, что к тебе в думушку вкралось,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы!
Твое сердце болит безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,
Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,

Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

[1858]

* * *

Ты почто, злая кручинушка,
Не вконец извела меня, бедную,
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру с вечером,
Не ужиться двум добрым молодцам;
Из-за меня они ссорятся,
А и оба меня корят, бранят.
Уж как станет меня брат корить:
"Ты почто пошла за боярина?
Напросилась в родню неровную?
Отщепенница, переметчица,
От своей родни отступница!"
"Государь ты мой, милый братец мой,
Я в родню к ним не напрашивалась,
И ты сам меня уговаривал,
Снаряжал меня, выдавал меня!"
Уж как станет меня муж корить:
"Из какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданого?
Еще чем меня опоила ты,
Приговорщица, приворотница,

Меня с нашими разлучница?"

"Государь ты мой, господин ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взял меня вольной волею,
А приданого за мной немного есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебе, сударь, поклонная!"
Перекинулся хмель через реченьку,
С одного дуба на другой дуб,
И качается меж обоими,
Над быстрой водой зеленеючи,
Злой кручинушки не знаячи,
Оба дерева обнимаючи.

[1858]

* * *

Рассеивается, расступается
Грусть под думами под могучими,
В душу темную пробивается
Словно солнышко между тучами!
Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя,
Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!
Прикачнулась, привалилася
К сердцу сызнава грусть обычная,

И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная...

[1858]

* * *

Что ни день, как поломя со влагой,
Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в тумане
Золотой узор на темной ткани.

[1858]

* * *

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.
Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,
И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны

Между небом и землей.

[1858]

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

[1858]

* * *

Источник за вишневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.
Все тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

[1858]

* * *

О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увя-
дая,

Пригнутая к земле, как тополь молодая;
Поблекла свежая ветвей твоих краса,
И листья кроет пыль и дольная роса.
О, долго ль быть тебе печальной и согнутой?

Смотри, пришла весна, твои не крепки пути,
Воспрянь и подымись трепещущим столбом,

Вершиною шумя в эфире голубом!

[1858]

* * *

В совести искал я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошал довольно
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свете жить мне тяжело и больно.
Каждый звук случайный я ловлю пытливо,
Песня ли раздастся на селе далеком,
Ветер ли всколышет золотую ниву
Каждый звук неясным мне звучит упретком.

Залегло глубоко смутное сомненье,
И душа собою вечно недовольна:
Нет ей приговора, нет ей примиренья,
И на свете жить мне тяжело и больно!

Согласить я силюсь, что несогласимо,
Но напрасно разум бьется и хлопочет,
Горестная чаша не проходит мимо,
Ни к устам зовущим низойти не хочет!
[1858]

* * *

Минула страсть, и пыл ее тревожный
Уже не мучит сердца моего,
Но разлюбить тебя мне невозможно,
Все, что не ты,- так суетно и ложно,
Все, что не ты,- бесцветно и мертво.
Без повода и права негодуя,
Уж не кипит бунтующая кровь,
Но с пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о друг, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.
Так от высот нахмуренной природы,
С нависших скал сорвавшийся поток
Из царства туч, грозы и непогоды
В простор степей выносит те же воды
И вдаль течет, спокоен и глубок.
[1858]

* * *

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,

Душа бездейственно в пространстве утопа-
ет

И в неге врозь ее расходятся лучи.

Но в скромный, тихий день, осеннюю пого-
дой,

Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренной природой,
И немощен ее на жизнь мою напор.

Мой трезвый ум открыт для сильных вдох-
новений,

Сосредоточен я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой;

Смотрю на кучу скирд, на сломанный за-
бор,

На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий,

И в ближний лес вхожу. Там покраснев-
ший клен,

Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,

А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоухан-
ный.

[1858]

* * *

Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сво-
дом,

Ряд жизней мысленно отыскивать иных
И, путь свершая мой, с улыбкой мимохо-
дом

Смотрю на прах забот и горестей земных.
Зачем же сердце так сжимается невольно,
Когда твой встречу взор, и так тебя мне
жаль,

И каждая твоя мгновенная печаль
В душе моей звучит так долго и так боль-
но?

[1858]

* * *

Замолкнул гром, шуметь гроза устала,
Светлеют небеса;
Меж черных туч приветно засияла

Лазури полоса.

Еще дрожат цветы, полны водою

И пылью золотой,

О, не топчи их с новою враждою

Презрительной пятой.

[1858]

* * *

Змея, что по скалам влечешь свои извивы

И между трав скользишь, обманывая взор,

Помедли, дай списать чешуйный твой

узор:

Хочу для девы я холодной и красивой

Счеканить по тебе причудливый убор.

Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,

К сопернику тайком счастливому пойдет,

Пускай блестит, как ты, и в золоте и в чер-

ни,

И пестрый твой в траве напоминает ход!

[1858]

* * *

Ты жертва жизненных тревог,

И нет в тебе сопротивленья,

Ты, как оторванный листок,

Плывешь без воли по теченью;

Ты как на жниве сизый дым:

Откуда ветер ни повеет,
Он только стелется пред ним
И к облакам бежать не смеет;
Ты словно яблони цветы,
Когда их снег покрыл тяжелый:
Страхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу;
Ты как лощинка в вешний день:
Когда весь мир благоухает,
Соседних гор ложится тень
И ей одной цвести мешает;
И как с вершин бежит в нее
Снегов растаявшая гряда,
Так в сердце бедное твое
Стекает горе отовсюду!

[1858]

* * *

Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягченная склоняется глава.
И он, не ведая ни радости, ни веры,
В меня вдыхает злость - к кому, не знаю
сам
И лживым зеркалом могучие размеры

Лукаво придает ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он ря-
дом,

Веселость им у нас надолго отнята,
И сердце он мое напитывает ядом
И речи горькие влагает мне в уста.
И все, что есть во мне порочного и злого,
Клубится и растет все гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чем верю и живу я.

[1858]

* * *

С тех пор как я один, с тех пор как ты дале-
ко,

В тревожном полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственной духовная твоя.
Сестра моей души! с улыбкою участия
Твой тихий кроткий лик склоняется ко
мне,

И я, исполненный мучительного счастья,
Любящий чую взор в тревожном полусне.
О, если в этот час ты также им объята,

Мы дуною, скажи, проникнуты ль одной?
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над то-
бой?

[1858]

* * *

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О, не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега.
Когда Глагола творческая сила
Толпы миров возвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.
И порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаяся, цветы.
И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,

И ничего мы вместе не сольем.
Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!
[1858]

* * *

Я вас узнал, святые убежденья,
Вы спутники моих минувших дней,
Когда, за беглой не гоняясь тенью,
И думал я и чувствовал верней,
И юною душою ясно видел
Все, что любил, и все, что ненавидел!
Средь мира лжи, средь мира мне чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора, и вы воскресли снова,
Мой прежний гнев и прежняя любовь!
Рассеялся туман и, слава богу,
Я выхожу на старую дорогу!
По-прежнему сияет правды сила,
Ее сомненья боле не затмят;
Неровный круг планета совершила
И к солнцу снова катится назад,
Зима прошла, природа зеленеет,

Луга цветут, весной душистой веет!

[1858]

* * *

О, не спеши туда, где жизнь светлей и чи-
ще

Среди миров иных;

Помедли здесь со мной, на этом пепелище

Твоих надежд земных!

От праха отрешась, не удержат полета

В неведомую даль!

Кто будет в той стране, о друг, твоя забота

И кто твоя печаль?

В тревоге бытия, в безбрежном колыханье

Без цели и следа,

Кто в жизни будет мне и радость, и дыха-
нье,

И яркая звезда?

Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконеч-
ной

Единое звено,

И выше восходить в сиянье правды вечной

Нам врозь не суждено!

[1858]

МАДОННА РАФАЭЛЯ

Склоняся к юному Христу,

Его Мария осенила;
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.
А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед - и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

[1858]

* * *

Дробится, и плещет, и брызжет волна
Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сажу я - полна
Душа безотчетной отвагой.
Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла;
О море, кого же мне вызвать на бой,
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа,
Сродни ей шумящее море!

[1858]

* * *

Не пенится море, не плещет волна,
Деревья листьями не двинут,

На глади прозрачной царит тишина,
Как в зеркале мир опрокинут.
Сижу я на камне, висят облака
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
Сродни ей спокойное море.
[1858]

* * *

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо,
Точно падает жемчуг
На серебряное блюдо!
[1858]

* * *

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, господь, живящей бурей
На душу сонную мою.
Как глас упрека, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,

И прах бездействия смети.
Да вспряну я, тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

[1858]

* * *

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространство от них упадая звезд-
дами,

Светлой и длинной вились за ней верени-
цей.

Встречные тихо ее вопрошали светила:
"Что ты грустна? и о чем эти слезы во взо-
ре?"

Им отвечала она: "Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.
Здесь я лишь ликам блаженства и радости
внемлю.

Праведных души не знают ни скорби, ни
злобы

О, отпусти меня снова, создатель, на зем-
лю,

Было б о ком пожалеть и утешить кого

бы!"

[1858]

* * *

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь;
Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;
То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет.

[1858]

* * *

Вырастает дума, словно дерево,
Вроет в сердце корни глубокие,
По поднебесью ветвями раскинется,
Задрожит, зашумит тучей лиственных.
Сердце знает ту думу крепкую,
Что оно взрастило, взлелеяло,
Разум сможет ту думу окинуть,
Сможет слово ту думу высказать.

А какая то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинуть?
Промелькнет она без образа,
Вспыхнет дальнею зарницею,
Озарит на миг душу темную,
Много вспомнится забытого,
Много смутного, непонятого
В миг тот ясно сердцу скажется;
А рванешься за ней, погонишься
Только очи ее и видели,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету ветра буйного,
Тень от облака летучего
Не прибить гвоздем ко сырой земле.

[1858]

* * *

Тебя так любят все! Один твой тихий вид
Всех делает добрей и с жизнью мирит.
Но ты грустна; в тебе есть скрытое муче-
нье,
В душе твоей звучит какой-то приговор;
Зачем твой ласковый всегда так робок
взор
И очи грустные так молят о прощенье,

Как будто солнца свет, и вешние цветы,
И тень в полдневный зной, и шепот по дуб-
равам,

И даже воздух тот, которым дышишь ты,
Все кажется тебе стяжанием неправым?

[1858]

* * *

Хорошо, братцы, тому на свете жить,
У кого в голове добра не много есть,
А сидит там одно-одинешенько,
А и сидит оно крепко-накрепко,
Словно гвоздь обухом вколоченный.

И глядит уж он на свое добро,
Все глядит на него, не спуская глаз,
И не смотрит по сторонешкам,
А знай прет вперед, напролом идет,
Давит встречного-поперечного.

А беда тому, братцы, на свете жить,
Кому бог дал очи зоркие,

Кому видеть дал во все стороны,
И те очи у него разбегаются;

И кажись, хорошо, а лучше есть,
А и худо, кажись, не без доброго!

И дойдет он до распутица,
Не одну видит в поле дороженьку,

И он станет, призадумается,
И пойдет вперед, воротится,
Начинает идти сызнова,
А дорогою-то засмотрится
На луга, на леса зеленые,
Залюбуется на божьи цветики
И заслушается вольных пташечек.
И все люди его корят, бранят:
"Ишь идет, мол, озирается!
Ишь стоит, мол, призадумался!
Ему б мерить все да взвешивать,
На все боки бы поворачивать!
Не бывать ему воеводою,
Не бывать ему посадником,
Думным дьяком не бывать ему,
Ни торговым делом не правити!"
[1858]

* * *

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонконового, долгогривого,

Супротив окон на дыбы вздымал!
Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы,
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола!
Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаячи да гадаючи,
Не придет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

[1858]

* * *

К твоим, царица, я ногам
Несу и радость и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье с грустью пополам.
Припомни день, когда ты, долу

Склоняясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;
Я мыслил, песни те слагая:
Они неведомо замрут
Но ты дала им, о благая,
Свою защиту и приют.
Встречай же в солнце и в лазури,
Царица, радостные дни,
И нас, певцов, в годину бури
В своих молитвах помяни!

1858 (?)

* * *

Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни
покою!

С жизнью бороться приходится, с ба-
бой-ягою.

Старая крепко меня за бока ухватила,
Сломится, так и гляжу, молодецкая сила.
Пусть бы хоть молча, а то ведь накинулась
с бранью,
Слух утомляет мне, сплетница, всякою дря-
нью.

Ох, насолили мне дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свете:

Сила и воля нужны мне для боя иного
После, пожалуй, с тобою мы схватимся снова!
ва!

[1859]

* * *

Сижу да гляжу я все, братцы, вон в эту сторону,
ронку,

Где катятся волны, одна за другой вперегонку.

Волна погоняет волну среди бурного моря,
Что день, то за горем все новое валится горе.
ре.

Сижу я и думаю: что мне тужить за охота,
Коль завтра прогонит заботу другая забота?
та?

Ведь надобно ж место все новым да новым
кручинам,

Так что же тужить, коли клин выбивается
клином?

[1859]

* * *

Есть много звуков в сердца глубине,
Неясных дум, непетых песней много;
Но заглушает вечно их во мне
Забот немолчных скучная тревога.

Тяжел ее непрошенный напор,
Издавна сердце с жизнью боролось
Но жизнь шумит, как вихорь ломит бор,
Как ропот струй, так шепчет сердца голос!
[1859]

* * *

К страданиям чужим ты горести полна,
И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
К себе лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вечно холодна!
Но если б видеть ты любящею душою
Могла со стороны хоть раз свою печаль
О, как самой себя тебе бы стало жаль
И как бы плакала ты грустно над собою!
[1859]

* * *

О, если б ты могла хоть на единый миг
Забуть свою печаль, забыть свои невзго-
ды!

О, если бы хоть раз я твой увидел лик,
Каким я знал его в счастливейшие годы!
Когда в твоих глазах засветится слеза,
О, если б эта грусть могла пройти порывом,
Как в теплую весну пролетная гроза,

Как тень от облаков, бегущая по нивам!
[1859]

* * *

Нас не преследовала злоба,
Не от вражды иль клеветы
От наших дум ушли мы оба,
Бежали вместе, я и ты.
Зачем же прежний глас упрека
Опять твердит тебе одно?
Опять пытающее око
Во глубь души устремлено?
Смотри: наш день восходит чисто,
Ночной рассеялся туман,
Играя далью золотистой,
Нас манит жизни океан,
Уже надутое ветрило
Наш челн уносит в новый край...
Не сожалей о том, что было,
И взор обратно не кидай!
[1859]

* * *

Исполать тебе, жизнь - баба старая,
Привередница крикливая,
Что ты, лаючись, накликнулась,
Растолкала в бока добра молодца,

Растрепала его думы тяжкие!
Что ты сердца голос горестный
Заглушила бранью крупною!
Да не голос один заглушила ты
Заглушила ты тот гусярный звон,
Заглушила песни многие,
Что в том голосе раздавались,
Затоптала все божьи цветики,
Что сквозь горести пробивались!
Пропадай же, жизнь - баба старая!
Дай разлиться мне по поднебесью,
Разлететься душой свободною,
Песней вольною, бесконечною!
[1859]

И. С. АКСАКОВУ

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.
Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.
Но я не чужд и здешней жизни;
Служа таинственной отчизне,

Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.
Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа
Его стремленья я делю,
И все земное я люблю,
Все ежедневные картины:
Поля, и села, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбережный разлив,
И скрип кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую,
И свист саней на всем бегу,
На славу кованную сбрую,
И золоченую дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;
И все мне дороги явленья,

Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.
Но все, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мирозданья,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зовет и манит вдалеке
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.
Январь 1859

* * *

Пусть тот, чья честь не без укора,
Страшится мнения людей;

Пусть ищет шаткой он опоры
В рукоплесканиях друзей!
Но кто в самом себе уверен,
Того хулы не потрясут
Его глагол нелицемерен,
Ему чужой не нужен суд.
Ни пред какой земною властью
Своей он мысли не таит,
Не льстит неправому пристрастью,
Вражде неправой не кадит;
Ни пред венчанными царями,
Ни пред судилищем молвы
Он не торгуется словами,
Не клонит рабски головы.
Друзьям в угодность, боязливо
Он никому не шлет укор;
Когда ж толпа несправедливо
Свой постановит приговор,
Один, не следуя за нею,
Пред тем, что чисто и светло,
Дерзает он, благоговая,
Склонить свободное чело!

Январь 1859

* * *

На нивы желтые нисходит тишина;

В остывшем воздухе от меркнувших селений,

Дрожа, несется звон. Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.
И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово!
[1862]

* * *

Вздываются волны как горы
И к тверди возносятся звездной,
И с ужасом падают взоры
В мгновенно разрытые бездны.
Подобная страсти, не знает
Средины тревожная сила,
То к небу, то в пропасть бросает
Ладью без весла и кормила.
Не верь же, ко звездам взлетая,
Высокой избранника доле,
Не верь, в глубину ниспадая,
Что звезд не увидишь ты боле.
Стихии безбрежной, бездонной
Уймется волнение, и вскоре
В свой уровень вступит законный

Души успокоенной море.

[1866]

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

1

Други, вы слышите ль крик оглушитель-
ный:

"Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положитель-
ный?"

Много ли вас остается, мечтатели?

Сдайтесь натиску нового времени,

Мир отрезвился, прошли увлечения

Где ж устоять вам, отжившему племени,

Против течения?"

2

Други, не верьте! Все та же единая

Сила нас манит к себе неизвестная,

Та же пленяет нас песнь соловьиная,

Те же нас радуют звезды небесные!

Правда все та же! Средь мрака ненастного

Верьте чудесной звезде вдохновения,

Дружно гребите, во имя прекрасного,

Против течения!

3

Вспомните: в дни Византии расслаблен-

ной,

В приступах ярых на божьи обители,
Дерзко ругаясь святыне награбленной,
Так же кричали икон истребители:
"Кто воспротивится нашему множеству?
Мир обновили мы силой мышления
Где ж побежденному спорить художеству
Против течения?"

4

В оные ж дни, после казни спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово учителя,
Книжники так говорили надменные:
"Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!"

5

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верю в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное

Против течения!

[1867]

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа!

Ф. Тютчев

Одарив весьма обильно
Нашу землю, царь небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.
Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали
Нам на то благословенье
Царь небесный дал едва ли!
Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы
Этим нечего хвалиться!

Февраль 1869

[И. А. ГОНЧАРОВУ]

Не прислушивайся к шуму
Толков, сплетен и хлопот,
Думай собственную думу
И иди себе вперед!
До других тебе нет дела,

Ветер пусть их носит лай!
Что в душе твоей созрело
В ясный образ облакай!
Тучи черные нависли
Пусть их виснут - черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!

1870

* * *

Темнота и туман застилают мне путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я верю, я знаю: живет где-нибудь,
Где-нибудь да живет царь-девица!
Как достичь до нее - не ищи, не гадай,
Тут расчет никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но безумье в тот край,
Но удача принесть тебя может!
Я не ждал, не гадал, в темноте поскакал
В ту страну, куда нету дороги,
Я коня разнуздал, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги!

Август 1870

* * *

В монастыре пустынном близ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой

Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром мученик святой
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.
Но в дни тоски, мне все являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понятна и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

Осень 1870

* * *

Вновь растворилась дверь на влажное
крыльцо,

В полуденных лучах следы недавней сту-
жи

Дымятся. Теплый ветер повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.
Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,

Сегодня возвестил, что жизнь пришла
иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и дове-
рье,

И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.
Пусть же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей приро-
ды!

25 декабря 1870

* * *

Про подвиг слышал я Кротонского бойца,
Как, юного взвалив на плечи он тельца,
Чтоб силу крепких мышц умножить посте-
пенно,

Вкруг городской стены ходил, под ним
согбенный,

И ежедневно труд свой повторял, пока
Телец тот не дорос до тучного быка.

В дни юности моей, с судьбой в отважном
споре,

Я, как Милон, взвалил себе на плечи горе,

Не замечая сам, что бремя тяжело;
Но с каждым днем оно невидимо росло,
И голова моя под ним уж поседела,
Оно же все растет без меры и предела!

Май 1871

НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах... Внезапно легкий

свист

Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался трое-

кратно,

И вальдшнеп протянул - вне выстрела.

Другой

Летит из-за лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,

Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.

Дыханье притаив, нагнувшись под осиною,
Я выждал верный миг - вперед на пол-ар-

шина

Я вскинул - огонь блеснул, по лесу грянул
гром

И вальдшнеп падает на землю колесом.

Удара тяжкого далекие раскаты,

Слабея, замерли. Спокойствием объятый,

Вновь дремлет юный лес, и облаком седым

В недвижимом воздухе висит ружейный

дым.

Вот донеслась еще из дальнего болота

Весенних журавлей ликующая нота

И стихло все опять - и в глубине ветвей

Жемчужной дробию защелкал соловей.

Но отчего же вдруг, мучительно и странно,

Минувшим на меня повеяло неожиданно

И в этих сумерках, и в этой тишине

Упреком горестным оно предстало мне?

Былые радости! Забытые печали!

Зачем в моей душе вы снова прозвучали

И снова предо мной, средь явственного

сна,

Мелькнула дней моих погибшая весна?

Май 1871

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;
Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.
То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.
То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!
И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый,
То было раннею весной,
В тени берез то было!
То было в утро наших лет
О счастье! о слезы!

О лес! о жизнь! о солнца свет!

О свежий дух березы!

Май 1871

* * *

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей те-
нью

Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепета-
ний;

Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружась медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольню я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
- Всему настал покой, прими ж его и ты,

Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?
Сентябрь 1874

* * *

Земля цвела. В лугу, весной одетом,
Ручей меж трав катился, молчалив;
Был тихий час меж сумраком и светом,
Был легкий сон лесов, полей и нив;
Не оглашал их соловей приветом;
Природу всю широко осенив,
Царил покой; но под безмолвной тенью
Могучих сил мне чуялось движенье.

Не шелестя над головой моей,
В прозрачный мрак деревья улетали;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как легкий дым, терялся в горней дали;
Лесной чебер и полевой шалфей,
Блестя росой, в траве благоухали,
И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством был я но-

вым,

Исполнен весь неведомых мне сил:
Чего в житейском натиске суровом
Не смел я ждать, чего я не просил
То свершено одним, казалось, словом,
И мнилось мне, что я лечу без крыл,
Перехожу, подъят природой всею,
В один порыв неудержимый с нею!
Но трезв был ум, и чужд ему восторг,
Надежды я не знал, ни опасенья...
Кто ж мощно так от них меня отторг?
Кто отрешил от тягости хотенья?
Со злобой дня души постыдный торг
Стал для меня без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознание бытия...
Тут пронеслось как в листьях дуновенье,
И как ответ послышалось мне:
Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине...
Лови же миг, пока к нему ты чуток,
Меж сном и бденьем краток промежуток!
Май-сентябрь 1875

* * *

Во дни минувшие бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
От продолжительного сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цветы,
Младое сердце билось сильно,
Кипели весело мечты;
С какою радостью чистой
Я вновь встречал в бору сыром
Кувшинчик синий и пушистый
С его мохнатым стебельком;
Какими чувствами родными
Меня манил, как старый друг,
Звездами полный золотыми
Еще никем не смятый луг!
Потом пришла пора иная
И с каждой новою весной,
Былое счастье вспоминая,
Грустней я делался; порой,
Когда темнели неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучней ручья катились воды,
Жужжали поздние жуки,
Казалось мне, что мне недаром

Грустить весною суждено,
Что неожиданным ударом
Блаженство кончиться должно.

.....

.....

* * *

* * *

Как часто ночью в тишине глубокой
Меня тревожит тот же дивный сон:
В туманной мгле стоит дворец высокий
И длинный ряд дорических колонн,
Средь диких гор от них ложатся тени,
К реке ведут широкие ступени.
И солнце там приветливо не блещет,
Порой сквозь тучи выглянет луна,
О влажный берег порой лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме один другого выше.
Туда, туда неведомая сила
Вдоль по реке влечет мою ладью,
К высоким окнам взор мой пригвоздила,
Желаньем грудь наполнила мою.

.....

.....

Я жду тебя. Я жду, чтоб ты склонила
На темный дол свой животворный взгляд,
Тогда взойдет огнистое светило,
В алмазных искрах струи заблестят,
Проснется замок, позлатятся горы
И загремят невидимые хоры.
Я жду, но тщетно грудь моя трепещет,
Лишь сквозь туман виднеется луна,
О влажный берег лишь лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме один другого выше.

* * *

ГАРАЛЬД СВЕНГОЛЬМ

His voice it was deep
like the wave of the sea.

Его голос звучал как морская волна,
Мрачен взор был грозящих очей,
И была его длань как погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабей.

Не в кровавом бою он врагами убит,
Не грозою повержен он в прах,

Под могильным холмом он без раны ле-
жит,

Сам себе разрушитель и враг.

Струны мощные арфы певец напрягал,
Струны жизни порвались в нем,
И начатую песню Гаральд не скончал,
И лежит под могильным холмом.
И сосна там раскинула силу ветвей,
Словно облик его, хороша,
И тоскует на ней по ночам соловей,
Словно песню кончает душа.

* * *

В АЛЬБОМ

Стрелок, на той поляне
Кто поздно так бежит?
Что там в ночном тумане
Клубится и кипит?
Что значит это пенье,
И струн в эфире звон,
И хохот, и смятение,
И блеск со всех сторон?
- Друзья, то вереница
Волшебниц и сильфид;
Пред ними их царица
Воздушная бежит;
Бежит глухой дорожкой,
Мелькает вдоль реки,
Под маленькою ножкой

Не гнутся стебельки.
Ей нет красавиц равных,
Ее чудесен вид,
И много бардов славных
Любовью к ней горит;
Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.
Когда луна золотая
Глядит в зеркало вод,
В лучах ее играя,
Как сон она плывет;
Наступит ли денница,
Она спешит уж прочь;
Пушок - ей колесница,
Ее отчизна - ночь.
Лишь в сумерках застанет
В лесу она стрелка,
Зовет его и манит
К себе издалека;
Скользит над влагой зыбкой
Среди глухих болот
И странника с улыбкой
Над пропастию ждет.

Сильфид она всех краше,
Волшебниц всех милей;
Седые барды наши
Горят любовью к ней;
Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

* * *

БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ, ПРИТЧИ
ВОЛКИ

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.
Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой;
А таинственный ход
Заключает девятый.
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.

Их ничто не пугает.
На село ли им путь,
Пес на них и не лает;
А мужик идохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.
Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи?
Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.
На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.

Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... с нами сила господня!
1840-е годы

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.
"Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!
Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!
Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!"

1840-е годы

КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;

Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.
В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.
Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гусях гремя золотых:
"О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!
И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!"
И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.
Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,

По-прежнему гордо стоит.
А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?
Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?
Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!
Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крылами треща, саранча.
Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.
Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня;

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах...

1840-е годы

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.

Слово о полку Игореве.

Князь Ростислав в земле чужой

Лежит на дне речном,

Лежит в кольчуге боевой,

С изломанным мечом.

Днепра подводные красы

Лобзаться любят с ним

И гребнем витязя власы

Расчесывать златым.

Его напрасно день и ночь

Княгиня дома ждет...

Ладья его умчала прочь

Назад не принесет!

В глухом лесу, в земле чужой,

В реке его приют;

Ему попы за упокой

Молитвы не поют;

Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.
Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярьась, Перун гремит,
Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.
Жену младую он зовет
Увы! его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.
Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад
Но, сонмом гридней окружен,
Пирует дома брат.
Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.
И он, склонясь на ржавый щит,

Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном...

1840-е годы

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?

Но рабскую верность Шибанов храня,
Свое отдает воеводе коня:

"Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану".

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,

Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:

"Князь Курбский нам сделался другом".

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:

"Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо".

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьметса?
Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожметса?
Невольню сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
"Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!"
И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
"Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!"
Шибанов в ответ господину: "Добро!

Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки".
Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични крошечная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордясь своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.
Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой

И молвит ему, не бледнея:

"От Курбского князя Андрея!"

И очи царя загорелися вдруг:

"Ко мне? От злодея лихого?"

Читайте же, дьяки, читайте мне вслух

Посланье от слова до слова!

Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!"

И в ногу Шибанова острый конец

Жезла своего он вонзает,

Налег на костыль - и внимает:

"Царю, прославляему древле от всех,

Но тонущу в сквернах обильных!

Ответствуй, безумный, каких ради грех

Побил еси добрых и сильных?

Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой вой-

ны,

Без счета твердыни врагов сражены?

Не их ли ты мужеством славен?

И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,

В небытную ересь прельщенный?

Внимай же! Приидет возмездия час,

Писанием нам предреченный,

И аз, иже кровь в непрестанных боях

За тя, аки воду, лях и лях,

С тобой пред судьбою предстану!"
Так Курбский писал к Иоанну.
Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.
И молвил так царь: "Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенки!"
Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
"Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!"
И царь вопрошает: "Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?"
"Царь, слово его все едино:

Он славит своего господина!"

День меркнет, приходит ночная пора,

Скрыпят у застенка ворота,

Заплечные входят опять мастера,

Опять зачалася работа.

"Ну, что же, назвал ли злодеев гонец?"

"Царь, близок ему уж приходит конец,

Но слово его все едино,

Он славит своего господина:

"О князь, ты, который предать меня мог

За сладостный миг укоризны,

О князь, я молю, да простит тебе бог

Измену твою пред отчизной!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой
час,

Язык мой немеет, и взор мой угас,

Но в сердце любовь и прощенье,

Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой
час,

Прости моего господина!

Язык мой немеет, и взор мой угас,

Но слово мое все едино:

За грозного, боже, царя я молюсь,

За нашу святую, великую Русь,

И твердо жду смерти желанной!"

Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е годы

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой

Иван Васильич Грозный под матуш-
кой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,

Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни льются вины на царские ковры,

Поют ему с полночи лихие гусяры,

Поют потехи брани, дела былых времен,

И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,

Подать себе личину он кравчему велит:

"Да здравствуют тиуны, опричники мои!

Вы ж громче бейте в струны, баяны-соло-
вьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберет,

Я первый открываю веселый хоровод,

За мной, мои тиуны, опричники мои!

Вы ж громче бейте в струны, баяны-соло-
вьи!"

И все подъяли кубки. Не поднял лишь
один;

Один не поднял кубка, Михаило князь Репнин.

"О царь! Забыл ты бога, свой сан ты, царь, забыл!

Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских

рать!

Тебе ли, властелину, здесь в машкаре плясать!"

Но царь, нахмурия брови: "В уме ты, знать, ослаб

Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и машкару надень

Или клянусь, что прожил ты свой последний

день!"

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый

князь:

"Опричнина да сгинет!- он рек, перекрестясь.

Да здравствует во веки наш православный

царь!

Да правит человеки, как правил ими
встарь!

Да презрит, как измену, бесстыдной лести
глас!

Личины ж не надену я в мой последний
час!"

Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

"Умри же, дерзновенный!"- царь вскрик-
нул,

разъярясь,

И пал, жезлом пронзенный, Репнин, прав-
дивый

князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять зву-
чат,

За длинными столами опричники шумят,
И смех их раздаётся, и пир опять кипит,

Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

"Убил, убил напрасно я верного слугу,

Вкушать веселье ныне я боле не могу!"

Напрасно льются вины на царские ковры,

Поют царю напрасно лихие гусяры,

Поют потехи брани, дела былых времен,

И взятие Казани, и Астрахани плен.

1840-е годы

НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

Поляки ночью темною

Пред самым Покровом,

С дружиною наемною

Сидят перед огнем.

Исполнены отвагою,

Поляки крутят ус,

Пришли они ватагою

Громить святую Русь.

И с польскою державою

Пришли из разных стран,

Пришли войной неправою

Враги на россиян.

Тут волохи усатые,

И угры в чекменях,

Цыгане бородатые

В косматых кожухах...

Валя толпою пегою,

Пришла за ратью рать,

С Лисовским и с Сапегою

Престол наш воевать.

И вот, махая бурками

И шпорами звеня,

Веселыми мазурками
Вкруг яркого огня
С ухватками удалыми
Несутся их ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричат, поют жиды.
Брянчат цыганки бубнами,
Наездники шумят,
Делами душегубными
Грозит их ярый взгляд.
И все стучат стаканам:
"Да здравствует Литва!"
Так возгласами пьяными
Встречают Покрова.
А там, едва заметная,
Меж сосен и дубов,
Во мгле стоит заветная
Обитель чернецов.
Монахи с верой пламенной
Во тьму вперили взор,
Вокруг твердыни каменной
Ведут ночной дозор.
Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,

И в шлемах, и в тафьях,
Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.
Священное их пение
Вторит высокий храм,
Железное терпение
На диво их врагам.
Не раз они пред битвою,
Презрев ночной покой,
Смиренною молитвою
Встречали день златой;
Не раз, сверкая взорами,
Они в глубокий ров
Сбивали шестоперами
Литовских удальцов.
Ни на день в их обители
Глас божий не затих,
Блаженные святители,
В окладах золотых,
Глядят на них с любовью,
Святых ликует хор:
Они своею кровию
Литве дадут отпор!

Но чу! Там пушка грянула,
Во тьме огонь блеснул,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гул!..
Молитесь богу, братия!
Начнется скоро бой!
Я слышу их проклятия,
И гиканье, и вой;
Несчетными станицами
Идут они вдали,
Приляжем за бойницами,
Раздуем фитили!..

1840-е годы

БОГАТЫРЬ

По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает
И взад, и вперед, и кругом.
Покрыт он дырявой рогожей,
Мочалы вокруг сапогов,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пеннику штоф.
"Ко мне, горемычные люди,
Ко мне, молодцы, поскорей!
Ко мне, молодницы и девки,

Отведайте водки моей!"
Он потчует всех без разбору,
Гроша ни с кого не берет,
Встречает его с хлебом-солью,
Честит его русский народ.
Красив ли он, стар или молод
Никто не заметил того;
Но ссоры, болезни и голод
Плетутся за клячей его.
И кто его водки отведал,
От ней не отстанет никак,
И всадник его провожает
Услужливо в ближний кабак.
Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено.
Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жиды богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ.
Со службы домой воротился
В деревню усталый солдат;
Его угощают родные,
Вкруг штофа горелки сидят.

Приходу его они рады,
Но вот уж играет вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.
"Да что,- говорят ему братья,
Уж нешто ты нам и старшой?
Ведь мы-то трудились, пахали,
Не станем делиться с тобой!"
И ссора меж них закипела,
И подняли бабы содом;
Солдат их ружейным прикладом,
А братья его топором!
Сидел над картиной художник,
Он божию мать писал,
Любил как дитя он картину,
Он ею и жил и дышал;
Вперед подвигалось дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой святая глядела,
Его ободряла она.
Струстнулося раз живописцу,
Он с горя горелки хватил
Забыл он свою мастерскую,
Свою богоматьерь забыл.
Весь день он валяется пьяный

И в руки кистей не берет
Меж тем, под рогожею, всадник
На кляче плетется вперед.
Работают в поле ребята,
И градом с них катится пот,
И им, в умилении, всадник
Орленный свой штоф отдает.
Пошла между ними потеха!
Трехпробное льется вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.
Бросают они свои сохи,
Готовят себе кистени,
Идут на большую дорогу,
Купцов поджидают они.
Был сын у родителей бедных;
Любовью к науке влеком,
Семью он свою оставляет
И в город приходит пешком.
Он трудится денно и ночью,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.
Однажды, в дождливую осень,
В одном переулке глухом,

Ему попадается всадник
На кляче разбитой верхом.
"Здорово, товарищ, дай руку!
Никак, ты, бедняга, продрог?
Что ж, выпьем за Русь и науку!
Я сам им служу, видит бог!"
От стужи иль от голодухи
Прельстился на водку и ты
И вот потонули в сивухе
Родные, святые мечты!
За пьянство из судной управы
Повытчика выгнали раз;
Теперь он крестьянам на сходке
Читает подложный указ.
Лукаво толкует свободу
И бочками водку сулит:
"Нет боле оброков, ни барщин;
Того-де закон не велит.
Теперь, вишь, другие порядки.
Знай пей, молодец, не тужи!
А лучше чтоб спорилось дело,
На то топоры и ножи!"
А всадник на кляче не дремлет,
Он едет и свищет в кулак;
Где кляча ударит копытом,

Там тотчас стоит и кабак.
За двести миллионов Россия
Жидами на откуп взята
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.
И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.
Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.
Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает,
Плач, песни, и вой, и проклятья
Питейное дело растет!
И гордо на кляче гарцует
Теперь богатырь удалой;
Уж сбросил с себя он рогожу,
Он шапку сымает долой:
Гарцует оглоданный остов,
Венец на плешивом челе,
Венец из разбитых бутылок
Блестит и сверкает во мгле.

И череп безглазый смеется:
"Призванье мое свершено!
Недаром же им достается
Мое даровое вино!"

1849 [?]

* * *

В колокол, мирно дремавший, с налета тяж-
желая бомба

Грянула; с треском кругом от нее разлете-
лись осколки;

Он же вздрогнул, и к народу могучие мед-
ные звуки

Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созы-
вая.

5 декабря 1855

* * *

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.

Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,

Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.

А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!

А и помолился б Спесь во церкви божией,

Да пол не метен!

Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибаться!

[1856]

* * *

Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!

Кабы можно, братцы, начать жить сначала!

Ой, кабы зимою цветы расцветали!

Кабы мы любили да не разлюбляли!

Кабы дно морское достать да измерить!

Кабы можно, братцы, красным девкам верить!

Ой, кабы все бабы были б молодицы!

Кабы в полугаре поменьше водицы!

Кабы всегда чарка доходила до рту!

Да кабы приказных по боку, да к черту!

Да кабы звенели завсегда карманы!

Да кабы нам, братцы, да свои кафтаны!

Да кабы голодный всякий день обедал!

Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

[1856]

* * *

У приказных ворот собирался народ
Густо;

Говорит в простоте, что в его животе
Пусто!

"Дурачье!- сказал дьяк,- из вас должен
БЫТЬ

всяк

В теле;

Еще в Думе вчера мы с трудом осетра
Съели!"

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;

Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через
МОСТ,

Так ли?

"Вишь, дурак!- сказал дьяк,- тебе мост, чай,
пустяк,

Дудки?

Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек
Утки!"

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!

В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!

Дьяк сказал: "Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?"

Стало, Васька и тать, стало, Ваське и дать
Таску!"

Пришел к дьяку больной; говорит: "Ой, ой,
ой,

Дьяче!

Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче!

И не лечь, и не сесть, и не можно мне
съесть

Столько!"

"Вишь, дурак!- сказал дьяк,- ну не ешь
натощак;

Только!"

Пришел к дьяку истец, говорит: "Ты отец
Бедных;

Кабы ты мне помог - видишь денег мешок
Медных,

Я б те всыпал, ей-ей, в шапку десять руб-
лей,

Шутка!"

"Сыпь сейчас,- сказал дьяк, подставляя кол-
пак.

Ну-тка!"

[1857]

ПРАВДА

Ах ты гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя - шапка валится!
Выезжало семеро братиев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.
Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.
Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину;

А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему;
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.
И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И, рубясь, корились, ругались,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалых;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегли за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.
А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана - в поучение,
Людям добрым в уразумение.

[1858]

СТАРИЦКИЙ ВОЕВОДА

Когда был обвинен старицкий воевода,

Что, гордый знатностью и древностию рода,
да,

Присвоить он себе мечтает царский сан,
Предстать ему велел пред очи Иоанн.
И осужденному поднес венец богатый,
И ризою облек из жемчуга и злата,
И бармы возложил, и сам на свой престол
По шелковым коврам виновного возвел.

И, взор пред ним склонив, он пал среди палаты,

И, в землю кланяясь с покорностью три-
краты,

Сказал: "Доволен будь в величии своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве бью челом!"

И, вспрыгнув тот же час со злобой беспощадной,

Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной.

И, лик свой наклоня над сверженным врагом,

Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел, и с дрожью зыбкой

Державные уста змеилися улыбкой.

[1858]

* * *

1

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?

- Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?

- За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!

3

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Нешто своей крупы не было?

- Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

4

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?

- Палкою, матушка, палкою,

Палкою, сударыня, палкою!

5

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет крутенька?

- Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет солона?

- Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

7

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?

- Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!

[1861]

ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:

"Какое мне деется горе!"

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!

"Эй, кто за плечами там сел у меня?"

Со мной, берегись, не шути ты!"

И щупает он у себя за спиной,

И шарит, с досадой во взоре;

Но внемлет ответ: "Я тебе не чужой,

Ты, чай, об усобице слышал княжой,

Везешь Ярослава ты горе!"

"Ну, ври себе!- думает витязь, смеясь,

Вот, подлинно, было бы диво!

Какая твоя с Ярославом-то связь?

В Софийском соборе спит киевский князь,

А горе небось его живо?"

Но дале он едет, гремя и звеня,

С товарищем боле не споря;

Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня

И на ухо шепчет: "Вези ж и меня,

Я, витязь, татарское горе!"

"Ну, видно, не в добрый я выехал час!

Вишь, притча какая бывает!

Что шишек еловых здесь падает вас!"

Так думает витязь, главою склонясь,

А конь уже шагом шагает.
Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сизнова прыг за седло!
"Какого там черта еще принесло?"
"Ивана Васильича горе!"
"Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило!"
"Нет, витязь, уж сели, долой не сойдем!"
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.
"Эх,- думает витязь,- мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон?
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!"

[1866]

ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходит по полю,
И цветов и травы ему по пояс,
И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.
И он знает их силы сокрытые,
Все благие и все ядовитые,
И всем добрым он травам, невредным,

Отвечает поклоном приветным,
А которы растут виноватые,
Тем он палкой грозит суковатою.
По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное.
Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей,
Свой чудесный елей
В наши раны излей,
В наши многие раны сердечные;
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опоенные злыми отравами,
Помоги им своими ты травами!
А еще, государь,
Чего не было встарь
И такие меж нас попадаются,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гусярного,
подавай им товара базарного!
Все, чего им не взвесить, не смеряти,
Все, кричат они, надо похерити;

Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приемы у них дубоватые
И ученье-то их грязноватое,
И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей,
Суковатья!

Февраль 1866

ЗМЕЙ ТУГАРИН

1

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

2

И молвит Владимир: "Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!"
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,

И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский, народ:
"Ой рожа, ой страшная рожа!"

4

И начал он петь на неведомый лад:
"Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит ладьи твои дальний Царьград
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

5

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!"

6

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада
Но вдруг засмеялся - и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,

Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

8

Певец продолжает: "Смешна моя весть
И вашему уху обидна?

Кто мог бы из вас оскорбление снести?
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: "Да будет мне стыдно!"

9

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече - каганская воля!"

10

"Стой!- молвит Илья,- твой хоть голос и
чист,

Да песня твоя не пригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голосист,
Да я пятерней приглушил его свист
С тобой не случилось бы то же!"

11

Певец продолжает: "И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подыметесь русский народ,

И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!

12

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожем,
А вы ему стукать да стукать челом
Ой срама, ой горького срама!"

13

"Стой!- молвит Попович,- хоть дюжий твой
рост,

Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост
Тебе не было бы того же!"

14

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
"Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15

И с честной поссоритесь вы стариной,
И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,

Вы скажете: "Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам!"

16

"Стой!- молвит, поднявшись, Добрыня,- не
смей

Пророчить такого нам горя!

Тебя я узнал из негодных речей:

Ты старый Тугарин, поганый тот змей,

Приплывший от Черного моря!

17

На крыльях бумажных, ночью порой,

Ты часто вокруг Киева-града

Летал я шипел, но тебя не впервой

Попотчую я каленою стрелой

Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

18

И начал Добрыня натягивать лук,

И вот, на потеху народу,

Струны богатырской послышавши звук,

Во змея певец перекинулся вдруг

И с шипом бросается в воду.

19

"Тьфу, гадина!- молвил Владимир и нос

Зажал от несносного смрада,

Чего уж он в скаредной песни не нес,

Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
"Чай, песни теперь уже нам не споет
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

21

Смеется Владимир: "Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!"

22

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает,- примолвил свет-солнышко-князь,
Неволя заставит пройти через грязь

Купаться в ней свиньи лишь могут!

24

Подайте ж мне чару большую мою,

Ту чару, добытую в сече,

Добытую с ханом хозарским в бою,

За русский обычай до дна ее пью,

За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ!

За колокол пью Новаграда!

И если он даже и в прах упадет,

Пусть звон его в сердце потомков живет

Ой ладо, ой ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,

Кем русская сила подъята,

Кем славен наш Киев, кем грек приутих,

За синее море, которое их,

Шумя, принесло от заката!"

27

И выпил Владимир - и разом кругом,

Как плеск лебединого стада,

Как летом из тучи ударивший гром,

Народ отвечает: "За князя мы пьем!

Ой ладо, ой ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!

И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!"

29

Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе пройдем,
И весело слышать ему над Днепром:
"Ой ладо, ой ладушкн-ладо!"

30

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,
Пирует весь Киев, и молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Вторая половина 1867

ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

1

Гаральд в боевое садится седло,
Покинул он Киев державный,
Вздыхает дорогою он тяжело:
"Звезда ты моя, Ярославна!

2

Надежд навсегда миновала пора!
Твой слышал, княжна, приговор я!
Узнают же вес моего топора
От края до края поморья!"

3

И Русь оставляет Гаральд за собой,
Плывет он размыкивать горе
Туда, где арабы с норманнами бой
Ведут на земле и на море.

4

В Мессине он им показал свой напор,
Он рубит их в битве неравной
И громко взывает, подъявля топор:
"Звезда ты моя, Ярославна!"

5

Дает себя знать он и грекам в бою,
И Генуи выходцам вольным,
Он на море бьется, ладья о ладью,
Но мысль его в Киеве стольном.

6

Летает он по морю сизым орлом,
Он чайкою в бурях пирует,
Трещат корабли под его топором
По Киеву сердце тоскует.

7

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славе нет равной
Но в мысли спокойные воды Днепра,
Но в сердце княжна Ярославна.

8

Нет, видно ему не забыть уж о ней,
Не вымучить счастья иного
И круто он бег повернул кораблей
И к северу гонит их снова.

9

Он на берег вышел, он сел на коня,
Он в зелени едет дубравной
"Полюбишь ли, девица, ныне меня,
Звезда ты моя, Ярославна?"

10

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
Там, гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

11

"Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
На Русь воротился ты дали?
Замешкался долго в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!"

12

"Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный;
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!

13

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей и мерить не надо!

14

Ко древним Афинам, как ворон, молва
Неслась пред ладьями моими,
На мраморной лапе пирейского льва
Мечом я насекаю мое имя!

15

Прибрежья, где черный мой стяг проше-
мел,

Сицилия, Понт и Эллада,
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!

16

Как вихорь обмел я окраины морей,
Нигде моей славе нет равной!
Согласна ли ныне назваться моей,

Звезда ты моя, Ярославна?"

17

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Гаральд из похода.

18

Цветами его корабли обвиты,
От сеч отдыхают варяги,
Червленые берег покрыли щиты
И с черными вранами стяги.

19

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
Причалили вещи скальды
И славят на арфах, один за другим,
Возврат удалого Гаральда.

20

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избранный от всех королем,
Сидит на возвышенном троне.

21

Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно;
В царьградском наряде, в короне златой,

С ним рядом сидит Ярославна.

22

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит,

С любовью в сияющем взоре:

"Все, что пред тобою цветет и блестит,

И берег, и синее море,

23

Цветами убранные те корабли,

И грозные замков твердыни,

И людные веси норвежской земли,

И все, чем владею я ныне,

24

И слава, добытая в долгой борьбе,

И самый венец мой державный,

И все, чем я бранной обязан судьбе,

Все то я добыл лишь на вено тебе,

Звезда ты моя, Ярославна!"

Январь - февраль 1869

ТРИ ПОБОИЩА

1

Ярились под Киевом волны Днепра,

За тучами тучи летели,

Гроза бушевала всю ночь до утра

Княгиня вскочила с постели;

2

Вскочила княгиня в испуге от сна,
Волос не заплетши, умылась,
Пришла к Изяславу, от страха бледна:
"Мне, княже, недоброе снилось!

3
Мне снилось: от берега норской земли,
Где плещут варяжские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

4
То сват наш Гаральд собирается плыть
Храни его бог от напасти!
Мне виделось: воронов черная нить
Уселася с криком на снасти.

5
И бабище будто на камне сидит,
Считает суда и смеется:
"Пльвите, пльвите!- она говорит,
Домой ни одно не вернется!

6
Гаральда-варяга в Британии ждет
Саксонец-Гаральд, его тезка;
Червонного меду он вам поднесет
И спать вас уложит он жестко!"

7

И дале мне снилось: у берега там,
У норской у пристани главной,
Сидит, волоса раскидав по плечам,
Золовка сидит Ярославна.

8

Глядит, как уходят в туман паруса
С Гаральдовой силою ратной,
И плачет, и рвет на себе волоса,
И кличет Гаральда обратно...

9

Проснулася я - и доселе вдали
Все карканье воронов внемлю
Прошу тебя, княже, скорее пошли
Проведать в ту норскую землю!"

10

И только княгиня домолвила речь,
Невестка их, Гида, вбежала;
Жемчужная бармица падает с плеч,
Забыла надеть покрывало.

11

"Князь-батюшка-деверь, испугана я,
Когда бы беды не случилось!
Княгиня-невестушка, лебедь моя,
Мне ночесь недоброе снилось!

12

Мне снилось: от берега франкской земли,
Где плещут нормандские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Нормандии рыцарей полны.

13

То князь их Вильгельм собирается плыть
Я будто слова его внемлю,
Он хочет отца моего погубить,
Присвоить себе его землю!

14

И бабище злое бодрит его рать,
И молвит: "Я воронов стаю
Прикликаю саксов завтра клевать,
И ветру я вам намахаю!"

15

И пологом стала махать на суда,
На каждом ветрило надулось,
И двинулась всех кораблей череда
И тут я в испуге проснулась".

16

И только лишь Гида домолвила речь,
Бежит, запыхаяся, гриден:
"Бери, государь, поскорее свой меч,
Нам враг под Киевом виден!

17

На вышке я там, за рекою, стоял,
Стоял на слуху я, на страже,
Я многие тысячи их насчитал:
То половцы близятся, княже!"

18

На бой Изяслав созывает сынов,
Он братьев скликает на сечу,
Он трубит к дружине - ему не до снов
Он половцам едет навстречу.

19

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

20

"Откуда летишь ты? поведай-ка нам!"

"Лечу я от города Йорка!

На битву обоих Гаральдов я там
Смотрел из поднебесья зорко:

21

Был целою выше варяг головой,
Чернела как туча кольчуга,
Свистел его в саксах топор боевой,
Как в листьях осенняя вьюга;

22

Копнами валил он тела на тела,
Кровь до моря с поля струилась
Пока, провизжав, не примчалась стрела
И в горло ему не вонзилась.

23

Упал он, почуя предсмертную тьму,
Упал он как пьяный на брашно;
Хотел я спуститься на темя ему,
Но очи глядели так страшно!

24

И долго над местом кружился я тем,
И поздней дождался я ночи,
И сел я варягу Гаральду на шлем
И выклевал грозные очи!"

25

По синему морю клубится туман,
Слетается воронов боле:
"Откуда летишь ты?"- "Я, кровию пьян,
Лечу от Гастингского поля!

26

Не стало у саксов вчера короля,
Лежит меж своих он, убитый,
Пирует норманн, его землю деля,
И мы пировали там сыто!

27

Победно от Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И труп их Гаральда не могут сыскать
Меж трупов бродящие мнихи.

28

Но сметил я место, где наземь он пал,
И битва когда отшумела,
И месяц как щит над побоищем встал,
Я сел на Гаральдово тело;

29

Недвижные были черты хороши,
Нахмурены гордые брови
Любуясь на них, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!"

30

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

31

"Откуда летишь ты?" - "Из русской земли!
Я был на пиру в Заднепровье;
Там все Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!

32

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен,
Свой меч двоеручный высоко подъяв,
Святому Георгию подобен;

33

Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою;

34

И, каркая, долго летел я над ним
И ждал, чтоб он наземь свалился,
Но был он, должно быть, судьбою храним
Иль богу, скача, помолился;

35

Упал лишь над самым Днепром он с коня,
В ладью рыбаки его взяли,
А я полетел, неудачу кляня,
Туда, где другие лежали".

36

Поют во Софийском соборе попы,
По князе идет панихида,
Рыдает княгиня средь плача толпы,
Рыдает Гаральдовна Гида,

37

И с ними другого Гаральда вдова
Рыдает, стена, Ярославна,
Рыдает: "О, горе! зачем я жива,
Коль сгинул Гаральд мой державный!"
38

И Гида рыдает: "О, горе! убит
Отец мой, норманном сраженный!
В плену его веси, и взяты на щит
Саксонские девы и жены!"
39

Княгиня рыдает: "О князь Изяслав!
В неравном посечен ты споре!
Победы обычной в бою не стяжав,
Погиб ты, о, горе, о, горе!"
40

Печерские иноки, выстроясь в ряд,
Протяжно поют: аллилуйя!
А братья княжие друг друга корят,
И жадные вороны с кровель глядят,
Уобицу близкую чую...

Февраль - март 1869

ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ВЛАДИМИРА НА
КОРСУНЬ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"Добро,- сказал князь, когда выслушал он
Улики царьградского мниха,
Тобою, отец, я теперь убежден,
Виновен, что мужем был столькох я жен,
Что жил и беспутно и лихо.

2

Что богом мне был то Перун, то Велес,
Что силою взял я Рогнеду,
Досель надо мною, знать, тешился бес,
Но мрак ты рассеял, и я в Херсонес
Креститься, в раскаянье, еду!"

3

Царьградский философ и мних тому рад,
Что хочет Владимир креститься;
"Смотри ж,- говорит,- для небесных наград,
Чтоб в райский, по смерти, войти верто-
град,

Ты должен душою смириться!"

4

"Смирюсь,- говорит ему князь,- я готов
Но только смирюсь без урону!
Спустить в Черторой десять сотен стругов;
Коль выкуп добуду с корсунских купцов,
Я города пальцем не трону!"

5

Готовы струги, паруса подняты,
Плывут к Херсонесу варяги,
Поморье, где южные рдеют цветы,
Червленые вскоре покрыли щиты
И с русскими вранами стяги.

б

И князь повещает корсунцам: "Я здесь!
Сдавайтесь, прошу вас смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И город по камням размыкаю весь
Креститься хочу непременно!"

7

Увидели греки в заливе суда,
У стен уж дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
"Настала, как есть, христианам беда,
Приехал Владимир креститься!"

8

И прений-то с нами не станет держать,
В риторике он ни бельмеса,
А просто обложит нас русская рать
И будет, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!"

9

И в мудрости тотчас решает сенат,

Чтоб русским отверзлись ворота;
Владимир приему радушному рад,
Вступает с дружиной в испуганный град
И молвит сенату: "Ну, то-то!"

10

И шлет в Византию послов ко двору:
"Цари Константин да Василий!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то вас обоих дружиной припру,
Так вступим в родство без насилий!"

11

И вот императоры держат совет,
Толкуют в палате престольной;
Им плохо пришлось, им выбора нет
Владимиру шлют поскорее ответ:
"Мы очень тобою довольны!"

12

Крестися и к нам приезжай в добрый час,
Тебя повенчаем мы с Анной!"
Но он к императорам: "Вот тебе раз!
Вы шутите, что ли? Такая от вас
Мне отповедь кажется странна!"

13

К вам ехать отсюда какая мне стать?
Чего не видал я в Царьграде?

Царевну намерен я здесь ожидать
Не то приведу я вам целую рать,
Коль видеть меня вы так рады!"

14

Что делать с Владимиром: вынь да по-
ложь!

Креститься хочу да жениться!
Не лезть же царям, в самом деле, на нож?
Пожали плечами и молвят: "Ну что ж?
Приходится ехать, сестрица!"

15

Корабль для нее снаряжают скорей,
Узорные ладят ветрила,
Со причтом на палубе ждет архирей,
Сверкает на солнце парча стихарей,
Звенят и дымятся кадила.

16

В печали великой по восточне крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы деву накрыли фатой
И волны запенил корабль золотой,
Босфора лазурь рассекая.

17

Увидел Владимир вдали паруса
И хмурые брови раздвинул,

Почуялась сердцу невесты краса,
Он гребнем свои расчесал волоса
И корзно княжое накинул.

18

На пристань он сходит царевну встречать,
И лик его светел и весел,
За ним вся корсунская следует знать,
И руку спешит он царевне подать,
И в пояс поклон ей отвесил.

19

И шествуют рядом друг с другом они,
В одеждах блестящих и длинных,
Каменья оплечий горят как огни,
Идут под навесом шелковым, в тени,
К собору, вдоль улиц старинных.

20

И молвит, там голову князь преклоня:
"Клянуся я в вашем синклите
Дружить Византии от этого дня!
Крестите ж, отцы-иереи, меня,
Да, чур, по уставу крестите!"

21

Свершился в соборе крещенья обряд,
Свершился обряд обвенчанья,
Идет со княгиней Владимир назад,

Вдоль улиц старинных, до светлых палат,
Кругом их толпы ликование.

22

Сидят за честным они рядом столом,
И вот, когда звон отзвонили,
Владимир взял чашу с хиосским вином:
"Хочу, чтоб меня поминали добром
Шурья Константин да Василий:

23

То правда ль, я слышал, замкнули Босфор
Дружины какого-то Фоки?"

"Воистину правда!" - отвечает двор.

"Но кто ж этот Фока?" - "Мятежник и вор!"

"Отделать его на все боки!"

24

Отделали русские Фоку как раз;

Цари Константин и Василий

По целой империи пишут приказ:

"Владимир-де нас от гибели спас

Его чтоб все люди честили!"

25

И князь говорит: "Я построю вам храм

На память, что здесь я крестился,

А город Корсунь возвращаю я вам

И выкуп обратно всецело отдам

Зане я душою смирился!"

26

Застольный гремит, заливаясь, хор,
Шипучие пенятся вина,
Веселием блещет Владимира взор,
И строить готовится новый собор
Крещеная с князем дружина.

27

Привозится яшма водой и гужом,
И мрамор привозится белый,
И быстро господень возносится дом,
И ярко на поле горят золотом
Иконы мусийского дела.

28

И в запуски князя синклит и сенат,
И сколько там греков ни случилось,
Всю зиму пирами честят да честят,
Но молвит Владимир: "Пора мне назад,
По Киеве мне встосковалось!"

29

Вы, отроки-друзи, спускайте ладьи,
Трубите дружине к отбою!
Кленовые весла берите свои
Уж в Киеве, чаю, поют соловьи
И в рощах запахло весною!

30

Весна, мне неведомых полная сил,
И в сердце моем зеленеет!
Что нудю я и насильем добыл,
Чем сам овладеть я оружием мнил,
То мною всеильно владеет!

31

Спускайте ж ладьи, бо и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!"

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

По лону днепровских сияющих вод,
Где, празднуя жизни отраду,
Весной все гремит, и цветет, и поет,
Владимир с дружиной обратно плывет
Ко стольному Киеву-граду.

2

Все звонкое птаство летает кругом,
Ликуючи в тысячу глоток,
А князь многодумным поникнул челом,
Свершился в могучей душе перелом

И взор его мирен и кроток.

3

Забыла княгиня и слезы и страх;
Одеждой алмазной блистая,
Глядит она с юным весельем в очах,
Как много пестреет цветов в камышах,
Как плещется лебедей стая.

4

Как роци навстречу несутся ладьям,
Как берег проносится мимо,
И, лик наклоняя к зеркальным водам,
Глядит, как ее отражается там
Из камней цветных диадима.

5

Великое слово корсунцам храня,
Князь не взя с них денег повинных,
Но город поднес ему, в честь того дня,
Из бронзы коринфской четыре коня
И статуй немало старинных.

6

И кони, и белые статуи тут,
Над поездом выся громаду,
Стоймя на ладьях, неподвижны, плывут,
И волны Днепра их, дивуясь, несут
Ко стольному Киеву-граду.

7
Плывет и священства и дьяконства хор
С ладьею Владимира рядом;
Для Киева синий покинув Босфор,
Они оглашают днепровский простор
Уставным демественным ладом.

8
Когда ж умолкает священный канон,
Запев зачинают дружины,
И с разных кругом раздаются сторон
Заветные песни минувших времен
И дней богатырских былины.

9
Так вверх по Днепру, по широкой реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Все выше и выше растет вдалеке
Град Киев с горой Щековицей.

10
Владимир с княжого седалища встал,
Прервалось весельщиков пенье,
И миг тишины и молчанья настал
И князю, в сознании новых начал,
Открылося новое зренье:

11

Как сон, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда господня,
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он раз
Свой город увидел сегодня.

12

Народ, издалека их поезд узнав,
Столпился на берег - и много,
Скитавшихся робко без крова и прав,
Пришло христиан из пещер и дубрав,
И славят спасителя бога.

13

И пал на дружину Владимира взор:
"Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало, и мы с этих пор
Сильны еще силой иною!"

14

Что смутно в душе мне сказалось моей,
То ясно вы ныне познайте:
Дни правды дороже воинственных дней!
Гребите же, други, гребите сильней,
На весла дружной налегайте!"

15

Вскипела, под полозом пенясь, вода,

Отхлынув, о берег забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передние в пристань вбежали суда,
И с шумом упали ветрила.

16

И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон
- Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы!

Март - апрель 1869

ГАКОН СЛЕПОЙ

1

"В деснице жива еще прежняя мочь,
И крепки по-прежнему плечи;
Но очи одела мне вечная ночь
Кто хочет мне, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите ж скорей за поводья коня,
Помчите меня
В кипение сечи!"

2

И отроки с двух его взяли сторон,
И, полный безумного гнева,
Слепой между ними помчался Гакон

И врезался в сечу, и, ей опьянен,
Он рубит средь гула и рева
И валит ряды, как в лесу бурелом,
Крестит топором
И вправо и влево.

3

Но гуще и гуще все свалка кипит,
Враги не жалеют урона,
Отрезан Гакон и от русских отбит,
И, видя то, князь Ярослав говорит:
"Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его как осыпала рать!
Пора выручать
Слепого Гакона!"

4

И с новой напер на врагов он толпой,
Просек через свалку дорогу,
Но вот на него налетает слепой,
Топор свой подъявши. "Да стой же ты,
стой!

Никак, ошалел он, ей-богу!
Ведь был ты без нас бы иссечен и стерт,
Что ж рубишь ты, черт,
Свою же подмогу?"

5

Но тот расходился, не внемлет словам,
Удар за ударом он садит,
Молотит по русским щитам и броням,
Дробит и сечет шишаки пополам,
Никто с разъяренным не сладит.
Насилу опомнился старый боец,
Утих наконец
И бороду гладит.

6

Дружина вздохнула, врагов разогнав;
Побито, посечено вволю,
Лежат перемешаны прав и неправ,
И смотрит с печалию князь Ярослав
На злую товарищей долю;
И едет он шагом, сняв острый шолом,
С Гаконом вдвоем,
По бранному полю...

Декабрь 1869 или январь 1870

РОМАН ГАЛИЦКИЙ

К Роману Мстиславичу в Галич послом
Прислал папа римский легата.

И вот над Днестром, среди светлых хором,
В венце из царьградского злата,
Князь слушает, сидя, посольскую речь,
Глаза опустив, опершись на меч.

И молвит легат: "Далеко ты,
О княже, прославлен за доблесть свою!
Ты в русском краю
Как солнце на всех изливаешь щедроты,
Врагам ты в бою
Являешься божиим громом;
Могучей рукой ты Царьград поддержал,
В земле половецкой не раз испивал
От синего Дона шеломом.
Ты храбр, аки тур, и сердит, аки рысь,
Но ждет тебя большая слава,
Лишь римскому папе душой покорись,
Святое признай его право:
Он может по воле решить и вязать,
На дом он на твой призовет благодать,
На недругов - божье проклятье.
Прими ж от него королевскую власть,
К стопам его пасть
Спеши - и тебе он отверзет объятья
И, сыном коль будешь его нареком,
Тебя опояшет духовным мечом!"
Замолк. И, лукавую выслушав речь,
Роман на свой меч
Взглянул - и его вполонину
Он выдвинул вон из нарядных ножен:

"Скажи своему господину:
Когда так духовным мечом он силен,
То он и хвалить его волен,
Но пусть он владеет по-прежнему им,
А я вот и этим, железным своим,
Доволен.

А впрочем, за ласку к Червонной Руси
Поклон ему наш отнеси!"

Начало 1870

БОРИВОЙ

ПОМОРСКОЕ СКАЗАНИЕ

1

К делу церкви сердцем рьяный,
Папа шлет в Роскильдуду слово
И поход на бодричаны
Проповедует крестовый:

2

"Встаньте! Вас теснят не в меру
Те язычники лихие,
Подымайте стяг за веру,
Отпускаю вам грехи я.

3

Генрик Лев на бой великий
Уж поднялся, мною званный,
Он идет от Брунзовика

Грянуть с тылу в бодричаны.

4

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет,
Будут в царствии небесном".

5

И лишь зов проникнул в дони,
Первый встал епископ Эрик;
С ним монахи, вздевши брони,
Собираются на берег.

6

Дале Свен пришел, сын Нилса,
В шишаке своем крылатом;
С ним же вместе ополчился
Викинг Кнут, сверкая златом;

7

Оба царственного рода,
За престол тягались оба,
Но для славного похода
Прервана меж ними злоба.

8

И, как птиц приморских стая,
Много панцирного люду,
И грохоча и блистая,

К ним примкнулось отовсюду.

9

Все струги, построясь рядом,

Покидают вместе берег,

И, окинув силу взглядом,

Говорит епископ Эрик:

10

"С нами бог! Склонил к нам папа

Преподобного Егорья,

Разгромим теперь с нахрапа

Все славянское поморье!"

11

Свен же молвит: "В бранном споре

Не боюсь никого я,

Лишь бы только в синем море

Нам не встретить Боривоя".

12

Но, смеясь, с кормы высокой

Молвит Кнут: "Нам нет препоны:

Боривой теперь далеко

Бьется с немцем у Арконы!"

13

И в веселии все трое,

С ними грозная дружина,

Все плывут в могучем строе

К башням города Волына.

14

Вдруг, поднявшись над кормою,

Говорит им Свен, сын Нилса:

"Мне сдалось: над той скалою
Словно лес зашевелился".

15

Кнут, взглядевшись, отвечает:

"Нет, не лес то шевелится,
Щегол множество кивает,
О косицу бьет косица".

16

Встал епископ торопливо,

С удивлением во взоре:

"Что мне чудится за диво:
Кони ржут на синем море!"

17

Но епископу в смятенъе

Отвечает бледный инок:

"То не ржанье,- то гуденье
Боривоевых волынок".

18

И внезапно, где играют

Всплески белые прибоя,

Из-за мыса выбегают

Волнорезы Боривоя.

19

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита,

20

Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут волынки боевые.

21

И, начальным правя дубом,
Сам в чешуйчатой рубахе,
Боривой кивает чубом:
"Добрый день, отцы монахи!

22

Я вернулся из Арконы,
Где поля от крови рдеют,
Но немецкие знамена
Под стенами уж не веют.

23

В клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долг мы немцам
И пришли теперь отхлопать

Вас по бритым по гуменцам!"

24

И под всеми парусами

Он ударил им навстречу:

Сшиблись вдруг ладьи с ладьями

И пошла меж ними сеча.

25

То взлетая над волнами,

То спускаясь в пучины,

Бок о бок сцепясь баграми,

С криком режутся дружины;

26

Брызжут искры, кровь струится,

Треск и вопль в бою сомкнутом,

До заката битва длится,

Не сдаются Свен со Кнутом.

27

Но напрасны их усилья:

От ударов тяжелой стали

Позолоченные крылья

С шлема Свена уж упали;

28

Пронзена в жестоком споре

Кнута крепкая кольчуга,

И бросается он в море

С опрокинутого струга;

20

А епископ Эрик, в схватке

Над собой погибель чуя,

Перепрыгнул без оглядки

Из своей ладьи в чужую;

30

Голосит: "Не пожалею

На икону ничего я,

Лишь в Роскильд поскорее

Мне б уйти от Боривоя!"

31

И гребцы во страхе тоже,

Силу рук своих удвоя,

Голосят: "Спаси нас, боже,

Защити от Боривоя!"

32

"Утекай, клобучье племя!

Боривой кричит вдогоню,

Вам вздохнуть не давши время,

Скоро сам я буду в дони!

33

К вам средь моря иль средь суши

Проложу себе дорогу

И заране ваши души

Обрекаю Чернобогу!"

34

Худо доням вышло, худо
В этой битве знаменитой;
В этот день морские чуда
Нажрались их трупов сыто,

35

И ладей в своем просторе
Опрокинутых немало
Почервоневшее море
Вверх полозьями качало.

36

Генрик Лев, идущий смело
На Волын к потехе ратной,
Услыхав про это дело,
В Брунзовик пошел обратно.

37

И от бодричей до Ретры,
От Осны до Дубовика,
Всюду весть разносят ветры
О победе той великой.

38

Шумом полн Волын веселым,
Вкруг Перуновой божницы
Хороводным ходят колом

Дев поморских вереницы;

39

А в Роскильдовском соборе

Собираются монахи,

Восклицают: "Горе, горе!"

И молебны служат в страхе,

40

И епископ с клирной силой,

На коленях в церкви стоя,

Молит: "Боже, нас помилуй!

Защити от Боривоя!"

Лето 1870

РУГЕВИТ

1

Над древними подъямля дубами,

Он остров наш от недругов стерег;

В войну и мир равно честимый нами,

Он зорко вокруг глядел семью главами,

Наш Ругевит, непобедимый бог.

2

Курился дым ему от благовоний,

Его алтарь был зеленью обвит,

И много раз на кучах вражьих броней

У ног своих закланых видел доней

Наш грозный бог, наш славный Ругевит.

3

В годину бурь, крушенья избегая,
Шли корабли под сень его меча;
Он для своих защита был святая,
И ласточек доверчивая стая
В его брадах гнездилась, щебеча.

4

И мнили мы: "Жрецы твердят недаром,
Что если враг попрет его порог,
Он оживет, и вспыхнет взор пожаром,
И семь мечей подымет в гневе яром
Наш Ругевит, наш оскорбленный бог".

5

Так мнили мы,- но роковая сила
Уж обрекла нас участи иной;
Мы помним день: заря едва всходила,
Нежданнные к нам близились ветрила,
Могучий враг на Ругу шел войной.

6

То русского шел правнук Мономаха,
Владимир шел в главе своих дружин,
На ругичан он первый шел без страха,
Король Владимир, правнук Мономаха,
Варягов князь и доней властелин.

7

Мы помним бой, где мы не устояли,
Где Яромир Владимиром разбит;
Мы помним день, где наши боги пали,
И затрещал под звоном вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевит.

8

Четырнадцать волов, привычных к плугу,
Дубовый вес стащить едва могли;
Рога склонив, дымяся от натугу,
Под свист бичей они его по лугу
При громких криках доней волокли.

9

И, на него взошед с крестом в деснице,
Держась за свой вонзенный в бога меч,
Епископ Свен, как вождь на колеснице,
Так от ворот разрушенной божницы
До волн морских себя заставил влечь.

10

И к берегу, рыдая, все бежали,
Мужи и старцы, женщины с детьми;
Был вой кругом. В неслыханной печали:
"Встань, Ругевит!- мы вслед ему кричали,
Воспрянь, наш бог, и доней разгроми!"

11

Но он не встал. Где об утес громадный

Дробясь, кипит и пенится прибой,
Он с крутизны низвергнут беспощадно;
Всплеснув, валы его схватили жадно
И унесли, крутя перед собой.

12

Так поплыл прочь от нашего он края
И отомстить врагам своим не мог,
Дивились мы, друг друга вопрошая:
"Где ж мощь его? Где власть его святая?
Наш Ругевит ужели был не бог?"

13

И, пробудясь от первого испугу,
Мы не нашли былой к нему любви
И разошлись в раздумии по лугу,
Сказав: "Плыви, в беде не спасший Ругу,
Дубовый бог, плыви себе, плыви!"

Лето 1870

УШКУЙНИК

Одолела сила-удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и в сердце тая удаль-то не вместится,
А и сердце-то от удали разорвется!
Пойду к батюшке на удаль горько плакать-
ся,
Пойду к матушке на силу в ноги кланять-

ся:

Отпустите свое детище дrochenое,
Новгородским-то порядкам неученое,
Отпустите поиграти игры детские:
Те ль обозы бить низовые, купецкие,
Багрить на море кораблики урманские,
Да на Волге жечь остроги басурманские!

Осень 1870

ПОТОК-БОГАТЫРЬ

1

Зачинается песня от древних затей,
От веселых пиров и обедов,
И от русых от кос, и от черных кудрей,
И от тех ли от ласковых дедов,
Что с потехой охотно мешали дела;
От их времени песня теперь повела,
От того ль старорусского краю,
А чем кончится песня - не знаю.

2

У Владимира Солнышка праздник идет,
Пированье идет, ликование,
С молодницами гридни ведут хоровод,
Гуслей звон и кимвалов бряцанье.
Молодицы что светлые звезды горят,
И под топот подошв, и под песенный лад,

Изгибаяся, ходят красиво,
Молодцы выступают на диво.

3

Но Поток-богатырь всех других превзошел:
Взглянет-искрами словно обмечет:
Повернется направо- что сизый орел,
Повернется налево - что кречет;
Подвигается мерно и взад и вперед,
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
То вдруг станет, тряхнувши кудрями,
Пожимает на месте плечами.

4

И дивится Владимир на стройную статью,
И дивится на светлое око:
"Никому,- говорит,- на Руси не плясать
Супротив молодого Потока!"
Но уж поздно, встает со княгинею князь,
На три стороны в пояс гостям поклонясь,
Всем желает довольным остаться
Это значит: пора расставаться.

5

И с поклонами гости уходят домой,
И Владимир княгиню уводит,
Лишь один остается Поток молодой,
Подбочася, по-прежнему ходит,

То притопнет ногою, то шапкой махнет,
Не заметил он, как отошел хоровод,
Не слышал он Владимира ласку,
Продолжает по-прежнему пляску.

6

Вот уж месяц из-за лесу кажет рога,
И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала баба-яга,
И в Днепре заплескались русалки,
В Заднепровье послышался лешего вой,
По конюшням дозором пошел домовой,
На трубе ведьма пологом машет,
А Поток себе пляшет да пляшет.

7

Сквозь царьградские окна в хоромную
сень

Смотрят светлые звезды, дивясь,
Как по белым стенам богатырская тень
Ходит взад и вперед, подбочася.
Перед самой зарей утомился Поток,
Под собой уже резвых не чувствует ног,
На мостницы как сноп упадает,
На полтысячи лет засыпает.

8

Много снов ему снится в полтысячи лет:

Видит славные схватки и сечи,
Красных девиц внимает радушный привет
И с боярами судит на вече;
Или видит Владимира вежливый двор,
За ковшами веселый ведет разговор,
Иль на ловле со князем гуторит,
Иль в совете настойчиво спорит.

9

Пробудился Поток на Москве на реке,
Пред собой видит терем дубовый;
Под узорным окном, в закутнбм цветнике,
Распускается розан махровый;
Полюбился Поток красивый цветок,
И понюхать его норовится Поток,
Как в окне показалась царевна,
На Потока накинута гневно:

10

"Шеромыжник, болван, неученый холоп!
Чтоб тебя в турий рог искривило!
Поросенок, теленок, свинья, эфиоп,
Чертов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощельгу, нахала,
И не так бы еще обругала!"

11

Испугался Поток, не на шутку струхнул:
"Поскорей унести бы мне ноги!"

Вдруг гремят тулумбасы; идет караул,
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи,
Его милость собираются тешить,
Там кого-то рубить или вешать.

12

И во гневе за меч ухватился Поток:
"Что за хан на Руси своеволит?"

Но вдруг слышит слова: "То земной едет
бог,

То отец наш казнить нас изволит!"

И на улице, сколько там было толпы,
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи
Все пред ним повалились на брюхи.

13

Удивляется притче Поток молодой:

"Если князь он, иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не эдак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?"

От земного нас бога господь упаси!
Нам Писанием ведено строго
Признавать лишь небесного бога!"

14

И пытается у встречного он молодца:
"Где здесь, дядя, собирается вече?"
Но на том от испугу не видно лица:
"Чур меня,- говорит,- человече!"
И пустился бежать от Потока бегом;
У того ж голова заходила кругом,
Он на землю как сноп упадает,
Лет на триста еще засыпает.

15

Пробудился Поток на другой на реке,
На какой? не припомнит преданье.
Погуляв себе взад и вперед в холодке,
Входит он во просторное зданье,
Видит: судьи сидят, и торжественно тут
Над преступником гласный свершается
суд.

Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики:

16

Он отца отравил, пару теток убил,
Взял подлогом чужое именье

Да двух братьев и трех дочерей задушил
Ожидают присяжных решенья.

И присяжные входят с довольным лицом:

"Хоть убил,- говорят,- не виновен ни в
чем!"

Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: браво!

17

И промолвил Поток: "Со присяжными суд
Был обычен и нашему миру,

Но когда бы такой подвернулся нам шут,
В триста кун заплатил бы он виру!"

А соседи, косясь на него, говорят:

"Вишь, какой затесался сюда ретроград!

Отсталой он, то видно по платью,

Притеснять хочет меньшую братью!"

18

Но Поток из их слов ничего не поймет,

И в другое он здание входит;

Там какой-то аптекарь, не то патриот,

Пред толпою ученье проводит:

Что, мол, нету души, а одна только плоть

И что если и впрямь существует господь,

То он только есть вид кислорода,

Вся же суть в безначалье народа.

19

И, увидя Потока, к нему свысока

Патриот обратился сурово:

"Говори, уважаешь ли ты мужика?"

Но Поток вопрошает: "Какого?"

"Мужика вообще, что смиреньем велик!"

Но Поток говорит: "Есть мужик и мужик:

Если он не пропьет урожаю,

Я тогда мужика уважаю!"

20

"Феодал!- закричал на него патриот,

Знай, что только в народе спасенье!"

Но Поток говорит: "Я ведь тоже народ,

Так за что ж для меня исключенье?"

Но к нему патриот: "Ты народ, да не тот!

Править Русью призван только черный на-
род!

То по старой системе всяк равен,

А по нашей лишь он полноправен!"

21

Тут все подняли крик, словно дернул их
бес,

Угрожают Потоку бедою.

Слышно: почва, гуманность, коммуна, про-
гресс,

И что кто-то заеден средою.
Меж собой вперерыв, наподобье галчат,
Все об общем каком-то о деле кричат,
И Потока с язвительным тоном
Называют остзейским бароном.

22

И подумал Поток: "Уж, господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!"

23

В третий входит он дом, и объял его страх:
Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены вокруг, в сюртуках и в оч-
ках,

Собрались красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чье-то мертвое тело.

24

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,

А они восклицают ехидно:

"Ах, какой он пошляк! ах, как он неразвит!

Современности вовсе не видно!"

Но Поток говорит, очутясь на дворе:

"То ж бывало у нас и на Лысой Горе,

Только ведьмы хоть голы и босы,

Но, по крайности, есть у них косы!"

25

И что видеть и слышать ему довелось:

И тот суд, и о боге ученье,

И в сиянье мужик, и девицы без кос

Все приводит его к заключенью:

"Много разных бывает на свете чудес!

Я не знаю, что значит какой-то прогресс,

Но до здравого русского веча

Вам еще, государи, далече!"

26

И так сделалось гадко и тошно ему,

Что он наземь как сноп упадает

И под слово прогресс, как в чаду и дыму,

Лет на двести еще засыпает.

Пробужденья его мы теперь подождем;

Что, проснувшись, увидит, о том и споем,

А покудова он не проспится,

Наудачу нам петь не годится.

Начало 1871

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1

Под броней с простым набором,

Хлеба кус жуя,

В жаркий полдень едет бором

Дедушка

2

Едет бором, только слышно,

Как бряцает бронь,

Топчет папоротник пышный

Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:

"Ну, Владимир, что ж?

Посмотрю я, без Ильи-то

Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво!

Не пиров держусь!

Я мужик неприхотливый,

Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой

В очередь мою
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут - полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,

Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!"

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

Май [?] 1871

* * *

1

Порой веселой мая
По лугу вертограда,
Среди цветов гуляя,
Сам-друг идут два лада.

2

Он в мурмолке червленной,
Каменьем корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрест голени обвиты;

3

Она же, молодая,
Вся в ткани серебристой;
Звенят на ней, сверкая,
Граненые мониста,

4

Блестит венец наборный,
А хвост ее понявы,
Шурша фатой узорной,
Метет за нею травы.

5

Ей весело, невесте,
"О милый!- молвит другу,
Не лепо ли нам вместе
В цветах идти по лугу?"

6

И взор ее он встретил,
И стан ей обнял гибкий.

"О милая!- ответил
Со страстною улыбкой,

7

Здесь рай с тобою суций!
Воистину все лепо!
Но этот сад цветущий
Засеют скоро репой!"

8

"Как быть такой невзгоде!
Воскликнула невеста,
Ужели в огороде
Для репы нету места?"

9

А он: "Моя ты лада!
Есть место репе, точно,
Но сад испортить надо
Затем, что он цветочный!"

10

Она ж к нему: "Что ж будет
С кустами медвежины,
Где каждым утром будит
Нас рокот соловьиный?"

11

"Кусты те вырвать надо
Со всеми их корнями,
Индеек здесь, о лада,
Хотят кормить червями!"

12

Подняв свои ресницы,
Спросила тут невеста:
"Ужель для этой птицы
В курятнике нет места?"

13

"Как месту-то не быти!
Но соловьев, о лада,
Скорее истребити
За бесполезность надо!"

14

"А роща, где в тени мы
Скрываемся от жара,
Ее, надеюсь, мимо
Пройдет такая кара?"

15

"Ее порубят, лада,
На здание такое,
Где б жирные говяда
Кормились на жаркое;

16

Иль даже выйдет проще,
О жизнь моя, о лада,
И будет в этой роще
Свиной пастись стадо".

17

"О друг ты мой единый!
Спросила тут невеста,
Ужель для той скотины
Иного нету места?"

18

"Есть много места, лада,
Но наш приют тенистый
Затем изгадить надо,
Что в нем свежо и чисто!"

19

"Но кто же люди эти,
Воскликнула невеста,
Хотящие, как дети,
Чужое гадить место?"

20

"Чужим они, о лада,
Не многое считают:
Когда чего им надо,
То тащут и хватают".

21

"Иль то матерьялисты,
Невеста вновь спросила,
У коих трубочисты
Суть выше Рафаила?"

22

"Им имена суть многи,
Мой ангел серебристый,
Они ж и демагоги,
Они ж и анархисты.

23

Толпы их все грызутся,
Лишь свой откроют форум,
И порознь все клянутся
In verba вожакорум.

24

В одном согласны все лишь:
Коль у других именье
Отымешь и разделишь,
Начнется вожделенье.

25

Весь мир желают сгладить
И тем внести равенство,
Что все хотят загадить
Для общего блаженства!"

26

"Поведай, шуток кроме,
Спросила тут невеста,
Им в сумасшедшем доме
Ужели нету места?"

27

"О свет ты мой желанный!
Душа моя ты, лада!
Уж очень им пространный
Построить дом бы надо!

28

Вопрос: каким манером
Такой им дом построить?
Дозволить инженерам
Премного будет стоять;

29

А земству предоставить
На их же иждивенье,
То значило б оставить
Постройку без движенья!"

30

"О друг, что ж делать надо,
Чтоб не погибнуть краю?"
"Такое средство, лада,
Мне кажется, я знаю:

31

Чтоб русская держава
Спаслась от их затеи,
Повесить Станислава
Всем вожакам на шеи!

32

Тогда пойдет все гладко
И станет все на место!"
"Но это средство гадко!"
Воскликнула невеста.

33

"Ничуть не гадко, лада,
Напротив, превосходно:
Народу без наклада,
Казне ж весьма доходно".

34

"Но это средство скверно!"
Сказала дева в гневе.
"Но это средство верно!"
Жених ответил деве.

35

"Как ты безнравствен, право!
В сердцах сказала дева,
Ступай себе направо,
А я пойду налево!"

36

И оба, вздевши длани,
Расстались рассержены,
Она в серебристой ткани,
Он в мурмолке червленной.

37

"К чему ж твоя баллада?"

Иная спросит дева.

- О жизнь моя, о лада,
Ей-ей, не для припева!

38

Нет, полн иного чувства,
Я верю реалистам:
Искусство для искусства
Равняю с птичьим свистом;

39

Я, новому ученью
Отдавшись без раздела,
Хочу, чтоб в пенопенье
Всегда сквозило дело.

40

Служите ж делу, струны!
Уймите праздный ропот!
Российская коммуна,
Прими мой первый опыт!

Июнь [?] 1871

СВАТОВСТВО

1

По вешнему по складу

Мы песню завели,

Ой ладо, диди-ладо!

Ой ладо, лель-люли!

2

Поведай, песня наша,

На весь на русский край,

Что месяцев всех краше

Веселый месяц май!

3

В лесах, в полях отрада,

Все вербы расцвели

Ой ладо, диди-ладо!

Ой ладо, лель-люли!

4

Затем так бодр и весел

Владимир, старый князь,

На подлокотни кресел

Сидит облокотясь.

5

И с ним, блестя нарядом,

В красе седых кудрей,

Сидит княгиня рядом
За пряжей за своей;

6

Кружась, жужжит и пляшет
Ее веретено,
Черемухою пашет
В открытое окно;

7

И тут же молодые,
Потупившие взгляд,
Две дочери княжие
За пяльцами сидят;

8

Сидят они так тихо,
И взоры в ткань ушли,
В груди ж поется лихо:
Ой ладо, лель-люли!

9

И вовсе им не шьется,
Хоть иглы изломай!
Так сильно сердце бьется
В веселый месяц май!

10

Когда ж берет из мочки
Княгиня волокно,

Украдкой обе дочки
Косятся на окно.

11

Но вот, забыв о пряже,
Княгиня молвит вдруг:
"Смотри, два гостя, княже,
Подъехали сам-друг!

12

С коней спрыгнули смело
У самого крыльца,
Узнать я не успела
Ни платья, ни лица!"

13

А князь смеется: "Знаю!
Пусть входят молодцы,
Не дальнего, чай, краю
Залетные птенцы!"

14

И вот их входит двое,
В лохмотьях и тряпьях,
С пеньковой бородою,
В пеньковых волосах;

15

Вошедши, на икону
Крестятся в красный кут,

А после по поклону
Хозяевам кладут.

16

Князь просит их садиться,
Он хитрость их проник,
Заране веселится
Обману их старик.

17

Но он обычай знает
И речь заводит сам:
"Отколе,- вопрошает,
Пожаловали к нам?"

18

"Мы, княже-господине,
Мы с моря рыбаки,
Сейчас завязли в тине
Среди Днепра-реки!

19

Двух рыбок златоперых
Хотели мы поймать,
Да спрятались в кокорах,
Пришлось подождать!"

20

Но князь на это: "Братья,
Неправда, ей-же-ей!

Не мокры ваши платья,
И с вами нет сетей!

21

Днепра ж светлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано в нем тины
От веку никогда!"

22

На это гости: "Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажем глаже:
Мы брыньские стрелки!

23

Стреляем зверь да птицы
По дебрям по лесным,
А ноне две куницы
Пушистые следим;

21

Трущобой шли да дромом,
Досель удачи нет,
Но нас к твоим хоромам
Двойной приводит след!"

25

А князь на это: "Что вы!
Трущобой вы не шли,

Лохмотья ваши новы
И даже не в пыли!

26

Куниц же бьют зимою,
А ноне месяц май,
За зверью за иною
Пришли ко мне вы, чай!"

27

"Ну, княже,- молвят гости,
Тебя не обмануть!
Так скажем уж попроси,
Кто мы такие суть:

28

Мы бедные калики,
Мы старцы-гусяры,
Но петь не горемыки,
Где только есть пиры!

29

Мы скрозь от Новаграда
Сюда с припевом шли:
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!

30

И если бы две свадьбы
Затеял ты сыграть,

Мы стали распевать бы
Да струны разбирать!"

31

"Вот это,- князь ответил,
Другой выходит стих,
Но гуслей не заметил
При вас я никаких;

32

А что с припевом шли вы
Сквозь целый русский край,
Оно теперь не диво,
В веселый месяц май!

33

Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,
В полях поют ручьи,

34

И много, в небе рея,
Поет пернатых стай
Всех месяцев звончее
Веселый месяц май!

35

Но строй гуслирный, други,
Навряд ли вам знаком:

Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечом!

36

В мешке не спрятать шила,
Вас выдал речи звук:
Пленкович ты Чурило,
А ты Степаныч Дюк!"

37

Тут с них лохмотья спали,
И, светлы как заря,
Два славные предстали
Пред ним богатыря;

38

Их бороды упали,
Смеются их уста,
Подобная едва ли
Встречалась красота.

39

Их кровь от сил избытка
Играет горячо,
Корсунская накидка
Надета на плечо;

40

Коты из аксамита
С камением цветным,

А берца вкрест обвиты
Обором золотным;

41

Орлиным мечут оком
Не взоры, но лучи;
На поясе широком
Крыжатые мечи.

42

С притворным со смущеньем
Глядят на них княжны,
Как будто превращеньем
И впрямь удивлены;

43

И взоры тотчас тихо
Склонили до земли,
А сердце скачет лихо:
Ой ладо, лель-люли!

44

Княгиня ж молвит: "Знала
Я это наперед,
Недаром куковала
Кукушка у ворот,

45

И снилось мне с полночи,
Что, голову подняв

И в лес уставя очи,
Наш лаает волкодав!"

46

Но, вид приняв суровый,
Пришельцам молвит князь:

"Ответствуйте: почто вы
Вернулись, не спросясь?"

47

Указан был отселе
Вам путь на девять лет
Каким же делом смели
Забуть вы мой запрет?"

48

"Не будь, о княже, гневен!
Твой двор чтоб видеть вновь,
Армянских двух царевен
Отвергли мы любовь!"

49

Зане твоих издавна
Мы любим дочерей!
Отдай же их, державный,
За нас, богатырей!"

50

Но, вид храня суровый,
А сам в душе смеясь:

"Мне эта весть не нова,
Ответил старый князь,
51

От русской я державы
Велел вам быть вдали,
А вы ко мне лукаво
На промысел пришли!

52

Но рыб чтоб вы не смели
Ловить в моем Днепру,
Все глуби я и мели
Оцепами запрю!

53

Чтоб впредь вы не дерзали
Следить моих куниц,
Ограду я из стали
Поставлю круг границ;

54

Ни неводом вам боле,
Ни сетью не ловить
Но будет в вашей воле
Добром их приманить!

55

Коль быть хотят за вами,
Никто им не мешай!

Пускай решают сами
В веселый месяц май!"

56

Услыша слово это,
С Чурилой славный Дюк
От дочек ждут ответа,
Сердце их слышен стук.

57

Что дочери им сказали
Кто может, отгадай!
Мы слов их не слышали
В веселый месяц май!

58

Мы слов их не слышали,
Нам свист мешал дроздов,
Нам иволги мешали
И рокот соловьев!

59

И звонко так в болоте
Кричали журавли,
Что мы, при всей охоте,
Расслышать не могли!

60

Такая нам досада,
Расслышать не могли!

Ой ладо, диди-ладо!

Ой ладо, лель-люли!

Июнь [?] 1871

АЛЕША ПОПОВИЧ

1

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь?

Это тот Попович славный,
Тот Алеша-богатырь!

2

За плечами видны гусли,
А в ногах червлёный щит,
Супротив его царевна
Полоненная сидит.

3

Под себя поджала ножки,
Летник свой подобрала
И считает робко взмахи
Богатырского весла.

4

"Ты почто меня, Алеша,
В лодку песней заманил?
У меня жених есть дома,
Ты ж, похитчик, мне не мил!"

5

Но, смеясь, Попович молвит:

"Не похитчик я тебе!

Ты взошла своею волей,

Покорись своей судьбе!

6

Ты не первая попалась

В лодку, девица, мою:

Знаменитым птицеловом

Я слыву в моем краю!

7

Без силков и без приманок

Я не раз меж камышей

Голубых очеретянок

Песней лавливал моей!

8

Но в плену, кого поймаю,

Без нужды я не морю;

Покорися же, царевна,

Сдайся мне, богатырю!"

9

Но она к нему: "Алеша,

Тесно в лодке нам вдвоем,

Тяжела ей будет ноша,

Вместе ко дну мы пойдем!"

10

Он же к ней: "Смотри, царевна,
Видишь там, где тот откос,
Как на солнце быстро блещут
Стаи легкие стрекоз?

11

На лозу когда бы сели,
Не погнули бы лозы;
Ты же в лодке не тяжеле
Легкокрылой стрекозы".

12

И душистый гнет он аир,
И, скользя очеретом,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом.

13

Много певников нарядных
В лодку с берега глядит,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говорит:

14

"Птицелов ты беспощадный,
Иль тебе меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку к берегу причаль!"

15

Он же, в берег упираясь
И осокою шурша,
Повторяет только: "Сдайся,
Сдайся, девица-душа!

16

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить".

17

Он весло свое бросает,
Гусли звонкие берет
Дивным пением дрожащий
Огласился очерет.

18

Звуки льются, звуки тают...
То не ветер ли во ржи?
Не крылами ль задевают
Медный колокол стрижи?

19

Иль в тени журчат дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звон заздравный?
Иль мечи бьют о мечи?

20

Пламя ль блещет? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пестует дитя?

21

Или то воспоминанье,
Отголосок давних лет?
Или счастья обещанье?
Или смерти то привет?

22

Песню кто уразумеет?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

23

Их услыша, присмирели
Пташек резвые четы,
На тростник стрекозы сели,
Преклонилися цветы:

24

Погремок, пестрец, и шилькик,
И болотная заря
К лодке с берега нагнулись
Слушать песнь богатыря.

25

Так с царевной по теченью
Он уносится меж трав,
И она внимает пенью,
Руку белую подняв.

26

Что внезапно в ней свершилось?
Тоскованье ль улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

27

Словно давние печали
Разошлись как туман,
Словно все преграды пали
Или были лишь обман!

28

Взором любящим невольню
В лик его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капают из глаз.

29

Любит он иль лицемерит
Для нее то все равно,
Этим звукам сердце верит
И дрожит, побеждено.

30

И со всех сторон их лодку
Обняла речная тишь,
И куда ни обернешься
Только небо да камыш...

Лето 1871

САДКО

1

Сидит у царя водяного Садко
И с думою смотрит печальной,
Как моря пучина над ним высоко
Синеет сквозь терем хрустальный.

2

Там ходят как тени над ним корабли,
Товарищи там его ищут,
Там берег остался цветущей земли,
Там птицы порхают и свищут;

3

А здесь на него любопытно глядит
Белуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бежит
Снятков серебристая стая;

4

Куда он ни взглянет, все синяя гладь,
Все воду лишь видит да воду,
И песни устал он на гусях играть

Царю водяному в угоду.

5

А царь, улыбаясь, ему говорит:

"Садко, мое милое чадо,

Поведай, зачем так печален твой вид?

Скажи мне, чего тебе надо?

6

Кутья ли с шафраном моя не вкусна?

Блины с инбирем не жирны ли?

Аль в чем неприветна царица-жена?

Аль дочери чем досадили?

7

Смотри, как алмазы здесь ярко горят,

Как много здесь яхонтов алых!

Сокровищ ты столько нашел бы навряд

В хваленых софийских подвалах!"

8

"Ты гой еси, царь-государь водяной,

Морское пресветлое чудо!

Я много доволен твоею женой,

И мне от царевен не худо;

9

Вкусны и кутья, и блины с инбирем,

Одно, государь, мне обидно:

Куда ни посмотришь, все мокро кругом,

Сухого местечка не видно!

10

Что пользы мне в том, что сокровищ пол-
НЫ

Подводные эти хоромы?

Увидеть бы мне хотя б зелень сосны!

Прилечь хоть на ворох соломы!

11

Богатством своим ты меня не держи;

Все роскоши эти и неги

Я б отдал за крик перепелки во ржи,

За скрыл новгородской телеги!

12

Давно так не видно мне божьего дня,

Мне запаху здесь только тина;

Хоть дегтем повеяло б раз на меня,

Хоть дымом курного овина!

13

Когда же я вспомню, что этой порой

Весна на земле расцветает,

И сам уж не знаю, что станет со мной:

За сердце вот так и хватает!

14

Теперь у нас пляски в лесу в молодом,

Забыты и стужа и слякоть

Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!

15

Теперь, чай, и птица, и всякая зверь
У нас на земле веселится;

Сквозь лист прошлогодний пробившись,
теперь

Синеет в лесу медуница!

16

Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березой душистою пахнет

И сердце во мне, лишь помыслю о том,
С тоски изнывает и чахнет!"

17

"Садко, мое чадо, городишь ты вздор!
Земля нестерпима от зною!

Я в этом сошлюся на целый мой двор,
Всегда он согласен со мною!

18

Мой терем есть моря великого пуп;
Твой жеребий, стало быть, светел;

А ты непонятлив, несведущ и глуп,
Я это давно уж заметил!

19

Ты в думе пригоден моей заседать,

Твою возвеличу я долю
И сан водяного советника дать
Тебе непременно изволю!"

20

"Ты гой еси, царь-государь водяной!
Премного тебе я обязан,
Но почести я недостойн морской,
Уж очень к земле я привязан;

21

Бывало, не все там норовилось мне,
Не по сердцу было иное;
С тех пор же, как я очутился на дне,
Мне все стало мило земное;

22

Припомнился пес мне, и грязен и хил,
В репьях и в сору извалялся;
На пир я в ту пору на званый спешил,
А он мне под ноги попался;

23

Брюзгливо взглянув, я его отогнал,
Ногой оттолкнул его гордо
Вот этого пса я б теперь целовал
И в темя, и в очи, и в морду!"

24

"Садко, мое чадо, на кую ты стать

О псе вспоминаешь сегодня?
Зачем тебе грязного пса целовать?
На то мои дочки пригодней!

25

Воистину, чем бы ты им не жених?
Я вижу, хоть в ус и не дую,
Пошла за тебя бы любая из них,
Бери ж себе в жены любую!"

26

"Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Боюсь, от брака с такою женой
Не вышло б душе моей худо!

27

Не спорю, они у тебя хороши
И цвет их очей изумрудный,
Но только колючи они, как ерши,
Нам было б сожителство трудно!

28

Я тем не порочу твоих дочерей,
Но я бы не то что любую,
А всех их сейчас променял бы, ей-ей,
На первую девку рябую!"

29

"Садко, мое чадо, уж очень ты груб,

Не нравится речь мне такая;
Когда бы твою не ценил я игру б,
Ногой тебе дал бы пинка я!

30

Но печени как-то сегодня свежо,
Веселье в утробе я чую;
О свадьбе твоей потолкуем ужю,
Теперь же сыграй плясовую!"

31

Ударил Садко по струнам трепака,
Сам к черту шлет царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся в бока,
Готовится, дрыгая, в пляску;

32

Сперва лишь на месте поводит усом,
Щетинистой бровью кивает,
Но вот запыхтел и надулся, как сом,
Все боле его разбирает;

33

Похаживать начал, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдруг как пойдет выводить вензеля,
Так все затряслись половицы.

34

"Ну,- мыслит Садко,- я тебя заморю!"

С досады быстрее он играет,
Но, как ни частит, водяному царю
Все более сил прибывает:

35

Пустился на выверт пятами месить,
Закидывать ногу за ногу;
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядеть индо страшно, ей-богу!

36

Бояре в испуге ползут окарачь,
Царица присела аж на пол,
Пищат-ин царевны, а царь себе вскачь
Знай чешет ногами оба пол.

37

То, выпятя грудь, на придворных он прет,
То, скорчившись, пятится боком,
Ломает коленца и взад и вперед,
Валяет загребом и скоком;

38

И все веселей и привольней ему,
Коленца выходят все круче
Темнее становится все в терему,
Над морем собираются тучи...

39

Но шибче играет Садко, осерча,

Сжав зубы и брови нахмуря,
Он злится, он дергает струны сплеча
Вверху подымается буря...

40

Вот дальними грянул раскатами гром,
Сверкнуло в пучинном просторе,
И огненным светом зардела кругом
Глубокая празелень моря.

41

Вот крики слышались там высоко:
То гибнут пловцы с кораблями
Отчаянней бьет пятернями Садко,
Царь бешеной месит ногами;

42

Вприсядку понес его черт ходуном,
Он фыркает, пышет и дует:
Гремит плясовая, колеблется дом,
И море ревет и бушует...

43

И вот пузыри от подстенья пошли,
Садко уже видит сквозь стены:
Разбитые ко дну летят корабли,
Крутятся средь ила и пены;

44

Он видит: моряк не один потонул,

В нем сердце исполнилось жали,
Он сильною хваткой за струны рванул
И, лопнув, они завизжали.

45

Споткнувшись, на месте стал царь водя-
ной,

Ногою подъятой болтая:

"Никак, подшутил ты, Садко, надо мной?
Противна мне шутка такая!

46

Не в пору, невежа, ты струны порвал,
Как раз когда я расплясался!

Такого колена никто не видал,
Какое я дать собирался!

47

Зачем здоровее ты струн не припас?
Как буду теперь без музыки?

Аль ты, неумытый, плясать в сухопляс
Велишь мне, царю и владыке?"

48

И плесом чешуйным в потылицу царь
Хватил его, ярости полный,

И вот завертелся Садко как кубарь,
И вверх понесли его волны...

49

Сидит в Новеграде Садко невредим,
С ним вящие все уличане;
На скатерти браной шипит перед ним
Вино в венецейском стакане;
50

Степенный посадник, и тысяцкий тут,
И старых посадников двое,
И с ними кончанские старосты пьют
Здоровье Садку круговое.
51

"Поведай, Садко, уходил ты куда?
На чудскую Емь аль на Балты?
Где бросил свои расшивные суда?
И без вести где пропадал ты?"
52

Поет и на гусях играет Садко,
Поет про царя водяного:
Как было там жить у него нелегко
И как уж он пляшет здорово;
53

Поет про поход без утайки про свой,
Какая чему была чередь,
Качают в сомнении все головой,
Не могут рассказу поверить.
Ноябрь 1871 - март 1872

КАНУТ

1

Две вести ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатом помине,
Шлет сват его Магнус; из русской земли
Другая пришла от княгини.

2

С певцом своим Магнус словесную весть
Без грамоты шлет харатейной:
Он просит Канута, в услугу и в честь,
Приехать на съезд на семейный;

3

Княгиня ж ко грамоте тайной печать
Под многим привесила страхом,
И вслух ее строки Канут прочитать
Велит двум досужим монахам.

4

Читают монахи: "Супруг мой и князь!
Привиделось мне сновиденье:
Поехал в Роскильд, в багрец наряжась,
На Магнуса ты приглашенье;

5

Багрец твой стал кровью в его терему
Супруг мой, молю тебя слезно,
Не верь его дружбе, не ездь к нему,

Любимый, желанный, болезный!"

6

Монахи с испугу речей не найдут:

"Святые угодники с нами!"

Взглянул на их бледные лица Канут,

Пожал, усмехаясь, плечами:

7

"Я Магнуса знаю, правдив он и прям,

Дружил с ним по нынешний день я

Ужель ему веры теперь я не дам

Княгинина ради виденья!"

8

И берегом в путь выезжает морским

Канут, без щита и без брони,

Три отрока едут поодаль за ним,

Их весело топают кони.

9

Певец, что послан его пригласить,

С ним едет по берегу рядом;

Тяжелую тайну клялся он хранить,

С опущенным едет он взглядом.

10

Дыханием теплым у моря весна

Чуть гривы коней их шевелит,

На мокрый песок набегаёт волна

И пену им под ноги стелет.

11

Но вот догоняет их отрок один,

С Канутом, сняв шлык, поравнялся:

"Уж нам не вернуться ли, князь-господин?"

Твой конь на ходу расковался!"

12

"Пускай расковался!- смеется Канут,

Мягка нам сегодня дорога,

В Роскильде коня кузнецы подкуют,

У свата, я чаю, их много!"

13

К болоту тропа, загибаясь, ведет,

Над ним, куда око ни глянет,

Вечерний туман свои нити прядет

И сизые полосы тянет.

14

От отроков вновь отделился один,

Равняет коня с господином:

"За этим туманищем, князь-господин,

Не видно твоей головы нам!"

15

"Пускай вам не видно моей головы

Я, благо, живу без изъяна!

Опять меня целым увидите вы,

Как выедем мы из тумана!"

16

Въезжают они во трепещущий бор,
Весь полный весеннего крика;
Гремит соловьиный в шиповнике хор,
Звездится в траве земляника;

17

Черемухи ветви душистые гнут,
Все дикие яблони в цвете;
Их запах вдыхаячи, мыслит Канут:
"Жить любо на божем свете!"

18

Украдкой певец на него посмотрел,
И жалость его охватила:
Так весел Канут, так доверчив и смел,
Кипит в нем так молодо сила;

19

Ужели сегодня во гроб ему лечь,
Погибнуть в подводе жестоком?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичным намеком.

20

Былину старинную он затянул;
В зеленом, пустынном просторе
С припевом дубравный сливается гул:

"Ой море, ой синее море!

21

К царевичу славному теща и тесть
Коварной исполнены злости;

Изменой хотят они зятя известь.

Зовут его ласково в гости.

22

Но морю, что, мир обтекая, шумит,
Известно о их заговоре;

Не езд, царевич, оно говорит

Ой море, ой синее море!

23

На верную смерть ты пускаешься в путь,

Твой тесть погубить тебя хочет,

Тот меч, что он завтра вонзит тебе в грудь,

Сегодня уж он его точит!

24

Страшению моря царевич не внял,

Не внял на великое горе,

Спускает ладью он на пенистый вал

Ой море, ой синее море!

25

Плывет он на верную гибель свою,

Беды над собою не чает,

И скорбно его расписную ладью

И нехотя море качает..."

26

Певец в ожидании песню прервал,
Украдкой глядит на Канута;
Беспечно тот едет себе вперевал,
Рвет ветки с черемухи гнутой;

27

Значение песни ему невдомек,
Он весел, как был и с почину,
И, видя, как он от догадки далек,
Певец продолжает былинку:

28

"В ладье не вернулся царевич домой,
Наследную вотчину вскоре
Сватья разделили его меж собой
Ой море, ой синее море!

29

У берега холм погребальный стоит,
Никем не почтен, не сторожен,
В холме том убитый царевич лежит,
В ладью расписную положен;

30

Лежит с погруженным он в сердце мечом,
Не в бармах, не в царском уборе,
И тризну свершает лишь море по нем

Ой море, ой синее море!"

31

Вновь очи певец на Канута поднял:

Тот свежими клена листьями

Гремучую сбрую коня разубрал,

Утыкал очелок цветами;

32

Глядит он на мошек толкущийся рой

В лучах золотого захода

И мыслит, воздушной их тешась игрой:

"Нам ясная завтра погода!"

33

Былины значенье ему невдогад,

Он едет с весельем во взоре

И сам напевает товарищу в лад:

"Ой море, ой синее море!"

34

Его не спасти! Ему смерть суждена!

Влечет его темная сила!

Дыханьем своим молодая весна,

Знать, разум его опьянила!

35

Певец замолчал. Что свершится, о том

Ясней намекнуть он не смеет,

Поют соловьи, заливаясь, кругом,

Шиповник пахучий алеет;

36

Не чует гибели близкой Канут,
Он едет к беде неминучей,
Кругом соловьи, заливаясь, поют,
Шиповник алеет пахучий...

Декабрь [?] 1872

СЛЕПОЙ

1

Князь выехал рано среди гридней своих
В сыр-бор полеванья изведать;
Гонял он и вепрей, и туров гнедых,
Но время доспело, звон" рога утих,
Пора отдыхать и обедать.

2

В логу они свежем под дубом сидят
И брашна примаются рушать;
И князь говорит: "Мне отрадно звучат
Ковши и братины, но песню бы рад
Я в зелени этой послушать!"

3

И отрок озвался: "За речкою там
Убогий мне песенник ведом;
Он слеп, но горазд ударять по струнам";
И князь говорит: "Отыщи его нам,

Пусть тешит он нас за обедом!"

4

Ловцы отдохнули, братины допив,
Сидеть им без дела не любо,
Поехали дале, про песню забыв,
Гусляр между тем на княжой на призыв
Бредет ко знакомому дубу.

5

Он щупает посохом корни дерев,
Плетется один чрез дубраву,
Но в сердце звучит вдохновенный напев,
И дум благодатных уж зреет посев,
Слагается песня на славу.

6

Пришел он на место: лишь дятел стучит,
Лишь в листьях стрекочет сорока
Но в сторону ту, где, не видя, он мнит,
Что с гриднями князь в ожиданье сидит,
Старик поклонился глубоко:

7

"Хвала тебе, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вам!
Начать песнопенье готов я стою
О чем же я, старый и бедный, спою
Пред сонмищем сим величавым?"

8

Что в вещем сказалося сердце моем,
То выразить речью возьмусь ли?"

Пождал - и, не слыша ни слова кругом,
Садится на кочку, поросшую мхом,
Персты возлагает на гусли.

9

И струн переливы в лесу потекли,
И песня в глуши зазвучала...

Все мира явленья вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цветных камней начала,

10

Что в недрах подземия блеск свой таят,
И чудища в море глубоком,
И в темном бору заколдованный клад,
И витязей бой, и сверкание лат
Все видит духовным он оком.

11

И подвиги славит минувших он дней,
И все, что достойно, венчает:

И доблесть народов, и правду князей
И милость могучих он в песне своей
На малых людей призывает.

12

Привет полоненному шлет он рабу,
Укор градоимцам суровым,
Насилье ж над слабым, с гордыней на лбу,
К позорному он пригвождает столбу
Грозящим пророческим словом.

13

Обильно растет его мысли зерно,
Как в поле ячмень золотистый;
Проснулось, что в сердце дремало давно
Что было от лет и от скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

14

И лик озарен его тем же огнем,
Как в годы борьбы и надежды,
Явилась власть на челе поднятном,
И кажутся царской хламидой на нем
Лохмотья раздранной одежды.

15

Не пелось ему еще так никогда,
В таком расцветанье богатом
Еще не сплеталась дум череда
Но вот уж вечерняя в небе звезда
Зажглася над алым закатом.

16

К исходу торжественный клонится лад,

И к небу незрящие взоры
Возвел он, и, духом могучим объят,
Он песнь завершил - под перстами звучат
Последние струн переборы.

17

Но мертвою он тишиной окружен,
Безмолвье пустынного лога
Порой прерывает лишь горлицы стон,
Да слышны сквозь гуслей смолкающий

звон

Призывы далекого рога.

18

На диво ему, что собранье молчит,
Поник головою он думной
И вот закачались ветви раakit,
И тихо дубрава ему говорит:
"Ты гой еси, дед неразумный!

19

Сидишь одинок ты, обманутый дед,
На месте ты пел опустелом!
Допиты братины, окончен обед,
Под дубом души человеческой нет,
Разъехались гости за делом!

20

Они средь моей, средь зеленой красы

Порскают, свой лов продолжая;
Ты слышишь, как, в след утыкая носы,
По зверю вдали заливаются псы,
Как трубит охота княжая!

21

Ко сбору ты, старый, прийти опоздал,
Ждать некогда было боярам,
Ты песней награды себе не стяжал,
Ничьих за нее не услышишь похвал,
Трудился, убогий, ты даром!"

22

"Ты гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пел одинок, но тужить и роптать
Мне, старому, было б грешно и нестать
Наград мое сердце не ждало!

23

Воистину, если б очей моих ночь
Безлюдья от них и не скрыла,
Я песни б не мог и тогда перемочь,
Не мог от себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!

24

Пусть по следу псы, заливаясь, бегут,
Пусть ловлею князь доволен!

Убогому петь не тяжелый был труд,
А песня ему не в хвалу и не в суд,
Зане он над нею не волен!

25

Она, как река в половодье, сильна,
Как росная ночь, благотворна,
Тепла, как душистая в мае весна,
Как солнце приветна, как буря грозна,
Как лютая смерть необорна!

26

Охваченный ею не может молчать,
Он раб ему чуждого духа,
Вожглась ему в грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей он должен вещать,
Что слышит подвластное ухо!

27

Не ведает горный источник, когда
Потоком он в степи стремится,
И бьет и кипит его, пенясь, вода,
Придут ли к нему пастухи и стада
Струями его освежиться!

28

Я мнил: эти гусли для князя звучат,
Но песня, по мере как пелась,
Невидимо свой расширяла охват,

И вольный лился без различия лад
Для всех, кому слушать хотелось!

29

И кто меня слушал, привет мой тому!

Земле-государыне слава!

Ручью, что ко слову журчал моему!

Вам, звездам, мерцавшим сквозь синюю
тьму!

Тебе, мать сырая дубрава!

30

И тем, кто не слушал, мой также привет!

Дай бог полевать им не даром!

Дай князю без горя прожить много лет,

Простому народу без нужды и бед,

Без скорби великим боярам!"

Январь 1873

САТИРИЧЕСКИЕ И

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

БЛАГОРАЗУМИЕ

Поразмыслив аккуратно,

Я избрал себе дорожку

И иду по ней без шума,

Понемножку, понемножку!

Впрочем, я ведь не бесстрастен,

Я не холоден душою,

И во мне ведь закипает
Ретивое, ретивое!
Если кто меня обидит,
Не спущу я, как же можно!
Из себя как раз я выйду,
Осторожно, осторожно!
Без ума могу любить я,
Но любить, конечно, с толком,
Я готов и правду резать,
Тихомолком, тихомолком!
Если б брат мой захлебнулся,
Я б не стал махать руками,
Тотчас кинулся бы в воду,
С пузырями, с пузырями!
Рад за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я,
Грудью лягу в чистом поле,
Без увечья, без увечья!
Послужу я и в синклите,
Так чтоб ведали потомки;
Но уж если пасть придется
Так соломки, так соломки!
Кто мне друг, тот друг мне вечно,
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я,

По-австрийски, по-австрийски!

Конец 1853 или начало 1854

[А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ]

Вхожу в твой кабинет,

Ищу тебя, бездельник,

Тебя же нет как нет,

Знать, нынче понедельник.

Пожалуй приезжай

Ко мне сегодня с братом:

Со мной откусать чай

И утку с кресс-салатом.

Венгерское вино

Вас ждет (в бутылке ль, в штофе ль

Не знаю), но давно

Заказан уж картофель.

Я в городе один,

А мать живет на даче,

Из-за таких причин

Жду ужину удачи.

Армянский славный край

Лежит за Араратом,

Пожалуй приезжай

Ко мне сегодня с братом!

1854

* * *

Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть!
О Феб всеильный! на параде
Услышь мой голос свысока:
Не дай постичь мне, бога ради,
Святой поэзии носка!

5 октября 1856

ВЕСЕННИЕ ЧУВСТВА
НЕОБУЗДАННОГО ДРЕВНЕГО

Дождусь ли той истории,
Когда придет весна
И молодой цикории
Засветит желтизна!
Уже любовной жаждою
Вся грудь моя горит,
И вспрыгнуть щепка каждая
На щепку норовит.
Земля цветами новыми
Покрылася опять,
Пошли быки с коровами
В зеленый луг гулять,
И, силой обаятельной
За стадом их влеком,

Готов я бессознательно

Сам сделаться быком!

Февраль 1859

[К. К. ПАВЛОВОЙ]

Прошу простить великодушно,

Что я, как старый генерал,

В борьбе суровой с жизнью душевной,

Моим посланьем опоздал!

(Сравнение здесь с главою рати,

Без предыдущего звена,

Хоть Вам покажется некстати,

Но рифма мне была нужна.)

Итак, без дальних отступлений,

Желаю Вам на Новый год

Поболе новых вдохновений,

Помене тягостных забот.

Для Вас дай бог, чтоб в этом годе

Взошла счастливая заря!

P. S.

Со мной о Вашем переводе

Из драмы "Фауст" говоря,

Упомянули Вы недавно

(Серебрулукий Вас прости!),

Что все бы шло довольно плавно,

Но трудно стих перевести,

Где Фауст, в ярое озлобленье,
Кляня все то, что deus vult¹,
Вдруг говорит для заключенья:
"Und fluch vor Allem der Geduld!"
Вращаясь в Фебовом синклите,
Быть может, стал я слишком лих,
Но как Вам кажется, скажите,
Нельзя ли тот строптивый стих
(Храня при том с почтеньем эха
Оригинала глубину)
Перевести не без успеха:
"Терпеньё глупое кляню"?

---

1 Бог хочет (лат.)- Ред.
Начало 1860-х годов (?)
БУНТ В ВАТИКАНЕ
Взбунтовались кастраты,
Входят в папины палаты:
"Отчего мы не женаты?
Чем мы виноваты?"
Говорит им папа строго:
"Это что за синагога?
Не боитесь вы бога?
Прочь! Долой с порога!"
Те к нему: "Тебе-то ладно,

Ты живешь себе прохладно,
А вот нам так безотрадno,
Очень уж досадно!
Ты живешь себе по воле,
Чай, натер себе мозоли,
А скажи-ка: таково ли
В нашей горькой доле?"
Говорит им папа: "Дети,
Было прежде вам глядети,
Потеряв же вещи эти,
Надобно терпети!
Жалко вашей мне утраты;
Я, пожалуй, в виде платы,
Прикажу из лучшей ваты
Вставить вам заплаты!"
Те к нему: "На что нам вата?
Это годно для халата!
Не мягка, а жестковата
Вещь, что нам нужна-то!"
Папа к ним: "В раю дам место,
Будет каждому невеста,
В месяц по два пуда теста.
Посудите: вес-то!"
Те к нему: "Да что нам в тесте,
Будь его пудов хоть двести,

С ним не вылепишь невесте
То, чем жить с ней вместе!"
"Эх, нелегкая пристала!
Молвил папа с пьедестала,
Уж коль с воза что упало,
Так пиши: пропало!
Эта вещь,- прибавил папа,
Пропади хоть у Приапа,
Нет на это эскулапа,
Эта вещь - не шляпа!
Да и что вы в самом деле?
Жили б вы в моей капелле,
Под начальством Антонелли,
Да кантаты пели!"
"Нет,- ответствуют кастраты,
Пий ты этакий девятый,
Мы уж стали сиповаты,
Поючи кантаты!
А не хочешь ли для дива
Сам пропеть нам "Casta diva"?
Да не грубо, а пискливо,
Тонко особливо!"
Испугался папа: "Дети,
Для чего ж мне тонко пети?
Да и как мне разумети

Предложенья эти?"

Те к нему: "Проста наука,
В этом мы тебе порука,
Чикнул раз, и вся тут штука
Вот и бритва! Ну-ка!"

Папа ж думает: "Оно-де
Было б даже не по моде
Щеголять мне в среднем роде!"
Шлет за Де-Мероде.

Де-Мероде ж той порою,
С королем готовясь к бою,
Занимался под горою
Папской пехтурою:
Все в подрясниках шелковых,
Ранцы их из шкурок новых,
Шишек полные еловых,
Сам в чулках лиловых.

Подбегает Венерати:
"Вам,- кричит,- уж не до рати!
Там хотят, совсем некстати,
Папу холощати!"

Искушенный в ратном строе,
Де-Мерод согнулся втрое,
Видит, дело-то плохое,
Молвит: "Что такое?"

Повторяет Венерати:

"Вам теперь уж не до рати,
Там хотят, совсем некстати,
Папу холощати!"

Вновь услышав эту фразу,
Де-Мероде понял сразу,
Говорит: "Оно-де с глазу;
Слушаться приказу!"

Затрубили тотчас трубы,
В войске вспыхнул жар сугубый,
Так и смотрят все, кому бы
Дать прикладом в зубы?
Де-Мероде, в треуголке,
В рясе только что с иголки,
Всех везет их в одноколке
К папиной светелке.

Лишь вошли в нее солдаты,
Испугались кастраты,
Говорят: "Мы виноваты!
Будем петь без платы!"

Добрый папа на свободе
Вновь печется о народе,
А кастратам Де-Мероде
Молвит в этом роде:

"Погодите вы, злодеи!

Всех повешу за ... я!"

Папа ж рек, слегка краснея:

"Надо быть умнее!"¹

И конец настал всем спорам;

Прежний при дворе декорум,

И пицат кастраты хором

Вплоть ad finem seculorum!..²

---

1 Вариант для дам

.....

А кастратам Де-Мероде

Молвит в этом роде:

"Всяк, кто в этот бунт замешан,

Заслужил бы быть повешен!"

Папа ж рек, совсем утешен:

"Я один безгрешен!"

2 До скончания веков (лат.).- Ред.

Февраль-март 1864

[Б. М. МАРКЕВИЧУ]

Ты, что, в красе своей румяной,

Предмет восторженной молвы,

Всегда изящный, вечно рьяный,

Цветешь на берегах Невы,

Когда к тебе недавно, сдуру,

Я обратил наивный зов

Держать из дружбы корректуру
Моих неизданных стихов,
Едва их удостоив взгляда,
Должно быть полусонный, ты
С небрежной ленью Алкивьяда
Переворачивал листы.
Сменив Буткова на Каткова,
Отверг ты всякий ложный стыд.
Тебе смысл здравый не окова,
Тебя нелепость не страшит.
И я, тобою искаженный,
С изнеможением в кости,
Спешу, смиренный и согбенный,
Тебе спасибо принести;
Для каждого стиха errata(*)
С утра до вечера пишу,
С супружней кротостью Сократа
Твою ксантипность я сношу.
Ругню, вранье, толчки, побои
Приняв, безропотно стою,
Смиренно под твои помои
Склоняю голову мою,
И в благодарности не шаток,
И твердо веря в связь сердец,
Плету тебе из опечаток

Неувядаемый венец,
Они, роскошные, как злаки,
Пестрят читающего путь
Подобно им, отличья знаки
Твою да испещряют грудь,
И да цветут твои потомки,
На удивление стране,
Так многочисленны, так громки,
Так полновесны, как оне!

(*) Опечатки (лат.).- Ред.

1 мая 1867

[ГРАФУ Д. А. ТОЛСТОМУ]

Бисмарк, сидячи в Берлине,

Пишет Австрии устав,

Бонапарт, в своей рутине,

Непреклонный кажет нрав;

Говорят, что будто ныне

Кто настойчив, тот и прав;

И по этой-то причине,

Перед вами ниц упав,

Вновь молю вас: о Щербине

Не забудьте, милый граф!

1867

[Ф. К. МЕЙЕНДОРФУ]

Барон, тебе, делившему
Дни римские с певцом,
Тебе, переломившему
Копье с святым отцом,
Тебе, в palazzo Geoli(*)
Привыкшему витать,
Не слишком будет смело ли
Поднести сию тетрадь?
Но в скуки час томительный,
Признайся (хи, хи, хи!),
Ты сам, превосходительный,
Пописывал стихи?
Итак, мое послание
И дружеский поклон
До нашего свидания
Я шлю тебе, барон.

(*) Во дворце Джоли (итал.).- Ред.
1867

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ТИМАШЕВА

Вся земля наша велика и обилна,
а наряда в ней нет.

Нестор, летопись, стр. 8

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом,
И молвят: "Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет".

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
"Придите, господа!

6

Мы вам отсыпшем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет".

7

Варягам стало жутко,
Но думают: "Что ж тут?
Попытка ведь не шутка
Пойдем, коли зовут!"

8

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Г лядят ? земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

9

"Ну,- думают,- команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort"1.

10

Но братец старший Рюрик
"Постой,- сказал другим,
Fortgeh'n war' ungebürlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm2.

11

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal"3.

12

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

13

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein groper Krieger4
И умный человек.

14

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge5
Языческих держав.

15

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte fur immer
Die alte Religion6.

16

Он вдруг сказал народу:
"Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!"
И сделал нам Иордань.

17

"Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!"

18

Послал он за попами
В Афины и Царьград.
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

19

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

20

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

21

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

22

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

23

Узнали то татары:
"Ну,- думают,- не трусь!"
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

24

"От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем?.

25

Кричат: "Давайте дани!"
(Хоть вон святых неси.)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

26

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата
Порядка ж вовсе нет.

27

Иван явился Третий;
Он говорит: "Шалишь!
Уж мы теперь не дети!"
Послал татарам шиш.

28

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А все ж порядка нет.

29

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

32

Жить можно бы безопасно
При этаким царе;
Но ах! ничто не вечно
И царь Иван умре!

33

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

34

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

35

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

36

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

37

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

38

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

39

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

40

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

41

Вернулись поляки,
Казачков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,
42

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.
43

Прямые были страсти
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далеко не уйдешь.
44

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.
45

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.
46

Свершилось то летом;
Но был ли уговор
История об этом
Молчит до этих пор.

47

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет;
Земля была обильна
Порядка ж нет как нет.

48

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

49

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

50

Он молвил: "Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..

51

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!"
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

52

Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

53

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54

Хотя силен уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

55

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

56

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

57

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, da... Gott erbarm!7

58

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

59

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60

"Madame, при вас на диво
Порядок расцветет,
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот,

61

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать".

62

"Messieurs,- им возразила
Она,- vous me comblez"8,
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

63

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

64

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

65

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

66

Казалось, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le Desire.

67

В то время очень сильно
Расцвел России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

68

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot.

69

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

70

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом!

71

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

72

С горы со криком громким
In cogroge9, сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

73

Се Норов, се Путятин,
Се Панин, се Метлин,
Се Брок, а се Замятнин,
Се Корф, се Головнин.

74

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,
И вниз одной дорогой
Летят они, скользя.

75

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог;
Картине живописной
Противостать не мог.

76

Лиризм, на все способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

77

Поуспокой мне совесть,
Мое усердье зря,
И дай мою мне повесть
Окончить не хитря.

78

Итак, начавши снова,
Столбец кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

79

Увидя, что все хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

80

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев
Порядок водвори.

81

Что аз же многогрешный
На бранных сих листах
Не дописах поспешно
Или переписах,
82

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.
83

Составил от былинок
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

---

1 Ведь это позор - мы должны обратиться
прочь (нем.).- Ред.

2 Уйти было бы неприлично, может быть,
это не так уж плохо (нем.).- Ред.

3 Мы справимся, давайте попробуем
(нем.).- Ред.

4 Это был великий воин (нем.).- Ред.

5 Такова была последовательность (нем.).-
Ред.

6 Тогда пришел конец старой религии

(нем.)- Ред.

7 Помилуй бог! (нем.)- Ред.

8 Господа, вы слишком добры ко мне
(франц.)- Ред.

9 В полном составе (лат.)- Ред.

1868

* * *

Стасюлевич и Маркевич

Вместе побранились;

Стасюлевич и Маркевич

Оба осрамились.

"Ты поляк,- гласит Маркевич,

В этом я уверен!"

Отвечает Стасюлевич:

"Лжешь как сивый мерин!"

Говорит ему Маркевич:

"Судишь ты превратно!"

Отвечает Стасюлевич:

"То донос печатный!"

Размышляет Стасюлевич:

"Классицизм нам кстати ль?"

Говорит ему Маркевич:

"Стало, ты предатель!"

Октябрь (?) 1869

* * *

Как-то Карп Семенович
Сорвался с балкона,
И на нем суконные
Были панталоны.
Ах, в остережение
Дан пример нам оный:
Братья, без медления
Снимем панталоны!
22 декабря 1869

* * *

Рука Алкида тяжела,
Ужасны Стимфалидов стаи,
Смертельна Хирона стрела,
Широко лоно Пазифаи.
Из первых Аристокитон
С Гармодием на перекличке,
И снисходительно Платон
Их судит странные привычки.
Гомера знали средь Афин
Рабы и самые рабыни,
И каждый римский гражданин
Болтал свободно по-латыни.
22 декабря 1869
МЕДИЦИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Доктор божией коровке
Назначает рандеву,
Штуки столь не видел ловкой
С той поры, как я живу,
Ни во сне, ни наяву.
Веря докторской сноровке,
Затесалась в траву
К ночи божия коровка.
И, припасши булаву,
Врач пришел на рандеву.
У скалы крутой подножья
Притаясь, коровка божья
Дух не смеет перевести,
За свою страшится честь.
Дщери нашей бабки Евы!
Так-то делаете все вы!
Издали: "Mon soeur, mon tout", -(*)
А пришлось начистоту,
Вам и стыдно, и неловко;
Так и божия коровка
Подняла внезапно крик:
"Я мала, а он велик!"
Но, в любви не зная шутики,
Врач сказал ей: "Это дудки!
Мне ведь дело не ново,

Уж пришел я, так того!"
Кем наставлена, не знаю,
К чудотворцу Николаю
(Как то делалось встарь)
Обратилась божья тварь.
Грянул гром. В его компанье
Разлилось благоуханье
И домой, не бегом, вскачь,
Устрашась, понесся врач,
Приговаривая: "Ловко!
Ну уж божия коровка!
Подстрекнул меня, знать, бес!"
- Сколько в мире есть чудес!

(*) Сердце мое, жизнь моя (франц.).- Ред.
Октябрь (?) 1868

2

Навозный жук, навозный жук,
Зачем, среди вечерней тени,
Смущает доктора твой звук?
Зачем дрожат его колени?
О врач, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышит повесть?
Какого ропот живота
Тебе на ум приводит совесть?

Лукавый врач, лукавый врач!
Трепещешь ты не без причины
Припомни стон, припомни плач
Тобой убитой Адольфины!
Твои уста, твой взгляд, твой нос
Ее жестоко обманули,
Когда с улыбкой ты поднес
Ей каломельные пилюли...
Свершилось! Памятен мне день
Закат пылал на небе грозном
С тех пор моя летает тень
Вокруг тебя жуком навозным...
Трепещет врач - навозный жук
Вокруг него, в вечерней тени,
Чертит круги - а с ним недуг,
И подгибаются колени...
Ноябрь (?) 1868

3

"Верь мне, доктор (кроме шутки!),
Говорил раз пономарь,
От яиц крутых в желудке
Образуетя янтарь!"
Врач, скептического склада,
Не любил духовных лиц
И причетнику в досаду

Проглотил пятьсот яиц.
Стон и вопли! Все рыдают,
Пономарь звонит сплеча
Это значит: погребают
Вольнодумного врача.
Холм насыпан. На рассвете
Пир окончен в дождь и грязь,
И причетники мыслете
Пишут, за руки схватясь.
"Вот не минули и сутки,
Повторяет пономарь,
А уж в докторском желудке
Так и сделался янтарь!"
Ноябрь (?) 1868

4

БЕРЕСТОВАЯ БУДОЧКА
В берестовой сидя будочке,
Ногу на ногу скрестив,
Врач наигрывал на дудочке
Бессознательный мотив.
Он мечтал об операциях,
О бинтах, о ревене,
О Венере и о грациях...
Птицы пели в вышине.
Птицы пели и на тополе,

Хоть не ведали о чем,
И внезапно все захлопали,
Восхищенные врачом.
Лишь один скворец завистливый
Им сказал как бы шутя:
"Что на веточках повисли вы,
Даром уши распустя?
Песни есть и мелодичнее,
Да и дудочка слаба,
И врачу была б приличнее
Оловянная труба!"

Между 1868 и 1870

5

Муха шпанская сидела
На сиреневом кусте,
Для таинственного дела
Доктор крался в темноте.
Вот присел он у сирени;
Муха, яд в себе тая,
Говорит: "Теперь для мщенья
Время вылучила я!"
Уязвленный мухой больно,
Доктор встал, домой спеша,
И на воздухе невольно
Выкидает антраша.

От людей ночные тени
Скрыли доктора полет,
И победу на сирени
Муха шпанская поет.
Между 1868 и 1870
* * *

Угораздило кофейник
С вилкой в роще погулять.
Набрели на муравейник;
Вилка ну его пырять!
Расходилась: я храбра-де!
Тычет вдоль и поперек.
Муравьи, спасенья ради,
Поползли куда кто мог;
А кофейнику потеха:
Руки в боки, кверху нос,
Надседается от смеха:
"Исполати! Аксиос!
Веселися, храбрый росс!"
Тут с него свалилась крышка,
Муравьев взяла одышка,
Все отчаялись - и вот
Наползли к нему в живот.
Как тут быть? Оно не шулки:
Насекомые в желудке!

Он, схватившись за бока,
Пляшет с боли трепака.
Поделом тебе, кофейник!
Впредь не суйся в муравейник,
Не ходи как ротозей,
Умеряй характер пылкий,
Избирай своих друзей
И не связывайся с вилкой!

Ноябрь (?) 1868

ПОСЛАНИЯ К Ф. М. ТОЛСТОМУ

1

Вкусив елей твоих страниц
И убедившись в их силе,
Перед тобой паду я ниц,
О Феофиле, Феофиле!
Дорогой двойственной ты шел,
Но ты от Януса отличен;
Как государственный орел,
Ты был двуглав, но не двуличен.
Твоих столь радужных цветов
Меня обманывала присма,
Но ты возрек - и я готов
Признать тиранство дуализма;
Сомкнем же наши мы сердца,
Прости упрек мой близорукий

И будь от буйного стрельца
Тобой отличен Долгорукий!
Декабрь 1868

2

Красный Рог, 14 января 1869
В твоём письме, о Феофил
(Мне даже стыдно перед миром),
Меня, проказник, ты сравнил
Чуть-чуть не с царственным Шекспиром!
О Ростислав, такую роль,
Скажи, навязывать мне кстати ль?
Поверь, я понимаю соль
Твоей иронии, предатель!
Меня насмешливость твоя
Равняет с Лессингом. Ужели
Ты думал, что серьезно я
Поверю этой параллели?
Ты говоришь, о Феофил,
Что на немецком диалекте
"Лаокоона" он хвалил,
Как я "Феодора" в "Проекте"?
Увы, не Лессинг я! Зачем,
Глумясь, равнять пригорок с Этной?
Я уступаю место всем,
А паче братии газетной.

Не мню, что я Лаокоон,
Во змей упершийся руками,
Но скромно зрю, что осажден
Лишь дождевыми червяками!
Потом - подумать страшно - ах!
Скажи, на что это похоже?
Ты рассуждаешь о властях
Так, что мороз дерет по коже!
Подумай, ведь письмо твое
(Чего на свете не бывает!)
Могло попасть к m-r Veillot,
Который многое читает.
Нет, нет, все это дребедень!
Язык держать привык я строго
И повторяю каждый день:
Нет власти, аще не от бога!
Не нам понять высоких мер,
Творцом внушаемых вельможам,
Мы из истории пример
На этот случай выбрать можем:
Перед Шуваловым свой стяг
Склонял великий Ломоносов
Я ж друг властей и вечный враг
Так называемых вопросов!

* * *

* * *

Сидит под балдахином
Китаец Цу-Кин-Цын
И молвит мандаринам:
"Я главный мандарин!
Велел владыко края
Мне ваш спросить совет:
Зачем у нас в Китае
Досель порядка нет?"
Китайцы все присели,
Задами потрясли,
Гласят: "Затем доселе
Порядка нет в земли,
Что мы ведь очень млады,
Нам тысяч пять лишь лет;
Затем у нас нет складу,
Затем порядку нет!
Клянемся разным чаем,
И желтым и простым,
Мы много обещаем
И много совершим!"
"Мне ваши речи милы,
Ответил Цу-Кин-Цын,
Я убеждаюсь силой
Столь явственных причин.

Подумаешь: пять тысяч,
Пять тысяч только лет!"
И приказал он высечь

Немедля весь совет.

Апрель (?) 1869

ПЕСНЯ О КАТКОВЕ,
О ЧЕРКАССКОМ, О САМАРИНЕ,
О МАРКЕВИЧЕ И О АРАПАХ

1

Друзья, ура единство!
Сплотим святую Русь!
Различий, как бесчинства,
Народных я боюсь.

2

Катков сказал, что, дискать,
Терпеть их - это грех!
Их надо тискать, тискать
В московский облик всех!

3

Ядро у нас - славяне;
Но есть и вотяки,
Башкирцы, и армяне,
И даже калмыки;

4

Есть также и грузины

(Конвоя цвет и честь!),

И латыши, и финны,

И шведы также есть;

5

Недавно и ташкентцы

Живут у нас в плену;

Признаться ль? Есть и немцы

Но это: entre nous!(*)

6

Страшась с Катковым драки,

Я на ухо шепну:

У нас есть и поляки,

Но также: entre nous;

7

И многими иными

Обилен наш запас;

Как жаль, что между ними

Арапов нет у нас!

8

Тогда бы князь Черкасской,

Усердием велик,

Им мазал белой краской

Их неукрашенный лик;

9

С усердьем столь же смелым,

И с помощью воды,
Самарин тер бы мелом
Их черные зады;

10

Катков, наш герцог Алба,
Им удлинял бы нос,
Маркевич восклицал бы:
"Осанна! Аксиос!"

(*) Между нами! (франц.)- Ред.
Апрель или май 1869
МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

1

Если хочешь быть майором,
То в сенате не служи,
Если ж служишь, то по шпорам
Не вздыхай и не тужи.

2

Будь доволен долей малой,
Тщись расходов избегать,
Руки мой себе, пожалуй,
Мыла ж на ноги не трать.

3

Будь настойчив в правом споре,
В пустяках уступчив будь,

Жилься докрасна в запоре,
А поноса вспять не нудь.

4

Замарав штаны малиной
Иль продрав их назади,
Их сымать не смей в гостиной,
Но в боскетную поди.

5

Если кто невольным звуком
Огласит твой кабинет,
Ты не вскакивай со стуком,
Восклицая: "Много лет!"

6

Будь всегда душой обеда,
Не брани чужие щи
И из уха у соседа
Дерзко ваты не тащи.

7

Восхищаяся соседкой,
По груди ее не гладь
И не смей ее салфеткой
Потный лоб свой обтирать.

8

От стола коль отлучиться
Повелит тебе нужда,

Тем пред дамами хвалиться
Ты не должен никогда.

9

Коль сосед болит утробой,
Ты его не осуждай,
Но болящему без злобы
Корша ведомость подай.

10

Изучай родню начальства,
Забавлять ее ходи,
Но игривость до нахальства
Никогда не доводи:

11

Не проси у тещи тряпки
Для обтирки сапогов
И не спрашивай у бабки,
Много ль есть у ней зубов?

12

Помни теток именины,
Чти в кузинах благодать
И не вздумай без причины
Их под мышку щекотать.

13

Будь с невестками попроще,
Но приличия блюди

И червей, гуляя в роще,
Им за шею не клади.

14

Не зови за куст умильно
Дочерей на пару слов
И с племянницы насильно
Не тащи ее чулков.

15

На тебя коль смотрят люди,
Не кричи: "Катай-валяй!"
И кормилицыной груди
У дити не отбивай.

16

Всем девицам будь отрада,
Рви в саду для них плоды,
Не показывай им зада
Без особенной нужды.

17

Проводя в деревне лето,
Их своди на скотный двор:
Помогает много это
Расширять их кругозор;

18

Но, желаньем подстрекаем
Их сюрпризом удивить,

Не давай, подлец, быка им
В виде опыта доить.

19

Также было б очень гадко
Перст в кулак себе совать
Под предлогом, что загадка
Им дается отгадать.

20

Вообще знай в шутках меру,
Сохраняй достойный вид,
Как прилично офицеру
И как служба нам велит.

21

Если мать иль дочь какая
У начальника умрет,
Расскажи ему, вздыхая,
Подходящий анекдот;

22

Но смотри, чтоб ловко было,
Не рассказывай, грубя:
Например, что вот кобыла
Также пала у тебя;

23

Или там, что без потерей
Мы на свете не живем

И что надо быть тетерей,
Чтоб печалиться о том;
24

Потому что, если пылок
Твой начальник и сердит,
Проводить тебя в затылок
Он курьеру повелит.
25

Предаваясь чувствам нежным,
Бисер свиньям не мечи
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Вторая половина 1870

ОДА НА ПОИМКУ ТАИРОВА

Царицын луг. Солнце светит во всем своем
блеске. Хор дворян, купечества, мещан и
почетных граждан.

Х о р

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали
Ему отрежут нос!

О д и н д в о р я н и Н
Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,

Не раз злодей Таиров
Пугал собою дам.
О д и н к у п е ц 1-й
г и л ь д и и
С осанкой благородной,
Бродя средь наших стен,
Таиров.....

Показывал нам....!

Х о р

Таирова поймали!
Отечество, ликуй!
Конец твоей печали
Ему отрежут нос!
К у п е ц 2-й г и л ь д и и
"Друзья мои,- к совету,
Вздохнув, Кокошкин рек,
Здесь бегаёт по свету
Какой-то человек.
Забыл он, видно, веру,
Забыл, бездельник, стыд,
Начальство для примеру
Поймать его велит
Не то, друзья,- на плаху
Нам всем назначен путь
Нельзя ли хоть для страху

Поймать кого-нибудь?"

И вот велит он тайно
Подсматривать везде,
Не узрят ли случайно
Хоть чьи-либо ....

Напрасно! Бич злодеев,
Неукротим, как рок,
Полковник Трубачеев
Увидеть их не мог.

Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
По-прежнему Таиров
Пугал собою дам.

Мы все были готовы
Бежать куда кто знал...

К в а р т а л ь н ы й 2-й

а д м и н и с т р а т и в н о й ч а с т и

(перебивает купца 2-й гильдии)

Потише! Что вы? Что вы?

Услышит генерал!

Х о р

(перебивает квартального 2-й администра-
тивной части)

Таирова поймали!

Отечество, ликуй!

Конец твоей печали
Ему отрежут нос!
К у п е ц 3-й г и л ь д и и
(продолжает рассказ купца 2-й гильдии)
Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
По-прежнему Таиров
Пугал собою дам.
Однажды шел он важно
Вблизи Пяти углов,
Его узрел отважный
Сенатор Муравьев.
Узрел лишь и мгновенно
В полицию дал он знать:
Таиров дерзновенный
Явился-де опять.
Покинув тотчас съезжу,
Бегут они туда...
К в а р т а л ь н ы й 2-й
а д м и н и с т р а т и в н о й ч а с т и
(перебивает купца 3-й гильдии)
Вот я тебя уж съезжу,
Послушай, борода!
Х о р
(перебивает квартального 2-й администра-

тивной части)

Таирова поймали!

Отечество, ликуй!

Конец твоей печали

Ему отрежут нос!

О д и н м е щ а н и н

(продолжает рассказ купца 3-й гильдии)

И тише сколь возможно,

Лишь кашляя слегка,

Подходят осторожно

Они издалека.

"Скажите, вы ль тот дерзкий,

Все вместе вопиют,

Который дамам мерзкий

Показывает...?"

"Одержим я истомой,

Таиров им в ответ,

И ... хоть налицо мой,

Но все равно что нет!

Да знает ваша шайка,

Что в нем едва вершок,

А сверх него фуфайка

И носовой платок!

Его без телескопа

Не узрят никогда,

Затем что он не...

Прощайте, господа!"

Один дворянин

(обращаясь к мещанину)

Уловка помогла ли?

Один купец

(обращаясь к дворянину)

Не думаю, навряд!

Один мещанин

(обращаясь к почетному гражданину)

Уловка-то? Едва ли!

Один гражданин

(обращаясь сам к себе)

Хитер ведь, супостат!

Хор почетных граждан

Таирова поймали,

Таирова казнят!

Хор купцов

Прошли наши печали,

Пойдемте в Летний сад!

Общихор

Таирова поймали!

Отечество, ликуй!

Конец твоей печали

Ему отрежут нос!

1871 (?)

[А. Н. МАЛЬЦЕВОЙ]

Пью ль мадеру, пью ли квас я,

Пью ли сливки я коровьи,

За твое всегда, Настасья,

Выпиваю я здоровье.

Ныне "Тигра" пассажиры

Мне вручили полномочье,

Чтобы пил при звоне лиры

За твою младую дочь я.

Лиры нет у капитана,

Лишь бутылки да графины,

И при шуме урагана,

И при грохоте машины

Пью из этого стакана

За обеих именины!

29 октября 1869

* * *

Все забыл я, все простил,

Все меня чарует,

И приказчик стал мне мил,

Что доход ворует,

И бредущий ревизор

Там через плотину,

И свинья, что о забор

С хрюком чешет спину,
Сердце так полно мое,
Так я стал незлобен,
Что и самого Вельо
Я б обнять способен!

14 мая 1871

* * *

Я готов румянцем девичьим
Оттого покрыться,
Что Маркевич с Стасюлевичем
Долго так бранится.
Что б ему на Стасюлевича
Не грозиться палкой?
Стасюлевичу б Маркевича
Подарить фиалкой?

14 мая 1871

[М. Н. ЛОНГИНОВУ]

Слава богу, я здоров,
Но ведь может же случиться,
Что к обители отцов
Мне придется отлучиться.
Если выйдет казус сей,
Что сведет мне поясницу,
Ты, прошу, жене моей
Выдай паспорт за границу.

Ты ей в том не откажи,
Ибо это будет верно,
Что стою я близ межи,
Преступить ее же скверно.

3 июля 1871

ОТРЫВОК

(РЕЧЬ ИДЕТ О БАРОНЕ ВЕЛЬО)

1

Разных лент схватил он радугу,
Дело ж почты - дело дрянь:
Адресованные в Ладогу,
Письма едут в Еривань.

2

Телеграммы заблуждаются
По неведомым путям,
Иль совсем не получают,
Иль со вздором пополам.

3

Пишет к другу друг встревоженный:
"Твоего взял сына тиф!"
Тот читает, что таможенный
Изменяется тариф.

4

Пишет в Рыльск Петров к Сазонову:
"Наши цены поднялись"

Телеграмма ж к Артамонову
Так и катится в Тифлис.

5

Много вышло злополучия
Через это и вреда;
Одного такого случая
Не забуду никогда:

6

Телеграфною депешею
Городничий извещен,
Что "идет колонной пешею
На него Наполеон".

7

Город весь пришел в волнение,
Всполошился мал и стар;
Запирается правление,
Разбегается базар.

8

Пошептавшись, Фекла с Домною
Испекли по пирогу
И за дверью огромною
Припасают кочергу.

9

Сам помощник городничего
В них поддерживают дух

И к заставе с рынка птичьего
Инвалидов ставит двух.

10

Вся семья купцов Ворониных
Заболела наповал,
Поп о древних вавилонянах
В церкви проповедь сказал.

11

Городничиха собирается
Уж на жертву, как Юдифь,
Косметиком натирается,
Городничий еле жив.

12

Недоступна чувству узкому,
Дочь их рядится сама;
Говорит: "К вождю французскому
Я хочу идти с мама!

13

Вместе в жертву, чай, с охотою
Примет нас Наполеон;
Ах, зачем пришел с пехотою,
А не с конницею он!"

14

И в заставу, бредя кровию,
Мать и дочь идут пешком,

Тащут старую Прасковию
За собой с пустым мешком.

15

До зари за огородами
Вместе бродят дочь и мать,
Но грядущего с народами
Бонапарта не видать.

16

Неудачею печалимы,
Приплелись они домой:
"Ни вождя не отыскали мы,
Ни колонны никакой!

17

Видно, все, и с квартирьерами,
Провалились на мосту,
Что построен инженерами
О великом о посту!"

18

Городничий удивляется:
"Что же видели вы там?"
"Только видели: валяется
У заставы всякий хлам,

19

Да дорогой с поросятами
Шла Аверкина свинья;

Мы ее толкнули пятами

Мимоходом, дочь и я;

20

Да дьячок отца Виталия

С нами встретился, пострел,

Но и он-то нас, каналая,

Обесчестить не хотел!"

21

Городничий обижается:

"Вишь, мошенник, грубиян!

Пусть же мне не попадается

В первый раз, как будет пьян!

22

Но, однако же, вы видели

Аванпост или пикет?"

"Ах, папаша, нас обидели,

И пикета даже нет!"

23

Городничий изумляется,

Сам в уезд летит стремглав

И в Конторе там справляется,

Что сдано на телеграф?

24

Суть депеши скоро сыскана,

Просто значилоя в ней:

"Под чиновника Распрыскина
Выдать тройку лошадей".

Сентябрь (?) 1871

[Б. М. МАРКЕВИЧУ]

В награду дружеских усилий,
Вам проложивших новый путь,
С сим посылается Василий
Помочь вам в Брянске чем-нибудь.

Коляска ждет на полдороги

Питомца ветреного муз

Да покровительствуют боги

Ее давно желанный груз!

Наперсник легкой Терпсихоры

Да скачет цел и невредим,

Да не подломятся рессоры

Близ грязных Выгоничь под ним!

Его румяные ланиты

И дорогие седины

Да увенчают и хариты,

И Рога Красного сыны!

28 июня 1872

ПОСЛАНИЕ К М. Н. ЛОНГИНОВУ

О ДАРВИНИЗМЕ

Я враг всех так называемых вопросов.

Один из членов

Государственного совета,
Если у тебя есть фонтан, заткни его.
Кузьма Прутков.

1

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

2

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь .....,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

3

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем.

4

Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты б уж должен в заседанье
Запретить и Галилея.

5

Если ж ты допустишь здраво,

Что вольны в науке мненья
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотворенье?

6

Отчего б не понемногу
Введены во бытие мы?
Иль не хочешь ли уж богу
Ты предписывать приемы?

7

Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати
Знать не может председатель
Комитета о печати.

8

Ограничивать так смело
Всесторонность божьей власти
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!

9

Ведь подобные примеры
Подавать - неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!

10

Да и в прошлом нет причины

Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

11

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

12

Нигилистов, что ли, знамя
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвином и теми?

13

От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть середины
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.

14

В них не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинисма,
И сквозят в их диком строе
Все симптомы атависма:

15

Грязны, неучи, бесстыдны,

Самомнительны и едки,
Эти люди очевидно
Норовят в свои же предки.

16

А что в Дарвина идеи
Оба пола разубраны
Это бармы архирея
Вздели те же обезьяны.

17

Чем же Дарвин тут виновен?
Верь мне: гнев в себе утиша,
Из-за взбалмошных поповен
Не гони его ты, Миша!

18

И еще тебе одно я
Здесь прибавлю, многочтимый:
Не китайскою стеною
От людей отделены мы;

19

С Ломоносовым наука
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток,

20

Льет на мир потоки света

И, следя, как в тьме лазурной
Ходят божии планеты
Без инструкции ценсурной,
21

Кажет нам, как та же сила,
Все в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у Комитета.
22

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!
Конец 1872

* * *

Боюсь людей передовых,
Страшуся милых нигилистов;
Их суд правдив, их натиск лих,
Их гнев губительно неистов;
Но вместе с тем бывает мне
Приятно, в званье ретрограда,
Когда хлестнет их по спине
Моя былина иль баллада.
С каким достоинством глядят
Они, подпрыгнувши невольно,

И, потираясь, говорят:
Нисколько не было нам больно!
Так в хату впершийся индюк,
Метлой пугнутый неучливой,
Распустит хвост, чтоб скрыть испуг,
И забулдыкает спесиво.

Начало 1873
СОН ПОПОВА

1

Приснился раз, бог весть с какой причины,
Советнику Попову странный сон:
Поздравить он министра в именины
В приемный зал вошел без панталон;
Но, впрочем, не забыто ни единой
Регалии; отлично выбрит он;
Темляк на шпаге; все по циркуляру
Лишь панталон забыл надеть он пару.

2

И надо же случиться на беду,
Что он тогда лишь свой заметил промах,
Как уж вошел. "Ну,- думает,- уйду!"
Не тут-то было! Уж давно в хоромах
Народу тьма; стоит он на виду,
В почетном месте; множество знакомых
Его увидеть могут на пути

"Нет,- он решил,- нет, мне нельзя уйти!

3

А вот я лучше что-нибудь придвину
И скрою тем досадный мой изъян;
Пусть верхнюю лишь видят половину,
За нижнюю ж ответит мне Иван!"
И вот бочком прокрался он к камину
И спрятался по пояс за экран.

"Эх,- думает,- недурно ведь, канальство!
Теперь пусть входит высшее начальство!"

4

Меж тем тесней все становился круг
Особ чиновных, чающих карьеры;
Невнятный в зале раздавался звук,
И все принять свои старались меры,
Чтоб сразу быть замеченными. Вдруг
В себя втянули животы курьеры,
И экзекутор рысью через зал,
Придерживая шпагу, пробежал.

5

Вошел министр. Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом,
Одет в визитку: своего, мол, чина
Не ставлю я пред публикой ребром.
Внушается гражданством дисциплина,

А не мундиром, шитым серебром.
Все зло у нас от глупых форм избытка,
Я ж века сын - так вот на мне визитка!

6

Не ускользнул сей либеральный взгляд
И в самом сне от зоркости Попова.
Хватается, кто тонет, говорят,
За паутинку и за куст терновый.
"А что,- подумал он,- коль мой наряд
Понравится? Ведь есть же, право слово,
Свободное, простое что-то в нем!
Кто знает? Что ж? Быть может! Подождем!"

7

Министр меж тем стан изгибал приятно:
"Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал полнейшая свобода
Мне цель народ - и я слуга народа!"

8

Прошло у нас то время, господа,
Могу сказать: печальное то время,
Когда наградой пота и труда

Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес - но не вполне - да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды.

9

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стеснение,
Гнуснейшее меж всеми преступленьем!

10

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?"

11

Раздался в зале шепот одобренья,

Министр поклоном легким отвечал,
И тут же, с видом, полным снисхожденья,
Он обходить обширный начал зал:
"Как вам? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семеновна? Давно не заезжал
Я к вам, любезный Сидор Тимофеич!
Ах, здравствуйте, Ельпидифор Сергеич!"

12

Стоял в углу, плюгав и одинок,
Какой-то там коллежский регистратор.
Он и к тому, и тем не пренебрег:
Взял под руку его: "Ах, Антипатор
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите в театор?
Что вы сказали? Все болит живот?
Ах, как мне жаль! Но ничего, пройдет!"

13

Переходя налево и направо,
Свой министр так перлы расточал;
Иному он подмигивал лукаво,
На консоме другого приглашал
И ласково смотрел и величаво.
Вдруг на Попова взор его упал,
Который, скрыт экраном лишь по пояс,
Исхода ждал, немного беспокоясь.

14

"Ба! Что я вижу! Тит Евсеич здесь!
Так, так и есть! Его мы точность знаем!
Но отчего ж он виден мне не весь?
И заслонен каким-то попугаем?
Престранная выходит это смесь!
Я любопытством очень подстрекаем
Увидеть ваши ноги. Да, да, да!
Я вас прошу, пожалуйста сюда!"

15

Колеблясь меж надежды и сомненья:
Как на его посмотрят туалет,
Попов наружу вылез. В изумленье
Министр приставил к глазу свой лорнет.
"Что это? Правда или наважденье?
Никак, на вас штанов, любезный, нет?"
И на чертах изящно-благородных
Гнев выразил ревнитель прав народных.

16

"Что это значит? Где вы рождены?
В Шотландии? Как вам пришла охота
Там, за экраном, снять с себя штаны?
Вы начитались, верно, Вальтер Скотта?
Иль классицизмом вы заражены?
И римского хотите патриота

Изобразить? Иль, боже упаси,
Собой бюджет представить на Руси?"

17

И был министр еще во гневе краше,
Чем в милости. Чреватый от громов
Взор заблестел. Он продолжал: "Вы наше
Доверье обманули. Много слов
Я тратить не люблю".- "Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство!- шептал Попов.
Я не сымал... Свидетели курьеры,
Я прямо так приехал из квартиры!"

18

"Вы, милостивый, смели, государь,
Приехать так? Ко мне? На поздравленье?
В день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вон с глаз моих! Иль нету - секретарь!
Пишите к прокурору отношенье:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

19

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра - имярек
Отечество спаслось от заговору
И нравственность не сгинула навек.

Под стражей ныне шлется к прокурору
Для следствия сей вредный человек,
Дерзнувший снять публично панталоны,
Да поразят преступника законы!

20

Иль нет, постойте! Коль отдать под суд,
По делу выйти может послабленье,
Присяжные-бесштанники спасут
И оправдают корень возмущенья!
Здесь слишком громко нравы вопиют
Пишите прямо в Третье отделение:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

21

Он поступил законам так противно,
На общество так явно поднял меч,
Что пользу можно б административно
Из неглиже из самого извлечь.
Я жертвую агентам по две гривны,
Чтобы его - но скрашиваю речь
Чтоб мысли там внушить ему иные.
Затем ура! Да здравствует Россия!"

22

Министр кивнул мизинцем. Сторожа
Внезапно взяли под руки Попова.

Стыдливостью его не дорожа,
Они его от Невского, Садовой,
Средь смеха, крика, чуть не мятежа,
К Цепному мосту привели, где новый
Стоит, на вид весьма красивый, дом,
Своим известный праведным судом.

23

Чиновник по особым порученьям,
Который их до места проводил,
С заботливым Попова попеченьем
Сдал на руки дежурному. То был
Во фраке муж, с лицом, пылавшим рвением,

Со львиной физьономией, носил
Мальтийский крест и множество медалей,
И в душу взор его влезал все далее!

24

В каком полку он некогда служил,
В каких боях отличен был как воин,
За что свой крест мальтийский получил
И где своих медалей удостоен
Неведомо. Ехидно попросил
Попова он, чтобы тот был спокоен,
С улыбкой указал ему на стул
И в комнату соседнюю скользнул.

25

Один оставшись в небольшой гостиной,
Попов стал думать о своей судьбе:

"А казус вышел, кажется, причинный!

Кто б это мог вообразить себе?

Попался я в огонь, как сноп овинный!

Ведь искони того еще не бе,

Чтобы меня кто в этом виде встретил,

И как швейцар проклятый не заметил!"

26

Но дверь отверзлась, и явился в ней

С лицом почтенным, грустию покрытым,

Лазоревый полковник. Из очей

Катились слезы по его ланитам.

Обильно их струящийся ручей

Он утирал платком, узором шитым,

И про себя шептал: "Так! Это он!

Таким он был едва лишь из пелен!"

27

О юноша!- он продолжал, вздыхая
(Попову было с лишком сорок лет),

Моя душа для вашей не чужая!

Я в те года, когда мы ездим в свет,

Знал вашу мать. Она была святая!

Таких, увы! теперь уж боле нет!

Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

28

Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленье.

Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройте мне, равно как на духу:

Что привело вас к этому греху?

29

Конечно, вы пришли к нему не сами,
Характер ваш невинен, чист и прям!

Я помню, как детей за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугам!

Нет, юный друг, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же их нам!

Кто вольнодумцы? Всех их назовите
И собственную участь облегчите!

30

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успело корни в вас упорство?

Тогда должны мы будем приступить
Ко строгости, увы! и непокорство,

Сколь нам ни больно, в вас искоренить!
О юноша! Как сердце ваше черство!
В последний раз: хотите ли всю рать
Завлекших вас сообщников назвать?"

31

К нему Попов достойно и наивно:
"Я, господин полковник, я бы вам
Их рад назвать, но мне, ей-богу, дивно...
Возможно ли сообщничество там,
Где преступленья чисто негативно?
Ведь панталон-то не надел я сам!
И чем бы там меня вы ни пугали
Другие мне, клянусь, не помогали!"

32

"Не мудрствуйте, надменный санкюлот!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщников и гнусный ваш комплот
Повергните к отечества подножью!
Когда б вы знали, что теперь вас ждет,
Вас проняло бы ужасом и дрожью!
Но дружбу вы чтоб ведали мою,
Одуматься я время вам даю!

33

Здесь, на столе, смотрите, вам готово
Достаточно бумаги и чернил:

Пишите же - не то, даю вам слово:
Через полчаса вас изо всех мы сил..."
Тут ужас вдруг такой объял Попова,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (как люди в страхе гадки!)
Имен невинных многие десятки!

34

Явились тут на нескольких листах:
Какой-то Шмидт, два брата Шулаковы,
Зерцалов, Палкин, Савич, Розенбах,
Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова,
Делаверганж, Шульгин, Страженко, Драх,
Грай-Жеребец, Бабков, Ильин, Багровый,
Мадам Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих,
Бурдюк-Лишай - и множество других.

35

Попов строчил сплеча и без оглядки,
Попались в список лучшие друзья;
Я повторю: как люди в страхе гадки
Начнут как бог, а кончат как свинья!
Строчил Попов, строчил во все лопатки,
Такая вышла вскоре ектенья,
Что, прочитав, и сам он ужаснулся,
Вскричал: фуй! фуй! задрогал - и проснул-

ся.

36

Небесный свод сиял так юн и нов,
Весенний день глядел в окно так весел,
Висела пара форменных штанов
С мундиром купно через спинку кресел;
И в радости уверился Попов,
Что их Иван там с вечера повесил
Одним скачком покинул он кровать
И начал их в восторге надевать.

37

Это был лишь сон! О, счастье! о, радость!
Моя душа, как этот день, ясна!
Не сделал я Бодай-Корове гадость!
Не выдал я агентам Ильина!
Не наклепал на Савича! О, сладость!
Мадам Гриневич мной не предана!
Страженко цел, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены в оковы!"

38

Но ты, никак, читатель, восстаешь
На мой рассказ? Твое я слышу мнение:
Сей анекдот, пожалуй, и хорош,
Но в нем сквозит дурное направленье.
Все выдумки, нет правды ни на грош!
Слыхал ли кто такое обвиненье,

Что, мол, такой-то - встречен без штанов,
Так уж и власти свергнуть он готов?

39

И где такие виданы министры?

Кто так из них толпе кадить бы мог?

Я допущу: успехи наши быстры,

Но где ж у нас министр-демагог?

Пусть проберут все списки и регистры,

Я пять рублей бумажных дам в залог;

Быть может, их во Франции немало,

Но на Руси их нет и не бывало!

40

И что это, помилуйте, за дом,

Куда Попов отправлен в наказанье?

Что за допрос? Каким его судом

Стращают там? Где есть такое зданье?

Что за полковник выскочил? Во всем,

Во всем заметно полное незнанье

Своей страны обычаев и лиц,

Встречаемое только у девиц.

41

А наконец, и самое вступленье:

Ну есть ли смысл, я спрашиваю, в том,

Чтоб в день такой, когда на поздравленье

К министру все съезжаются гуртом,

С Поповым вдруг случилось помраченье
И он таким оделся бы шутом?
Забуться может галстук, орден, пряжка
Но пара брюк - нет, это уж натяжка!
42

И мог ли он так ехать? Мог ли в зал
Войти, одет как древние герои?
И где резон, чтоб за экран он стал,
Никем не зрим? Возможно ли такое?
Ах, батюшка-читатель, что пристал?
Я не Попов! Оставь меня в покое!
Резон ли в этом или не резон
Я за чужой не отвечаю сон!
Лето 1873

[М. П. АРНОЛЬДИ]

Ропща на прихоти судеб
И в испытаньях малодушный,
Я ждал насушенный твой хлеб,
Как ожидают хлеб насущный.
Мой легкомысленный живот
С неблагодарностью кухарок
Винил в забвенье вас - и вот
Приносят с почты ваш подарок!
О, кто опишет, господа,
Его эффект животворящий!

Красней, красней же от стыда,
Мой всяку дрянъ живот варящий!
Склони в смущении свой взор,
Живот, на этот короб хлебный
И пой вседневно с этих пор
Его творцу канон хвалебный!
"Да не коснется злая боль,
Ни резъ его пиццеваренья!
Да обретет он в жизни соль
И смысл в житейском треволненье!
Да посрамятся перед ним
Его враги ошибкой грубой!
Как этот хлеб несокрушим,
Да сокрушает их он зубы!
Его главы да минет рок,
И да живет он долговечен,
Как этот хлеб, что внукам впрок
Предусмотрительно испечен!"

27 февраля 1875

[А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ]

Мы тебя субботним днем
Заклинаем и зовем,
Причитая тако:

"Приезжай к нам, Алексей,
Приезжай с женой своей

Будет кулебяка!
Будет также то и сё,
Будет Селери Мусё,
Будут также сласти
И Елагина, чьи ты
Оцениешь красоты
Ради сладострастья!"

* * *

РОНДО

Ах, зачем у нас граф Пален
Так к присяжным параллелен!
Будь он боле вертикален,
Суд их боле был бы делен!
Добрый суд царем повелен,
А присяжных суд печален,
Все затем, что параллелен
Через меру к ним граф Пален!
Душегубец стал нахален,
Суд стал вроде богаделен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен.
Всяк боится быть застрелен,
Иль зарезан, иль подпален,
Оттого что параллелен
Ко присяжным так граф Пален.

Мы дрожим средь наших спален,
Мы дрожим среди молелен,
Оттого что так граф Пален
Ко присяжным параллелен!
Herr, erbarm' dich unsrer Seelen!
Habe Mitleid mit uns allen, (*)
Да не будет параллелен
Ко присяжным так граф Пален!
* * *

(*) Господи, сжапись над нашими душами!
Имей сострадание ко всем нам (нем.)- Ред.
[ВЕЛИКОДУШИЕ СМЯГЧАЕТ СЕРДЦА]
Вонзил кинжал убийца нечестивый
В грудь Деларю.
Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво:
"Благодарю".
Тут в левый бок ему кинжал ужасный
Злодей вогнал,
А Деларю сказал: "Какой прекрасный
У вас кинжал!"
Тогда злодей, к нему зашедши справа,
Его пронзил,
А Деларю с улыбкою лукавой
Лишь погрозил.

Истыкал тут злодей ему, пронзая,
Все телеса,
А Деларю: "Прошу на чашку чая
К нам в три часа".
Злодей пал ниц и, слез проливши много,
Дрожал как лист,
А Деларю: "Ах, встаньте, ради бога!
Здесь пол нечист".
Но все у ног его в сердечной муке
Злодей рыдал,
А Деларю сказал, расставя руки:
"Не ожидал!
Возможно ль? Как?! Рыдать с такою силой?
По пустякам?!"
Я вам аренду выхлопочу, милый,
Аренду вам!
Через плечо дадут вам Станислава
Другим в пример.
Я дать совет царю имею право:
Я камергер!
Хотите дочь мою просватать, Дуню?
А я за то
Кредитными билетами отслую
Вам тысяч сто.
А вот пока вам мой портрет на память,

Приязни в знак.

Я не успел его еще обрамить,

Примите так!"

Тут едок стал и даже горче перца

Злодея вид.

Добра за зло испорченное сердце

Ах! не простит.

Высокий дух посредственность тревожит,

Тьме страшен свет.

Портрет еще простить убийца может,

Аренду ж - нет.

Зажглась в злодее зависти отравя

Так горячо,

Что, лишь надел мерзавец Станислава

Через плечо,

Он окунул со злобою безбожной

Кинжал свой в яд

И, к Деларю подкравшись осторожно,

Хватя друга в зад!

Тот на пол лег, не в силах в страшных бо-

лях

На кресло сесть.

Меж тем злодей, отняв на антресолях

У Дуни честь,

Бежал в Тамбов, где был, как губернатор,

Весьма любим.

Потом в Москве, как ревностный сенатор,
Был всеми чтим.

Потом он членом сделался совета
В короткий срок...

Какой пример для нас являет это,
Какой урок!

* * *

НАДПИСИ НА СТИХОТВОРЕНИЯХ

А. С. ПУШКИНА

ПОДРАЖАНИЕ

("Я видел смерть: она сидела...")

.....

Прости, печальный мир, где темная стезя

Над бездной для меня лежала,

Где жизнь меня не утешала,

Где я любил, где мне любить нельзя!

Небес лазурная завеса,

Любимые холмы, ручья веселый глас,

Ты, утро - вдохновенья час,

Вы, тени мирные таинственного леса,

И все - прости в последний раз!

Ты притворяешься, повеса,

Ты знаешь, баловень, дорогу на Парнас.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

.....

Приди, меня мертвит любовь!

В молчанье благосклонной ночи

Явись, волшебница! Пускай увижу вновь

Под грозным кивером твои небесны очи,

И плащ, и пояс боевой,

И бранной обувью украшенные ноги...

Не медли, поспешай, прелестный воин
мой,

Приди, я жду тебя: здоровья дар благой

Мне снова ниспослали боги,

А с ним и сладкие тревоги

Любви таинственной и шалости молодой.

По мне же, вид являет мерзкий

В одежде дева офицерской.

ИЗ ПИСЬМА

Есть в России город Луга

Петербургского округа.

Хуже б не было сего

Городишки на примете,

Если б не было на свете

Новоржева моего.

Город есть еще один,

Называется он Мглин,

Мил евреям и коровам,

Стоит Луги с Новоржеввым.

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.

Нет, милая моя не может лицемерить;

Все непритворно в ней: желаний томный

жар,

Стыдливость робкая-харит бесценный дар,

Нарядов и речей приятная небрежность

И ласковых имен младенческая нежность.

Томительна харит повсюду неизбежность.

ВИНОГРАД

.....

Краса моей долины злачной,

Отрада осени златой,

Продолговатый и прозрачный,

Как персты девы молодой.

Мне кажется, тому немалая досада,

Чей можно перст сравнить со гроздом ви-

нограда.

ЖЕЛАНИЕ

("Кто видел край, где роскошью приро-

ды...")

.....

И там, где мирт шумит над тихой урной,

Увижу ль вновь, сквозь темные леса,

И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?

Утихнут ли волненья жизни бурной?

Минувших лет воскреснет ли краса?

Приду ли вновь под сладостные тени

Душой заснуть на лоне мирной лени?..

Пятьсот рублей я наложил бы пени

За урну, лень и миртовы леса.

На странице, где помещено обращенное к

Е. А.

Баратынскому четверостишие "Я жду обещанной тетради...".

Толстой написал:

Вакх, Лель, хариты, томны урны,

Проказники, повесы, шалуны,

Цевницы, лиры, лень, Авзонии сыны,

Камены, музы, грации лазурны,

Питомцы, баловни луны,

Наперсники пиров, любимцы Цитереи

И прочие небрежные лакеи.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,

Тростник болотный долу клонишь?

Зачем на дальний небосклон

Ты облако столь гневно гонишь?

.....

Как не наскучило вам всем
Пустое спрашивать у бури?
Пристали все: зачем, зачем?
Затем, что то - в моей натуре!
ПРОРОК

.....

"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!"
Вот эту штуку, пью ли, ем ли,
Всегда люблю я, ей-же-ей!
ЗОЛОТО И БУЛАТ

Все мое,- сказало злато;
Все мое,- сказал булат;
Все куплю,- сказало злато;
Все возьму,- сказал булат.
Ну, так что ж?- сказало злато;
Ничего!- сказал булат.
Так ступай!- сказало злато;
И пойду!- сказал булат.
В. С. ФИЛИМОНОВУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ
ПОЭМЫ ЕГО "ДУРАЦКИЙ КОЛПАК"

.....

Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.
Сей Филимонов, помню это,
И в наш ходил когда-то дом:
Толстяк, исполненный привета,
С румяным ласковым лицом.
АНЧАР

.....

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы,
Тургенев, ныне поседелый,
Нам это, взвизгивая смело,
В задорной юности читал.
ОТВЕТ

.....

С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! В Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи - лед, сердца - гранит;

Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.
Когда бы не было тут Пресни,
От муз с харитами хоть тресни.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разби-
ла.

Дева печально сидит, праздный держа че-
репок.

Чудо! не сякнет водэ, изливаясь из урны
разбитой:

Дева над вечной струей вечно печальна
сидит.

Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант За-
харжевский,

В урне той дно просверлив, воду провел
через нее.

* * *

КОЗЬМА ПРУТКОВ

ЭПИГРАММА 1

"Вы любите ли сыр?" - спросили раз ханжу,
"Люблю,- он отвечал,- я вкус в нем нахо-
жу".

[1854]

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

ГРЕЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я недавно приехал в Коринф...
Вот ступени, а вот колоннада!
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада!
Целый день я на солнце сижу,
Трусь елеем вокруг поясницы,
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы;
Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я;
Дорог мне вождеденный покой,
"Красота, красота!"- все твержу я...
А когда ниспускается ночь...
Мы в восторгах с рабынею млеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И... опять натираюсь елеем...
[1854]

ИЗ ГЕЙНЕ

Вянет лист, проходит лето,
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.
Погоди, безумный! снова
Зелень оживится...

Юнкер Шмидт! честное слово,
Лето возвратится.

[1854]

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура!
Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.
Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколаду.
Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна.
За двумя решетками
Пусть меня клянет,
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.
Слышу на балконе

Шорох платья... чу!
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.
Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!
О сеньора милая!
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальере.
Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.
И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.
Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире,
Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,

О тореадорах
И об Эскурьяле...
Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура.

[1854]

* * *

(ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ)

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород:
Растет там высокая спаржа,
Капуста там скромно растет.
Там утром всегда огородник
Лениво проходит меж гряд;
На нем неопрятный передник,
Угрюм его пасмурный взгляд.
Польет он из лейки капусту,
Он спаржу небрежно польет,
Нарежет зеленого луку
И после глубоко вздохнет.
Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой;
Он в теплых, высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

"Где дочка твоя?" - вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет;
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.
И тройка назад поскакала,
Сметая с капусты росу;
Стоит огородник угрюмо
И пальцем копает в носу.
[1854]

ОСАДА ПАМБЫ
(РОМАНСЕРО. С ИСПАНСКОГО)
Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванию: Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаюсь.
И все войско дона Педра
Девять тысяч кастильянцев
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко...
Всякий день они слабеют,
Силы тратя попустому,
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,

Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый,
Злые мавры торжествуют,
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек!
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: "Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим!
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами данного обета:
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!"
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
"Sancto Jago Compostello!(*)

Честь и слава дону Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!"
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
"Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским!"
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
"Подарить ему барана
Он изрядно подшутил!"

(*) Святой Иаков Компостельский!- Ред.
[1854]

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн!
Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой:
Так в улье шумящем вокруг раненой матки
Снует озабоченный рой.
[1854]
ИЗ ГЕЙНЕ

Фриц Вагнер, студьозус из Иены,
Из Бонна Иеронимус Кох
Вошли в кабинет мой с азартом,
Вошли, не очистив сапог.
"Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней, Кох или Вагнер?"
Спросили с бряцанием шпор.
"Друзья! Вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил.
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил".
Ответом моим недовольны,
"Решай поскорее наш спор!"
Они повторяли с азартом
И с тем же бряцанием шпор.
Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
"Мне нравятся очень обои!"
Сказал им и выбежал вон.
Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.
[1854]

ЗВЕЗДА И БРЮХО

БАСНЯ

На небе вечерком светилася Звезда.

Был постный день тогда:

Быть может, пятница, быть может, среда.

В то время по саду гуляло чье-то Брюхо

И рассуждало так с собой,

Бурча и жалобно и глухо:

"Какой

Хозяин мой

Противный и несносный!

Затем что день сегодня постный,

Не станет есть, мошенник, до звезды!

Не только есть! Куды!

Не выпьет и ковша воды!

Нет, право, с ним наш брат не сладит...

Знай бродит по саду, ханжа,

На мне ладони положа...

Совсем не кормит,- только гладит!"

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.

Звезда, прищурившись, глядит на край окольный:

То спрячется за колокольней,

То выглянет из-за угла,

То вспыхнет ярче, то сожмется...
Над животом исподтишка смеется.
Вдруг Брюху ту Звезду случилось увидеть,
Ан хватать!
Она уж кубарем несется
С небес долой
Вниз головой
И падает, не удержав полета,
Куда ж? в болото!
Как Брюху быть! кричит: ахти да ах!
И ну ругать Звезду в сердцах!
Но делать нечего! другой не оказалось...
И Брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось
Хоть вечером, а натощах.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать без крайности обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
Я говорю тебе из дружбы
Спасайся! слова нет!

Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и
скромный.

Тогда в день постный, в день скоромный,
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом,
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

1854

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ
(КОТОРЫЙ БУДЕТ ИЗДАН ВСКОРЕ
ПРИ ПОЛНОМ СОБРАНИИ МОИХ СОЧИНЕ-
НИЙ)

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг;(*)
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке,
Кто, вопия,

Всегда дрожит в нервическом припадке,
Знай - это я!

Кого язвят со злостью, вечно новой

Из рода в род;

С кого толпа венец его лавровый

Безумно рвет;

Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,

Знай - это я:

В моих устах спокойная улыбка,

В груди - змея!..

(*) Вариант: на коем фрак.- Прим. Козьмы
Пруткова.

[1856]

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

(КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ)

Помню я тебя ребенком,

Скоро будет сорок лет!

Твой передничек измятый,

Твой затянутый корсет...

Было так тебе неловко!..

Ты сказала мне тайком:

"Распусти корсет мне сзади,

Не могу я бегать в нем!"

Весь исполненный волнения,

Я корсет твой развязал,
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял...

[1860]

* * *

В борьбе суровой с жизнью душевной
Мне любо сердцем отдохнуть,
Смотреть, как зреет хлеб насущный
Иль как мостят широкий путь.

Уму легко, душе отрадно,
Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит!
Люблю подчас подсесть к старухам,
Смотреть на их простую тканьь,
Люблю я слушать русским ухом
На сходках уличную брань!
Вот собрались.- Эй, ты, не Мешкай!

- Да ты-то что ж? Небось устал!
- А где Ермил?- Ушел с тележкой!
- Эх, чтоб его!- Да чтоб провал....!
- Где тут провал?- Вот я те, леший!
- Куда полез? Знай, благо пеший!
- А где зипун?- Какой зипун?
- А мой!- Как твой?- Эх, старый лгун!

- Смотри задавят!- Тише, тише!
- Бревно несут!- Эй вы, на крыше!
- Вороны!- Митька! Амельян!
- Слепой!- Свинья!- Дурак!- Болван!

И все друг друга с криком вящим
Язвят в колене восходящем.

Ну что же, родные?

Довольно ругаться!

Пора нам за дело

Благое приняться!

Подыместе дружно

Чугунную бабу!

Все будет досужно,

Лишь песня была бы!

Вот дуются жилы,

Знать, чуют работу!

И сколько тут силы!

И сколько тут поту!

На славу терпенье,

А нега на сором!

И дружное пенье

Вдруг грянуло хором:

"Как на сытном-то на рынке

Утонула баба в крынке,

Звали Мишку на поминки,

Хоронить ее на рынке,
Ой, дубинушка, да бухни!
Ой, зеленая, сама пойдет!

Да бум!

Да бум!

Да бум!"

Вот поднялась стопудовая баба,

Все выше, выше, медленно, не вдруг...

- Тащи, тащи! Эй, Федька, держишь слабо!

- Тащи еще!- Пускай!- И баба: бух!

Раздался гул, и, берег потрясая,

На три вершка ушла в трясину свая!

Эх бабобитье! Всем по нраву!

Вот так любо работать!

Споем, друзья, еще на славу!

И пенье грянуло опять:

"Как на сытном-то на рынке

Утонула баба в крынке" и пр.

Тащи! Тащи!- Тащи еще, ребята!

Дружней тащи! Еще, и дело взято!

Недаром в нас могучий русский дух!

Тащи еще!- Пускай!- И баба: бух!

Раздался гул, и, берег потрясая,

На два вершка ушла в трясину свая!

Начало 1860-х годов (?)

ЦЕРЕМОНИАЛ
ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛА В БОЗЕ УСОПШЕГО
ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА ФАДДЕЯ КОЗЬМИ-
ЧА П.....

Составлен аудитором вместе с полковым
адъютантом

22-го февраля 1821 года, в Житомирской гу-
бернии,

близ города Радзивиллова.

Утверждаю. Полковник1.

1

Впереди идут два горниста,

Играют отчетисто и чисто.

2

Идет прапорщик Густав Бауер,

На шляпе и фалдах несет трауер.

3

По обычаю, искони заведенному,

Идет майор, пеший по-конному.

4

Идет каптенармус во главе капральства,

Пожирает глазами начальство.

5

Два фурлейта ведут кобылу.

Она ступает тяжело и уныло.

6

Это та самая кляча,
На которой ездил виновник плача.

7

Идет с печальным видом казначей,
Проливает слезный ручей.

8

Идут хлебопеки и квартирьеры,
Хвалят покойника манеры.

9

Идет аудитор, надрывается,
С похвалою о нем отзывается.

10

Едет в коляске полковой врач,
Печальным лицом умножает плач.

11

На козлах сидит фершал из Севастополя,
Поет плачевно: "Не одна во поле..."

12

Идет с кастрюлею квартирмейстер,
Несет для кутьи крахмальный клейстер.

13

Идет майорская Василиса,
Несет тарелку, полную риса.

14

Идет с блюдечком отец Герасим,
Несет изюму гривен на семь.

15

Идет первой роты фельдфебель,
Несет необходимую мебель.

16

Три бабы, с флером вокруг повойника,
Несут любимые блюда покойника:

17

Ножки, печенку и пупок под соусом;
Все три они вопят жалобным голосом.

18

Идут Буренин и Суворин,
Их плач о покойнике непритворен.

19

Идет, повеся голову, Корш,
Рыдает и фыркает, как морж.

20

Идут гуси, индейки и утки,
Здесь помещенные боле для шутки.

21

Идет мокрая от слез курица,
Не то смеется, не то хмурится.

22

Едет сама траурная колесница,

На балдахине поет райская птица.

23

Идет слабосильная команда с шанцевым
струментом,

За ней телега с кирпичом и цементом.

24

Между двух прохвостов идет уездный зод-
чий,

Рыдает изо всей мочи.

25

Идут четыре ветеринара,
С клистирами на случай пожара.

26

Гг. юнкера несут регалии:
Пряжку, темляк, репеек и так далее.

27

Идут гг. офицеры по два в ряд,
О новой вакансии говорят.

28

Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и у других ногти не чисты.

29

Ибо, если они не сходятся в теории
вероятности,

То сходятся в неопрятности.

30

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее

Русского безбожия и православия.

31

На краю разверстой могилы

Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

32

Первые утверждают, что кто умрет,

Тот весь обращается в кислород.

33

Вторые - что он входит в небесные угодия

И делается братчиком Кирилла-Мефодия.

34

И что верные вести оттудова

Получила сама графиня Блудова.

35

Для решения этого спора

Стороны приглашают аудитора.

36

Аудитор говорит: "Рай-диди-рай!

Покойник отправился прямо в рай".

37

С этим отец Герасим соглашается,

И погребение совершается...
Исполнить, как сказано выше.
Полковник ***.

(*) Для себя я, разумеется, места не назначил. Как начальник, я должен быть в одно время везде и предоставляю себе разъезжать по линии и вдоль колонны.

Примечание полкового адъютанта.

После тройного залпа из ружей, в виде последнего салюта человеку и товарищу, г. полковник вынул из заднего кармана батистовый платок и, отерев им слезы, произнес следующую речь:

1

Гг. штаб- и обер-офицеры?

Мы проводили товарища до последней квартиры.

2

Отдадим же долг его добродетели:

Он умом равен Аристотелю.

3

Стратегикой уподоблялся на войне
Самому Кутузову и Жомини.

4

Бескорыстием был равен Аристиду
Но его сразила простуда.

5

Он был красою человечества,
Помянем же добром его качества.

6

Гг. офицеры, после погребения
Прошу вас всех к себе на собрание.

7

Я поручил юнкеру фон Бокт
Устроить нечто вроде пикника.

8

Это будет и закуска, и вместе обед
Итак, левое плечо вперед.

9

Заплатить придется очень мало,
Не более пяти рублей с рыла.

10

Разойдемся не прежде, как ввечеру
Да здравствует Россия - ура!!

Примечание отца Герасима.

Видяй сломицу в оке ближнего, не зрит в своем ниже

бруса. Строг и свиреп быши к рифмам ближнего твоего,

сам же, аки свинья непотребная, рифмы негодные и уху

зело вредящие сплел еси. Иди в огонь вечный, анафема.

Примечание рукою полковника а.

Посадить Герасима под арест за эту отметку. Изгото

вить от моего имени отношение ко владыке, что Герасим

искажает текст, называя сучец - сломицею. Это все равно,

что если б я отворот назвал погонами.

Доклад полкового адъютанта.

Так как отец Герасим есть некоторым образом духовное

лицо, находящееся в прямой зависимости от Консистерии и

Св. Синода, то не будет ли отчасти неловко подвергнуть

его мере административной посадением
его под арест, ус
тановленный более для проступков по во
енной части.

О т м е т к а полковника.

А мне что за дело. Все-таки посадить после
пикника.

П р и м е ч а н и е полкового адъютанта.

Узнав о намерении полковника, отец Гера
сим изготовил

донос графу Аракчееву, в котором объяс
нял, что полковник

два года не был на исповеди. О том же из
готовил он донос

и к архипастырю Фотию и прочел на пик
нике полковнику от

пуски. Однако, когда подали горячее, не от
казался пить за

здоровье полковника, причем полковник
выпил и за его здо

ровье. Это повторялось несколько раз, и
после бланманже и

суфле-вертью, когда гг. офицеры танцевали
вприсядку, полк

овник и отец Герасим обнялись и со слезами на глазах судили три тура мазурки, а дело передали забвению. При этом был отдан приказ, чтобы гг. офицеры и юнкера, а равно и нижние чины не смели исповедываться у посторонних иереев, а только у отца Герасима, под опасением для гг. офицеров трехнедельного ареста, для гг. юнкеов дежурств при помойной яме, а для нижних чинов телесного наказания.

* * *

ПОЭМЫ

ГРЕШНИЦА

1

Народ кипит, веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты;
Чертоги убраны богато,

Везде горит хрусталь и золото,
Возниц и коней полон двор;
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор,
Идет, сливаясь с музыкой,
Их перекрестный разговор.
Ничем беседа не стеснима,
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат,
О их старшин собранье тайном,
Торговле, мире, и войне,
И муже том необычайном,
Что появился в их стране.

2

"Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью он учил,
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил;
Не терпит гнева он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром;
Есть неземная сила в нем,
Слепым он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье

Тому, кто был и слаб и хром;
Ему признания не надо,
Сердце мышленье отперто,
Его пытающего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде спасителем он был,
И всем простер благуя руку,
И никого не осудил.
То, видно, богом муж избранный!
Он там, по онпол Иордана,
Ходил как посланный небес,
Он много там свершил чудес,
Теперь пришел он, благодушный,
На эту сторону реки,
Толпой прилежной и послушной
За ним идут ученики".

3

Так гости, вместе рассуждая,
За длинной трапезой сидят;
Меж ними, чашу осушая,
Сидит блудница молодая;
Ее причудливый наряд
Невольно привлекает взоры,
Ее нескромные уборы

О грешной жизни говорят;
Но дева падшая прекрасна;
Взирая на нее, навряд
Пред силой прелести опасной
Мужи и старцы устоят:
Глаза насмешливы и смелы,
Как снег Ливана, зубы белы,
Как зной, улыбка горяча;
Вкруг стана падая широко,
Сквозные ткани дразнят око,
С нагого спущены плеча.
Ее и серьги и запястья,
Звеня, к восторгам сладострастья,
К утехам пламенным зовут,
Алмазы блещут там и тут,
И, тень бросая на ланиты,
Во всем обилии красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падут роскошные власы;
В ней совесть сердца не тревожит,
Стыдливо не вспыхает кровь,
Купить за злато всякий может
Ее продажную любовь.
И внемлет дева разговорам,
И ей они звучат укором;

Гордыня пробудилась в ней,
И говорит с хвастливым взором:
"Я власти не страшусь ничьей;
Заклад со мной держать хотите ль?
Пускай предстанет ваш учитель,
Он не смутит моих очей!"

4

Вино струится, шум и хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Куренье, солнце и цветы;
И вот к толпе, шумящей праздно
Подходит муж благообразный;
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блеске юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный вид
Неотразимой дышит властью,
К земным утехам нет участия,
И взор в грядущее глядит.
То муж на смертных непохожий,
Печать избранника на нем,
Он светел, как архангел божий,
Когда пылающим мечом
Врага в кроmeshные оковы

Он гнал по манию Иеговы.
Невольно грешная жена
Его величьем смущена
И смотрит робко, взор понизив,
Но, вспомня свой недавний вызов,
Она с седалища встает
И, стан свой выпрямивши гибкий
И смело выступив вперед,
Пришельцу с дерзкою улыбкой
Фиал шипящий подает.

"Ты тот, что учит отреченью
Не верю твоему ученью,
Мое надежней и верней!
Меня смутить не мысли ныне,
Один скитавшийся в пустыне,
В посте проведенный сорок дней!
Лишь наслажденьем я влекома,
С постом, с молитвой незнакома,
Я верю только красоте,
Служу вину и поцелуям,
Мой дух тобою не волнуем,
Твоей смеюсь я чистоте!"
И речь ее еще звучала,
Еще смеялася она,
И пена легкая вина

По кольцам рук ее бежала,
Как общий говор вокруг возник,
И слышит грешница в смущенье:
"Она ошиблась, в заблужденье
Ее привел пришельца лик
То не учитель перед нею,
То Иоанн из Галилеи,
Его любимый ученик!"

5

Небрежно немощным обидам
Внимал он девы молодой,
И вслед за ним с спокойным видом
Подходит к храмину другой.
В его смиренном выраженье
Восторга нет, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очерк дивного чела.
То не пророка взгляд орлиный,
Не прелесть ангельской красы,
Делятся на две половины
Его волнистые власы;
Поверх хитона упадая,
Одела риза шерстяная
Простою тканью стройный рост,
В движеньях скромн он и прост;

Ложась вокруг уст его прекрасных,
Слегка раздвоена брада,
Таких очей благих и ясных
Никто не видел никогда.
И пронеслося над народом
Как дуновенье тишины,
И чудно благостным приходом
Сердца гостей потрясены.
Замолкнул говор. В ожиданье
Сидит недвижимое собранье,
Тревожно дух переводя.
И он, в молчании глубоком,
Обвел сидящих тихим оком
И, в дом веселья не входя,
На дерзкой деве самохвальной
Остановил свой взор печальный.

6

И был тот взор как луч денницы,
И все открылося ему,
И в сердце сумрачном блудницы
Он разогнал ночную тьму;
И все, что было там таимо,
В грехе что было свершено,
В ее глазах неумолимо
До глубины озарено;

Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ее порочных дел,
И ужас ею овладел.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла в изумленье,
Как много благ, как много сил
Господь ей щедро подарил
И как она восход свой ясный
Грехом мрачила ежечасно;
И, в первый раз гнушаясь зла,
Она в том взоре благодатном
И кару дням своим развратным,
И милосердие прочла.
И, чуя новое начало,
Еще страшась земных препон.
Она, колеблясь, стояла...
И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала...
Стесненной груди слышен стон,
Бледнеет грешница младая,
Дрожат открытые уста,
И пала ниц она, рыдая,
Перед святынею Христа.
1857 (?)

ИОАНН ДАМАСКИН

1

Любим калифом Иоанн;
Ему, что день, почет и ласка,
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.
Его поставил властелин
И суд рядить, и править градом,
Он с ним беседует один,
Он с ним сидит в совете рядом;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещут изразцы,
Убраны стены янтарями;
В полдневный зной приют и тень
Дают навесы, шелком ткани,
В узорных банях ночь и день
Шумят студеные фонтаны.
Но от него бежит покой,
Он бродит сумрачен; не той
Он прежде мнил идти дорогой,
Он счастлив был бы и убогий,
Когда б он мог в тиши лесной,
В глухой степи, в уединенье,

Двора волнение забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитве, песнопенью.
И раздавался уж не раз
Его красноречивый глас
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно с ней боролся он,
И от Дамаска до Царьграда
Был, как боец за честь икон
И как художества ограда,
Давно известен и почтен.
Но шум и блеск его тревожит,
Ужиться с ними он не может,
И, тяжкой думой обуян,
Тоска в душе и скорбь на лице,
Вошел правитель Иоанн
В чертог дамасского владыки.
"О государь, внемли! мой сан,
Величье, пышность, власть и сила,
Все мне несносно, все постыло.
Иным призванием влеком,
Я не могу народом править:
Простым рожден я быть певцом,

Глаголом вольным бога славить!
В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скуки;
Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки;
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!"
И тот просящему в ответ:
"Возвеселись, мой раб любимый!
Печали вечной в мире нет
И нет тоски неизлечимой!
Твоею мудростью одной
Кругом Дамаск могуч и славен.
Кто ныне нам величьем равен?
И кто дерзнет на нас войной?
А я возвышу жребий твой
Недаром я окрест державен
Ты примешь чести торжество,
Ты будешь мне мой брат единый:
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!"
К нему певец: "Твой щедрый дар,
О государь, певцу не нужен;

С иною силою он дружен;
В его груди пылает жар,
Которым зиждется созданье;
Служить творцу его призванье;
Его души незримый мир
Престолов выше и порфир.
Он не изменит, не обманет;
Все, что других влечет и манит:
Богатство, сила, слава, честь
Все в мире том в избытке есть;
А все сокровища природы:
Степей безбережный простор,
Туманный очерк дальних гор
И моря пенистые воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всех созвездий хороводы,
И синей тверди глубина
То все одно лишь отраженье,
Лишь тень таинственных красот,
Которых вечное виденье
В душе избранника живет!
О, верь, ничем тот не подкупен,
Кому сей чудный мир доступен,
Кому господь дозволил взгляд
В то сокровенное горнило,

Где первообразы кипят,
Трепещут творческие силы!
То их торжественный прилив
Звучит певцу в его глаголе
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!"
И рек калиф: "В твоей груди
Не властен я сдержать желанье,
Певец, свободен ты, иди,
Куда влечет тебя призванье!"
И вот правителя дворцы
Добычей сделались забвенья;
Оделись пестрые зубцы
Травой и прахом запустенья;
Его несчетная казна
Давно уж нищим раздана,
Усердных слуг не видно боле,
Рабы отпущены на волю,
И не укажет ни один,
Куда их скрылся господин.
В хоромы стены и картины
Давно затканы паутиной,
И мхом фонтаны заросли;
Плющи, ползущие по хорам,
От самых сводов до земли

Зеленым падают узором,
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых.

2

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,

Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.
Уж на устах дрожит хвала
Всему, что благо и достойно,
Какие ж мне воспеть дела?
Какие битвы или войны?
Где я для дара моего
Найду высокую задачу?
Чье передам я торжество
Иль чье падение оплачу?
Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный;
Блажен, кто жизнь умел
Хоть раз коснуться правды вечной;
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной,
Как жертва мысли благородной!
Но не для них моя хвала,
Не им восторга излишня!
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья!
И не в венце сияет он,
К кому душа моя стремится;
Не блеском славы окружен,

Не на звенящей колеснице
Стоит он, гордый сын побед;
Не в торжестве величья - нет,
Я зрю его передо мною
С толпою бедных рыбаков;
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;
Благих речей своих отраду
В сердца простые он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.
Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!
Зачем я не могу нести,
О мой господь, твои оковы,
Твоим страданием страдать,
И крест на плечи твой приять,
И на главу венец терновый!
О, если б мог я лобызать
Лишь край святой твоей одежды,
Лишь пыльный след твоих шагов,
О мой господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!

Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

3

Часы бегут. Ночная тень
Не раз сменяла зной палящий,
Не раз, всходя, лазурный день
Свивал покров с природы спящей;
И перед странником вдали
И волновались и росли
Разнообразные картины:
Белели снежные вершины
Над лесом кедровым густым,
Иордан сверкал в степном просторе,
И Мертвое чернело море,
Сливаясь с небом голубым.
И вот, висясь в степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Пред ним Кедронского потока

Давно безводное русло.
Смеркалось. Пар струился синий;
Кругом царила тишина;
Мерцали звезды; над пустыней
Всходила медленно луна.
Брегов сожженные стремнины
На дно сбегают крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвесною стеной.
Внизу кресты, символы веры,
Стоят в обрывах здесь и там,
И видны странника очам
В утесах рытые пещеры.
Сюда со всех концов земли,
Бежав мирского треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
С краев до высохшего дна,
Где спуск крутой ведет в долину,
Руками их возведена
Из камней крепкая стена,
Отпор степному сарацину.
В стене ворота. Тесный вход
Над ними башня стережет.
Тропинка вьется над оврагом,

И вот, спускаясь по скалам,
При свете звезд, усталым шагом
Подходит странник к воротам.
"Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познания купель,
Житейских помыслов кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя приветствую, пустыня,
К тебе стремился я всегда!
Будь мне убежищем отныне,
Приютом песен и труда!
Все попечения мирские
Сложив с себя у этих врат,
Приносит вам, отцы святые,
Свой дар и гусли новый брат!"

4

"Отшельники Кедронского потока,
Игумен вас сзывает на совет!
Сбирайтесь все: пришедший издалека
Вам новый брат приносит свой привет!
Велики в нем и вера и призванье,
Но должен он пройти чрез испытанье.
Из вас его вручаю одному:
Он тот певец, меж всеми знаменитый,
Что разогнал иконоборства тьму,

Чьим словом ложь попорана и разбита,
То Иоанн, святых икон защита
Кто хочет быть наставником ему?"
И лишь назвал игумен это имя,
Заволновался весь монахов ряд,
И на певца дивятся и глядят,
И пробегает шепот между ними.
Главами все поникнувши седыми,
С смирением игумну говорят:
"Благословен сей славный божий воин,
Благословен меж нас его приход,
Но кто же здесь учить того достоин,
Кто правды свет вокруг себя лиет?
Чье слово нам как колокол звучало
Того ль приять дерзнем мы под начало?"
Тут из толпы один выходит брат;
То черноризец был на вид суровый,
И строг его пытающий был взгляд,
И строгое певцу он молвил слово:
"Держать посты уставы нам велят,
Служенья ж мы не ведаем иного!
Коль под моим началом хочешь быть,
Тебе согласен дать я наставленье,
Но должен ты отныне отложить
Ненужных дум бесплодное броженье;

Дух праздности и прелесть песнопенья
Постом, певец, ты должен победить!
Коль ты пришел отшельником в пустыню,
Умей мечты житейские поправить,
И на уста, смилив свою гордыню,
Ты наложи молчания печать!
Исполни дух молитвой и печалью
Вот мой устав тебе в новоначалье".

Замолк монах. Нежданный приговор
Как гром упал средь мирного синклита.
Смутились все. Певца померкнул взор,
Покрыла бледность впалые ланиты.
И неподвижен долго он стоял,
Безмолвно опустив на землю очи,
Как будто бы ответа он искал,
Но отвечать недоставало мочи.
И начал он: "Моих всю бодрость сил,
И мысли все, и все мои стремленья
Одной я только цели посвятил:
Хвалить творца и славить в песнопенье.
Но ты велишь скорбеть мне и молчать
Твоей, отец, я повинуюсь воле:
Весельем сердце не разыграет боле,
Уста сомкнет молчания печать.

Так вот где ты таилось, отречение,
Что я не раз в молитвах обещал!
Моей отрадой было песнопенье,
И в жертву ты, господь, его избрал!
Настаньте ж, дни молчания и муки!
Прости, мой дар! Ложись на гусли, прах!
А вы, в груди взлелеянные звуки,
Замрите все на трепетных устах!
Спустися, ночь, на горестного брата
И тьмой его от солнца отлучи!
Померкните, затмитесь без возврата,
Моих псалмов звенящие лучи!
Погибни, жизнь! Погасни, огонь алтарный!
Уймись во мне, взволнованная кровь!
Свети лишь ты, небесная любовь,
В моей ночи звездой лучезарной!
О мой господь! Прости последний стон
Последний сердца страждущего ропот!
Единый миг - замрет и этот шепот,
И встану я, тобою возрожден!
Свершилось. Мрака набегают волны.
Взор гаснет. Стынет кровь. Всему конец!
Из мира звуков ныне в мир безмолвный
Нисходит к вам развенчанный певец!"

В глубоком ущелье,
Как гнезда стрижей,
По желтым обрывам темнеют пустынные
кельи,

Но речи не слышно ничьей;
Все тихо, пока не сберется к служенью
Отшельников рой;
И вторит тогда их обрядному пенью
Один отголосок глухой.

А там, над краями долины,
Безлюдной пустыни царит торжество,
И пальмы не видно нигде ни единой,
Все пусто кругом и мертво.
Как жгучее бремя,
Так небо усталую землю гнетет,
И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершает над нею
полет.

Порой отдаленное слышно рычанье
Голодного льва;
И снова наступит молчанье,
И снова шумит лишь сухая трава,
Когда из-под камней змея выползая
Блеснет чешуей;
Крылами треща, саранча полевая

Взлетит иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется от дикого клика,
Посыпятся камни, и там, в вышине,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется в небе. На легком коне
Появится всадник; над самым оврагом
Сдержав скакуна запененного лет,
Проедет он мимо обители шагом
Да инокам сверху проклятье пошлет.
И снова все стихнет. Лишь в полдень орли-

цы

На крыльях недвижных парят,
Да вечером звезды горят,
И скучною тянутся длинные дни верени-

цей.

6

Порою в тверди голубой
Проходят тучи над долиной;
Они картину за картиной,
Плывя, свивают меж собой.
Так, в нескончаемом движенье,
Клубится предо мной всегда
Воспоминаний череда,
Погибшей жизни отраженья;
И льнут, и вьются без конца,

И вечно волю осаждают,
И онемевшего певца,
Ласкаясь, к песням призывают.
И казнью стал мне праздный дар,
Всегда готовый к пробуждению;
Так ждет лишь ветра дуновенья
Под пеплом тлеющий пожар
Перед моим тревожным духом
Теснятся образы толпой,
И, в тишине, над чутким ухом
Дрожит созвучий мерный строй;
И я, не смея святотатно
Их вызвать в жизнь из царства тьмы,
В хаоса ночь гоню обратно
Мои непетые псалмы.
Но тщетно я, в бесплодной битве,
Твержу уставные слова
И заученные молитвы
Душа берет свои права!
Увы, под этой ризой черной,
Как в оны дни под багрецом,
Живым палимое огнем,
Мяется сердце непокорно!
Юдоль, где я похоронил
Броженье деятельных сил,

Свободу творческого слова
Юдоль молчанья рокового!
О, передай душе моей
Твоих стремнин покой угрюмый!
Пустынный ветер, о развей
Мои недремлющие думы!

7

Тщетно он просит и ждет от безмолвной
юдолы покоя,

Ветер пустынный не может недремлющей
думы развеять.

Годы проходят один за другим, все бес-
плодные годы!

Все тяжелее над ним тяготит роковое мол-
чанье.

Так он однажды сидел у входа пещеры, ру-
кою

Грустные очи закрыв и внутренним зву-
кам внимая.

К скорбному тут к нему подошел один чер-
норизец,

Пал на колени пред ним и сказал: "Помоги,
Иоанне!

Брат мой по плоти преставился; братом он
был по душе

мне!

Тяжкая горестъ снедает меня; я плакать хотел бы

Слезы не льются из глаз, но скипаются в горестном сердце.

Ты же мне можешь помочь: напиши лишь умильную песню,

Песнь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,

Мог я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!"

Кротко взглянул Иоанн и печально в ответ ему молвил:

"Или не ведаешь ты, каким я связан уставом?

Строгое старец на песни мои наложил запрещенье!"

Тот же стал паки его умолять, говоря: "Не узнает

Старец о том никогда; он отсель отлучился на три дня,

Брата ж мы завтра хороним; молю тебя всею душою,

Дай утешение мне в беспредельно горькой
печали!"

Паки ж отказ получив: "Иоанне!- сказал
черноризец,

Если бы был ты телесным врачом, а я б от
недуга

Так умирал, как теперь умираю от горя и
скорби,

Ты ли бы в помощи мне отказал? И не
дашь ли ответа

Господу богу о мне, если ныне умру безуте-
шен?"

Так говоря, колебал в Дамаскине он мягкое
сердце.

Собственной полон печали, певец дал жа-
лости место;

Черною тучей тогда на него низошло вдох-
новенье,

Образы мрачной явились толпой, и в воз-
духе звуки

Стали надгробное мерно гласить над усоп-
шим рыданье.

Слушал певец, наклонивши главу, то
незримое пенье,

Долго слушал, и встал, и, с молитвой во-

шедши в пещеру,

Там послушной рукой начертал, что ему
прозвучало.

Так был нарушен устав, так прервано было
молчанье.

Над вольной мыслью богу неудобны

Насилие и гнет:

Она, в душе рожденная свободно,

В оковах не умрет!

Ужели вправду мнил ты, близорукий,

Сковать свои мечты?

Ужель попать в себе живые звуки

Насильно думал ты?

С Ливанских гор, где в высоте лазурной

Белеет дальний снег,

В простор степей стремясь, ветер бурный

Удержит ли свой бег?

И потекут ли вспять струи потока,

Что между скал гремят?

И солнце там, поднявшись от востока,

Вернется ли назад?

8

Колоколов унылый звон

С утра долину оглашает.

Покойник в церковь принесен;
Обряд печальный похорон
Собор отшельников свершает.
Свечами светится алтарь,
Стоит певец с поникшим взором,
Поет напутственный тропарь,
Ему монахи вторят хором:
Тропарь
"Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно?
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели,
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!
Как ярый витязь смерть нашла,

Меня как хищник низложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем, как цветы,
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши - разрушенье,
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!
Средь груды тлеющих костей
Кто царь? кто раб? судья иль воин?
Кто царства божия достоин?
И кто отверженный злодей?
О братья, где серебро и золото?
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?
Все пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и привиденье

Лишь у тебя на небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет все, что было плоть,
Величье наше будет тленье
Прими усопшего, господь,
В твои блаженные селенья!
И ты, предстательница всем!
И ты, заступница скорбящим!
К тебе о брате, здесь лежащем,
К тебе, святая, вопием!
Моли божественного сына,
Его, пречистая, моли,
Дабы отживший на земли
Оставил здесь свои кручины!
Все пепел, прах, и дым, и тень!
О други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах,
Прими усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!
Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,

Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленья,
Прими усопшего раба
В твои блаженные селенья!"

9

Так он с монахами поет.
Но вот меж ними, гость нежданный,
Нахмуря брови, предстает
Наставник старый Иоанна.
Суровы строгие черты,
Главу подъявля величаво:
"Певец,- он молвит,- так ли ты
Блюдешь и чтешь мои уставы?
Когда пред нами братний прах,
Не петь, но плакать нам пристойно!
Изыди, инок недостойный,

Не в наших жить тебе стенах!"
И, гневной речью пораженный,
Виновный пал к его ногам:

"Прости, отец! не знаю сам,
Как преступил твои законы!
Во мне звучал немолчный глас,
В неодолимой сердца муке
Невольно вырвались звуки,
Невольно песня полилась!"

И ноги старца он объемлет:
"Прости вину мою, отец!"
Но тот раскаянью не внемлет,
Он говорит: "Беги, певец!
Досель житейская гордыня
Еще жива в твоей груди "
От наших келий отойди,
Не оскверняй собой пустыни!"

10

Прошла по лавре роковая весть,
Отшельников смутилося собранье:
"Наш Иоанн, Христовой церкви честь,
Наставника навлек негодованье!
Ужель ему придется перенести,
Ему, певцу, позорное изгнанье?"
И жалостью исполнились сердца,

И все собором молят за певца.
Но, словно столб, наставник непреклонен,
И так в ответ просящим молвит он:
"Устав, что мной однажды узаконен,
Не будет даром ныне отменен.
Кто к гордости и к ослушанью склонен,
Того как терн мы вырываем вон.
Но если в нем неложны сожаленья,
Эпитимьей он выкупит прощенье:
Пусть он обходит лавры черный двор,
С лопатою обходит и с метлою;
Свой дух смирив, пусть всюду грязь и сор
Он непокорной выметет рукою.
Дотоль над ним мой крепок приговор,
И нет ему прощенья предо мною!"
Замолк. И, вняв безжалостный отказ,
Вся братия в печали разошлась.

Презренье, други, на певца,
Что дар священный унижает,
Что пред кумирами склоняет
Красу лаврового венца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгод предпочел,
Что угождению и лести

Бесстыдно продал свой глагол!
Из века в век звучать готово,
Ему на казнь и на позор,
Его бессовестное слово,
Как всенародный приговор.
Но ты, иной взалкавший пищи,
Ты, что молитвою влеком,
Высокий сердцем, духом нищий,
Живущий мыслью со Христом,
Ты, что пророческого взора
Пред блеском мира не склонял,
Испить ты можешь без укора
Весь унижения фиал!
И старца речь дошла до Дамаскина.
Эпитимьи условия узнав,
Певец спешит свои загладить вины,
Спешит почтить неслыханный устав.
Сменила радость горькую кручину:
Без ропота лопату в руки взяв,
Певец Христа не мыслит о пощаде,
Но униженье терпит бога ради.

Тот, кто с вечною любовью
Воздавал за зло добром
Избиен, покрытый кровию,

Венчан терновым венцом
Всех, с собой страданьем сближенных,
В жизни долею обиженных,
Угнетенных и униженных,
Осенил своим крестом.
Вы, чьи лучшие стремления
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавление
К божью свету мы грядем!
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом!

11

Темнеет. Пар струится синий;
В ущелье мрак и тишина;
Мерцают звезды; и луна
Восходит тихо над пустыней.
В свою пещеру одинок
Ушел отшельник раздраженный.
Все спит. Луной посеребренный,
Иссякший видится поток.
Над ним скалистые вершины
Из мрака смотрят там и тут;
Но сердце старца не влекут

Природы мирные картины;
Оно для жизни умерло.
Согнувши строгое чело,
Он, чуждый миру, чуждый братьям,
Лежит, простерт перед распятым.
В пыли седая голова,
И смерть к себе он призывает,
И шепчет мрачные слова,
И камнем в перси ударяет.
И долго он поклоны клал,
И долго смерть он призывал,
И наконец, в изнеможенье,
Безгласен, наземь он упал,
И старцу видится виденье:
Разверзся вдруг утесов свод,
И разлилось благоуханье,
И от невидимых высот
В пещеру падает сиянье.
И в трепетных его лучах,
Одеждой звездною блистая,
Явилась дева пресвятая
С младенцем спящим на руках.
Из света чудного слиянный,
Ее небесно-кроток вид.
"Почто ты гонишь Иоанна?"

Она монаху говорит.
Его молитвенные звуки,
Как голос неба на земли,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.
Почто ж ты, старец, заградил
Нещадно тот источник сильный,
Который мир бы напоил
Водой целебной и обильной?
На то ли жизни благодать
Господь послал своим созданиям,
Чтоб им бесплодным истязаньем
Себя казнить и убивать?
Он дал природе изобилье,
И бег струящимся рекам,
Он дал движенье облакам,
Земле цветы и птицам крылья.
Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!
Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину;
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!"

Виденье скрылось в облаках,
Заря восходит из тумана...
Встает встревоженный монах,
Зовет и ищет Иоанна
И вот обнял его старик:
"О сын смирения Христова!
Тебя душою я постиг
Отныне петь ты можешь снова!
Отверзи вещие уста,
Твои окончены гоненья!
Во имя господа Христа,
Певец, святые вдохновенья
Из сердца звучного излей,
Меня ж, молю, прости, о чадо,
Что слову вольному преградой
Я был по грубости моей!"

12

Воспой же, страдалец, воскресную песнь!
Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла коснения долгая плеснь,
Воскресло свободное слово!
Того, кто оковы души сокрушил,
Да славит немолчно созданье!
Да хвалят торжественно господа сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,

И всякое в мире дыханье!
Блажен, кому ныне, господь, пред тобой
И мыслить и молвить возможно!
С бестрепетным сердцем и с теплой мольбой

Во имя твое он выходит на бой
Со всем, что неправо и ложно!
Раздайся ж, воскресная песня моя!
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждено тьмою!
Не с диких падает высот,
Средь темных скал, поток нагорный;
Не буря грозная идет;
Не ветер прах вздымает черный;
Не сотни гнущихся дубов
Шумят главами вековыми;
Не ряд морских бежит валов,
Качая гребнями седыми,
То Иоанна льется речь,
И, сил исполненная новых,
Она громит, как божий меч,
Во прах противников Христовых.
Не солнце красное встает;

Не утро светлое настало;
Не стая лебедей взыграла
Весной на лоне ясных вод;
Не соловьи, в стране привольной,
Зовут соседних соловьев;
Не гул несется колокольный
От многохрамных городов,
То слышен всюду плеск народный,
То ликование христиан,
То славит речию свободной
И хвалит в песнях Иоанн,
Кого хвалить в своем глаголе
Не перестанут никогда
Ни каждая былинка в поле,
Ни в небе каждая звезда.

1858 (?)

АЛХИМИК

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА(*)

1

Дымясь, качались кадила,
Хвалебный раздавался хор,
Алтарь сиял, органа сила
Священнопению вторила
И громом наполнила собор.
И под его старинной сенью

На волны набожной толпы
От окон радужною тенью
Косые падали столпы;
А дале мрак ходил по храму,
Лишь чрез открытые врата,
Как сквозь узорчатую раму,
Синела неба красота,
Виднелся берег отдаленный,
И зелень лавров и олив,
И, белой пеной окаймленный,
Лениво плещущий залив.
И вот, когда замолкли хоры,
И с тихим трепетом в сердцах,
Склонив главы, потупя взоры,
Благоговейно пали в прах
Ряды молящихся густые,
И, прославляя бога сил,
Среди великой литургии
Епископ чашу возносил,
Раздался шум. Невнятный ропот
Пронесся от открытых врат,
В испуге вдруг за рядом ряд,
Теснясь, отхлынул,- конский топот,
Смятенье,- давка,- женский крик,
И на коне во храм проник

Безумный всадник. Вся обитель,
Волнуясь, в клик слилась один:
"Кто он, святыни оскорбитель?
Какого края гражданин?
Египта ль он, Марокка ль житель
Или Гранады гордый сын,
Перед которою тряслися
Уж наши веси столько крат,
Иль не от хищного ль Туниса
К берегам причаливший пират?"
Но не языческого края
На нем одежда боевая:
Ни шлема с пестрою чалмой,
Ни брони с притчами Корана,
Ни сабли нет на нем кривой,
Ни золотого ятагана.
Изгибы белого пера
Над шапкой зыблются шелковой,
Прямая шпага у бедра,
На груди вышиты оковы,
И, сброшена с его плеча,
В широких складках величаво
Падет на сбрую епанча
С крестом зубчатым Калатравы.
Меж тем как, пеня удила,

Сердитый конь по звонким плитам
Нетерпеливым бьет копытом,
Он сам, не трогаясь с седла,
Толпе не внемля разъяренной
И как виденьем поражен,
Вперяет взор свой восхищенный
В толпу испуганную жен.
Кто ж он? И чьей красою чудной
Поступок вызван безрассудный?
Кто из красавиц этих всех
Его вовлек во смертный грех?
Их собралось сюда немало,
И юных женщин и девиц,
И не скрывают покрывала
Во храме божием их лиц;
И после первого смущенья
Участья шепот и прощенья
Меж них как искра пробежал,
Пошли догадка за догадкой,
И смех послышался украдкой
Из-за нарядных опахал.
Но, мыслью полная иною,
Одна, в сознанье красоты,
Спешила тканью кружевною
Покрывать виновные черты.

"Я сознаюсь в любви мятежной,
В тревоге чувств, в безумье дел
Тому безумье неизбежно,
Кто раз, сеньора, вас узрел!
Пусть мой поступок без примера,
Пусть проклят буду я от всех
Есть воле грань, есть силам мера;
Господь простит мой тяжкий грех,
Простит порыв мой дерзновенный,
Когда я, страстию горя,
Твой лик узнав благословенный,
Забыл святыню алтаря!
Но если нет уж мне прощенья,
Я не раскаиваюсь - знай,
Я отрекаюсь от спасенья,
Моя любовь мне будет рай!
Я все попру, я все разрушу,
За миг блаженства отдаю
Мою измученную душу
И место в будущем раю!..
Сеньора, здесь я жду ответа,
Решите словом мой удел,
На край меня пошлите света,
Задайте ряд опасных дел,

Я жду лишь знака, жду лишь взора,
Спешите участь мне изречь,
У ваших ног лежат, сеньора,
Мой ум, и жизнь, и честь, и меч!"
Замолк. В невольном видит страхе
Она лежащего во прахе;
Ему ответить силы нет
Какой безумцу дать ответ?
Не так он, как другие, любит,
Прямой отказ его погубит,
И чтоб снести его он мог,
Нужны пощада и предлог.
И вот она на вызов страстный,
Склонив приветливо свой взор,
С улыбкой тихой и прекрасной:
"Вставайте,- говорит,- сеньор!
Я вижу, вами овладела
Любовь без меры и предела,
Любить, как вы, никто б не мог,
Но краток жизни нашей срок;
Я вашу страсть делить готова,
Но этот пыл для мира новый
Мы заключить бы не могли
В условия бранные земли;
Чтоб огонь вместить неугасимый,

Бессмертны сделаться должны мы.
Оно возможно; жизни нить
Лишь стоит чарами продлить.
Я как-то слышала случайно,
Что достают для этой тайны
Какой-то корень, или злак,
Не знаю где, не знаю как,
Но вам по сердцу подвиг трудный
Достаньте ж этот корень чудный,
Ко мне вернитесь - и тогда
Я ваша буду навсегда!"

И вспрянул он, блестя очами:
"Клянуся небом и землей
Исполнить заданное вами
Какою б ни было ценой!
И ведать отдыха не буду,
И всем страданьям обрекусь,
Но жизни тайну я добуду
И к вам с бессмертием вернусь!"

3

От берегов благоуханных,
Где спят лавровые леса,
Уходит в даль зыбей туманных
Корабль, надувши паруса.
На нем изгнанник молчаливый

Вдали желанный ловит сон,
И взор его нетерпеливый
В пространство синее вперен.
"Вы, моря шумного пучины,
Ты, неба вечного простор,
И ты, светил блестящий хор,
И вы, родной земли вершины,
Поля, и пестрые цветы,
И с гор струящиеся воды,
Отдельно взятые черты
Всецельно дышащей природы!
Какая вас связала нить
Одну другой светлей и краше?
Каким законом объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытия,
Неисчерпаемость явления,
В тебе повсюду вижу я
Того же света преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящий пламень
В единый скоп всеильно сжать
Вот Соломонова печать,
Вот Трисмегиста дивный камень!
Тот всеобъемлющий закон,

Которым все живет от века,
Он в нас самих - он заключен
Незримо в сердце человека!
Его любовь, и гнев, и страх,
Его стремленья и желанья,
Все, что кипит в его делах,
Чем он живет и движет прах,
Есть та же сила мирозданья!
Не в пыльной келье мудреца
Я смысл ее найду глубокий
В живые погрузить сердца
Я должен мысленное око!
Среди борьбы, среди войны,
Средь треволнения событий,
Отдельных жизней сплетены
Всечасно рвущиеся нити,
И кто бессмертье хочет пить
Из мимолетного фиала,
Тот микрокосма изучить
Спешит кипящие начала!
Есть край заветный и святой,
Где дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Один, в полях Кампаньи дикой,

Предназначением храним,
Стоит торжественный, великий,
Несокрушимый, вечный Рим.
К нему, к подобию вселенной,
Теперь держать я должен путь,
В его движенье почерпнуть
Закон движенья неизменный.
Лети ж, корабль крылатый мой,
Лети в безбрежном просторе,
А ты, под верною кормой,
Шуми, шуми и пенься, море..."

.....

.....

(*) Основанием этому отрывку служит следующая легенда:

В 1250 году Раймунд Lullius, или Lulle, сенескалк Балеарских островов, проезжая верхом через площадь города Пальмы, увидел одну даму, входящую в собор. Красота ее так поразила его, что он, забыв всякое приличие и не сходя с лошади, последовал за нею. Такой соблазн наделал много шума, но с этой поры дон Раймунд не переставал пресле

довать своей любовью донью Элеонору (или, как называют ее другие, Амброзию De Castello). Чтобы от него избавиться, она обещала полюбить его, если он достанет ей жизненный эликсир. Дон Раймунд с радостью принял условие, сделался алхимиком,

отправился в отдаленные края и обрелся целому ряду самых невероятных приключений.

[1867]

ПОРТРЕТ

1

Воспоминаний рой, как мошек туча,
Вокруг меня снует с недавних пор.
Из их толпы цветистой и летучей
Составить мог бы целый я обзор,
Но приведу пока один лишь случай;
Рассудку он имел наперекор
На жизнь мою немалое влиянье
Так пусть другим послужит в назиданье...

2

Известно, нет событий без следа:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностям доселе никогда,

Ни нациям с рук даром не сходило.
Тому теперь,- но вычислять года
Я не горазд - я думаю, мне было
Одиннадцать или двенадцать лет
С тех пор успел перемениться свет.

3

Подумать можно: протекло лет со сто,
Так повернулось старое вверх дном.
А в сущности, все совершилось просто,
Так просто, что - но дело не о том!
У самого Аничковского моста
Большой тогда мы занимали дом:
Он был - никто не усумнится в этом,
Как прочие, окрашен желтым цветом.

4

Заметил я, что желтый этот цвет
Особенно льстит сердцу патриота;
Обмазать вохрой дом иль лазарет
Неодолима русского охота;
Начальство также в этом с давних лет
Благонамеренное видит что-то,
И вохрятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.

5

Ревенный цвет и линия прямая

Вот идеал изящества для нас.
Наследники Батыея и Мамаея,
Командовать мы приучили глаз
И, площади за степи принимая,
Хотим глядеть из Тулы в Арзамас.
Прекрасное искать мы любим в пошлом
Не так о том судили в веке прошлом.

6

В своем дому любил аристократ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасад,
С гирляндами колонн ненужных купы,
На крыше ваз или амуров ряд,
На воротах причудливые группы.
Перенимать с недавних стали пор
У дедов мы весь этот милый вздор.

7

В мои ж года хорошим было тоном
Казарменному вкусу подражать,
И четверем или осьми колоннам
Вменялось в долг шеренгою торчать
Под неизбежным греческим фронтоном.
Во Франции такую благодать
Завел, в свой век воинственных плеев,
Наполеон,- в России ж Аракчеев.

8

Таков и наш фасад был; но внутри
Характер свой прошедшего столетья
Дом сохранил. Покоя два иль три
Могли б восторга вызвать междометье
У знатока. Из бронзы фонари
В сенях висели, и любил смотреть я,
Хоть был тогда в искусстве не толков,
На лепку стен и форму потолков.

9

Родителей своих я видел мало;
Отец был занят; братьев и сестер
Я не знавал; мать много выезжала;
Ворчали вечно тетки; с ранних пор
Привык один бродить я в зал из зала
И населять мечтами их простор.
Так подвиги, достойные романа,
Вообразать себе я начал рано.

10

Действительность, напротив, мне была
От малых лет несносна и противна.
Жизнь, как она вокруг меня текла,
Все в той же прозе движась непрерывно,
Все, что зовут серьезные дела,
Я ненавидел с детства инстинктивно.

Не говорю, чтоб в этом был я прав,
Но, видно, так уж мой сложился нрав.

11

Цветы у нас стояли в разных залах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых;
И я, миров искатель небывалых,
Любил вникать в благоуханье их,
И в каждом запахе индивидуальный
Мне музыкой как будто веял дальной.

12

В иные ж дни, прервав мечтаний сон,
Случалось мне очнуться, в удивленье,
С цветком в руке. Как мной был сорван он
Не помнил я; но в чудные виденья
Был запахом его я погружен.
Так превращало мне воображенье
В волшебный мир наш скучный старый

дом

А жизнь меж тем шла прежним чередом.

13

Предметы те ж, зимою, как и летом,
Реальный мир являл моим глазам:
Учителя ходили по билетам

Все те ж ко мне; порхал по четвергам
Танцмейстер, весь пропитанный балетом,
Со скрипкою пискливой, и мне сам
Мой гувернер в назначенные сроки
Преподавал латинские уроки.

14

Он немец был от головы до ног,
Учен, серьезен, очень аккуратен,
Всегда к себе неумолимо строг
И не терпел на мне чернильных пятен.
Но, признаюсь, его глубокий слог
Был для меня отчасти непонятен,
Особенно когда он объяснял,
Что разуметь под словом "идеал".

15

Любезен был ему Страбон и Плиний,
Горация он знал до тошноты
И, что у нас так редко видишь ныне,
Высоко чтит художества цветы,
Причем закон волнообразных линий
Мне поставлял условьем красоты,
А чтоб система не пропала праздно,
Он сам и ел и пил волнообразно.

16

Достоинством проникнутый всегда,

Он формой был много озабочен,
"Das Formlose¹ - о, это есть беда!"
Он повторял и обижался очень,
Когда себе кто не давал труда
Иль не умел в формальностях быть точен;
А красоты классической печать
Наглядно мне давал он изучать.

17

Он говорил: "Смотрите, для примера
Я несколько приму античных поз:
Вот так стоит Милосская Венера;
Так очертанье Вакха создалось;
Вот этак Зевс описан у Гомера;
Вот понят как Праксителем Эрос,
А вот теперь я Аполлоном стану"
И походил тогда на обезьяну.

18

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что вряд ли мог я этим быть доволен,
Тем более что чувством красоты
Я от природы не был обездолен;
Но у кого все средства отняты,
Тот слышит звон, не видя колоколен;
А слова я хотя не понимал,
Но чуялся иной мне "идеал".

19

И я душой искал его пытливо
Но что найти вокруг себя я мог?
Старухи тетки не были красивы,
Величествен мой не был педагог
И потому мне кажется не диво,
Что типами их лиц я пренебрег,
И на одной из стен большого зала
Тип красоты мечта моя сыскала.

20

То молодой был женщины портрет,
В грациозной позе. Несколько поблек он,
Иль, может быть, показывал так свет
Сквозь кружевные занавесы окон.
Грудь украшал ей розовый букет,
Напудренный на плечи падал локон,
И, полный роз, передник из тафты
За кончики несли ее персты.

21

Иные скажут: Живопись упадка!
Условная, пустая красота!
Быть может, так; но каждая в ней складка
Мне нравилась, а тонкая черта
Мой юный ум дразнила как загадка:
Казалось мне, лукавые уста,

Назло глазам, исполненным печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

22

И странно то, что было в каждый час
В ее лице иное выраженье;
Таких оттенков множество не раз
Подсматривал в один и тот же день я:
Менялся цвет неуловимый глаз,
Менялось уст неясное значенье,
И выражал поочередно взор
Кокетство, ласку, просьбу иль укор.

23

Ее судьбы не знаю я поныне:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотине?
Иль, в Питере блестящем рождена,
При матушке цвела Екатерине,
Играла в ломбр, приветна и умна,
И средь огней потемкинского бала
Как солнце всех красою побеждала?

24

Об этом я не спрашивал тогда
И важную на то имел причину:
Преодолеть я тайного стыда
Никак не мог - теперь его откину;

Могу, увы, признаться без труда,
Что по уши влюбился я в картину,
Так, что страдала несколько латынь;
Уж кто влюблен, тот мудрость лучше кинь.
25

Наставник мой был мною недоволен,
Его чело стал омрачать туман;
Он говорил, что я ничем не болен,
Что это лень и что "wer will, der kann!"².
На этот счет он был многоглаголен
И повторял, что нам рассудок дан,
Дабы собой мы все владели боле
И управлять, учились нашей волей.
26

Был, кажется, поклонник Канта он,
Но этот раз забыл его ученье,
Что "Ding an sich"³, лишь только вопло-
щен,

Лишается свободного хотенья;
Я ж скоро был к той вере приведен,
Что наша воля плод предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потел,
Хотел хотеть иное, чем хотел.
27

В грамматике, на место скучных правил,

Мне виделся все тот же милый лик;
Без счету мне нули наставник ставил,
Их получать я, наконец, привык,
Прилежностью себя я не прославил
И лишь позднее добился и постиг,
В чем состоят спряжения красоты.
О классицизм, даешься не легко ты!

28

Все ж из меня не вышел реалист
Да извинит мне Стасюлевич это!
Недаром свой мне посвящала свист
Уж не одна реальная газета.
Я ж незлобив: пусть виноградный лист
Прикроет им небрежность туалета
И пусть Зевес, чья сила велика,
Их русского сподобит языка!

29

Да, классик я - но до известной меры:
Я б не хотел, чтоб почерком пера
Присуждены все были землемеры,
Механики, купцы, кондуктора
Виргилия долбить или Гомера;
Избави бог! Не та теперь пора;
Для разных нужд и выгод матерьяльных
Желаю нам поболее школ реальных.

30

Но я скажу: не паровозов дым
И не реторты движут просвещение
Свою к нему способность изощрим
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья,
И мне сдается: прав мой омоним,
Что классицизму дал он предпочтенье,
Которого так прочно тяжкий плут
Взрывает новь под семена наук.

31

Все дело в мере. Впрочем, от предмета
Отвлекся я - вернусь к нему опять:
Те колебанья в линиях портрета
Потребностью мне стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякий вечер я, ложась спать,
Все думал: как по минованье ночи
Мой встретят взор изменчивые очи?

32

Меня влекла их странная краса,
Как путника студёный ключ в пустыне.
Вставал я в семь, а ровно в два часа,
Отдав сполна дань скуке и латыне,
Благословлял усердно небеса.
Обедали в то время в половине

Четвертого. В час этот, в январе,
Уж сумерки бывают на дворе.

33

И всякий день, собрав мои тетради,
Умывши руки, пыль с воротничка
Смахнув платком, вихры свои пригладя
И совершив два или три прыжка,
Я шел к портрету наблюдений ради;
Само собой, я шел исподтишка,
Как будто вовсе не было мне дела,
Как на меня красавица глядела.

34

Тогда пустой почти был темен зал,
Но беглый свет горящего камина
На потолке расписанном дрожал
И на стене, где виделась картина;
Ручной орган на улице играл;
То, кажется, Моцарта каватина
Всегда в ту пору пела свой мотив,
И слушал я, взор в живопись вперив.

35

Мне чудилось в тех звуках толкованье
И тайный ключ к загадочным чертам;
Росло души неясное желанье,
Со счастьем грусть мешалась пополам;

То юности платил, должно быть, дань я.
Чего хотел, не понимал я сам,
Но что-то вслух уста мои шептали,
Пока меня к столу не призывали.

36

И, впечатленья дум моих храня,
Я нехотя глотал тарелку супа;
С усмешкой все глядели на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застенчивей стал день я ото дня,
Смотрел на всех рассеянно и тупо,
И на себя родителей упрек
Не раз своей неловкостью навлек.

37

Но было мне страшней всего на свете,
Чтоб из больших случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумал о портрете
Иль, хоть слегка, при мне упомянуть.
От мысли той (смешны бывают дети!)
Уж я краснел, моя сжималась грудь,
И казни б я подвергся уголовной,
Чтоб не открыть любви моей греховной.

38

Мне памятно еще до этих пор,
Какие я выдумывал уловки,

Чтоб изменить искусно разговор,
Когда предметы делались неловки;
А прошлый век, Екатеринин двор,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
И даже сам Державин, автор од,
Уж издали меня бросали в пот.

39

Читатель мой, скажи, ты был ли молод?
Не всякому известен сей недуг.
Пора, когда любви нас мучит голод,
Для многих есть не более как звук;
Нам на Руси любить мешает холод
И, сверх того, за службой недосуг:
Немногие у нас родятся наги
Большая часть в мундире и при шпаге.

40

Но если, свет увидя между нас,
Ты редкое являешь исключенье
И не совсем огонь в тебе погас
Тех дней, когда нам новы впечатленья,
Быть может, ты поймешь, как в первый

раз

Он озарил мое уединенье,
Как с каждым днем он разгорался вновь
И как свою лелеял я любовь.

41

Была пора то дерзостных догадок,
Когда кипит вопросами наш ум;
Когда для нас мучителен и сладок
Бывает платя шелкового шум;
Когда души смущенной беспорядок
Нам не дает смирить прибоя дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем берег незнакомый.

42

О, чудное мерцанье тех времен,
Где мы себя еще не понимаем!
О, дни, когда, раскрывши лексикон,
Мы от иного слова замираем!
О, трепет чувств, случайностью рожден!
Душистый цвет, плодом незаменяем!
Тревожной жизни первая вежа:
Бред чистоты с предвкусием греха!

43

Внимал его я голосу послушно,
Как лепетанью веющего сна...
В среде сухой, придирчивой и душной
Мне стало вдруг казаться, что она
К моей любви не вовсе равнодушна
И без насмешки смотрит с полотна;

И вскоре я в том новом выраженье
Участие прочел и ободренье.

44

Мне взор ее, казалось, говорил:
"Не унывай, крепись, настало время
У нас с тобой теперь довольно сил,
Чтоб наших пут обоим скинуть бремя;
Меня к холсту художник пригвоздил,
Ты ж за ребенка почитаем всеми,
Тебя гнетут - но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой!

45

Тебе дано мне оказать услугу,
Пойми меня - на помощь я зову!
Хочу тебе довериться как другу:
Я не портрет, я мыслю и живу!
В своих ты снах искал во мне подругу
Ее найти ты можешь наяву!
Меня добыть тебе не трудно с бою
Лишь доверши начатое тобою!"

46

Два целых дня ходил я как в чаду
И спрашивал себя в недоуменье:
"Как средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и уменье?"

Так иногда лежащего в бреду
Задачи темной мучит разрешенье.
Я повторял: "Спасу ее - но как?"

О, если б дать она могла мне знак!"
47

И в сумерки, в тот самый час заветный,
Когда шарманка пела под окном,
Я в зал пустой прокрался неприметно,
Чтобы мечтать о подвиге моем.

Но голову ломал себе я тщетно
И был готов ударить в стену лбом,
Как юного воображенья сила
Нежданно мне задачу разрешила.

48

При отблеске каминного огня
Картина как-то задрожала в раме,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потом, ресницы медленно склоня,
Свой взор на шкаф с узорными часами
Направила. Взор говорил: "Смотри!"
Часы тогда показывали: три.

49

Я понял все. Средь шума дня не смела
Одеться в плоть и кровь ее краса,

Но ночью - о, тогда другое дело!
В ночной тени возможны чудеса!
И на часы затем она глядела,
Чтоб этой ночью, ровно в три часа,
Когда весь дом покоится в молчанье,
Я к ней пришел на тайное свиданье.

50

Да, это так, сомнений боле нет!
Моей любви могущество без грани!
Коль захочу, я вызову на свет,
Что так давно мне видится в тумане!
Но только ночью оживет портрет
Как я о том не догадался ране?!
И сладостно и жутко стало мне,
И бегали мурашки по спине.

51

Остаток дня провел я благонаравно,
Приготовлял глаголы, не тужа,
Долбил предлоги и зубрил исправно,
Какого каждый просит падежа;
Когда ходил, ступал легко и плавно,
Расположеньем старших дорожа,
И вообще старался в этот день я
Не возбудить чем-либо подозренья.

52

Сидели гости вечером у нас,
Я должен был, по принятой системе,
Быть налицо. Прескучная велась
Меж них беседа, и меня как бремя
Она гнела. Настал насилу час
Идти мне спать. Простившись со всеми,
Я радостно отправился домой
Мой педагог последовал за мной.

53

Я тотчас лег и, будто утомленный,
Закрыв глаза, но долго он ходил
Пред зеркалом, наморща лоб ученый,
И свой вакштаф торжественно курил;
Но наконец снял фрак и панталоны,
В постелю влез и свечку погасил.
Должно быть, он заснул довольно сладко,
Меня ж трясла и била лихорадка.

54

Но время шло, и вот гостям пора
Настала разъезжаться. Понял это
Я из того, что стали кучера
Возиться у подъезда; струйки света
На потолке забегали; с двора
Последняя отъехала карета,
И в доме стихло все. Свиданья ж срок

Читатель помнит - был еще далек.

55

Теперь я должен - но не знаю, право,
Как оправдать себя во мненье дам?

На их участие потерял я право,
На милость их судьбу свою отдам!

Да, добрая моя страдает слава:

Как вышло то - не понимаю сам,

Но, в ожиданье сладостного срока,

Я вдруг заснул постыдно и глубоко.

56

Что видел я в том недостойном сне,

Моя лишь смутно память сохранила,

Но что ж могло иное сниться мне,

Как не она, кем сердце полно было?

Уставшая скучать на полотне,

Она меня забвением корила,

И стала совесть так моя тяжка,

Что я проснулся, словно от толчка.

57

В раскаянье, в испуге и в смятенье,

Рукой неверной спичку я зажег;

Предметов вдруг зашевелились тени,

Но, к счастью, спал мой крепко педагог;

Я в радостном увидел удивленье,

Что не прошел назначенный мне срок:
До трех часов - оно, конечно, мало
Пяти минут еще недоставало.

58

И поспешил скорей одеться я,
Чтоб искупить поступок непохвальный;
Держа свечу, дыханье притая,
Тихонько вышел я из нашей спальни;
Но голова кружилась моя,
И сердца стук мне слышался буквально,
Пока я шел через длинный комнат ряд,
На зеркала бояся бросить взгляд.

59

Знал хорошо я все покои дома,
Но в непривычной тишине ночной
Мне все теперь казалось незнакомо;
Мой шаг звучал как будто бы чужой,
И странно так от тени переломы
По сторонам и прямо надо мной
То стлались, то на стену вползали
Стараясь их не видеть, шел я дале.

60

И вот уже та роковая дверь
Единый шаг - судьба моя решится,
Но что-то вдруг нежданное теперь

Заставило меня остановиться.

Читатель-друг, ты верь или не верь
Мне слышалось: "Не лучше ль воротиться?
Ты не таким из двери выйдешь той,
Каким войдешь с невинной простотой".

61

То ангела ль хранителя был голос?
Иль тайный страх мне на ухо шептал?
Но с опасеньем страсть моя боролась,
А ложный стыд желанье подстрекал.
"Нет!- я решил - и на затылке волос
Мой поднялся,- прийти я обещал!
Какое там ни встречу испытанье,
Мне честь велит исполнить обещанье!"

62

И повернул неверною рукою
Замковую я ручку. Отворилась
Без шума дверь: был сумрачен покой,
Но бледное сиянье в нем струилось;
Хрустальной люстры отблеск голубой
Мерцал в тени, и тихо шевелилась
Подвесок цепь, напоминая мне
Игру росы на листьях при луне.

63

И был ли то обман воображенья

Иль истина - по залу пронеслось
Как свежести какой-то дуновенье,
И запах мне почувствовался роз.
Чудесного я понял приближенье,
По телу легкий пробежал мороз,
Но превозмог я скоро слабость эту
И подошел с решимостью к портрету.

64

Он весь сиял, как будто от луны;
Малейшие подробности одежды,
Черты лица все были мне видны,
И томно так приподымались вежды,
И так глаза казались полны
Любви и слез, и грусти и надежды,
Таким горели сдержанным огнем,
Как я еще не видывал их днем.

65

Мой страх исчез. Мучительно-приятно
С томящей негой жгучая тоска
Во мне в один оттенок непонятный
Смешалась. Нет в мире языка
То ощущение передать; невнятно
Мне слышался как зов издалика,
Мне словно мир провиделся надзвездный
И чуялась как будто близость бездны.

66

И думал я: нет, то была не ложь,
Когда любить меня ты обещала!
Ты для меня сегодня оживешь
Я здесь - я жду - за чем же дело стало?
Я взор ее ловил - и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жилам пробегала,
И ревности огонь, бог весть к кому,
Понятен стал безумью моему.

67

Возможно ль? как? Недвижна ты доселе?
Иль взоров я твоих не понимал?
Иль, чтобы мне довериться на деле,
Тебе кажусь ничтожен я и мал?
Иль я ребенок? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себе стяжал?
Кто он? когда? и по какому праву?
Пускай придет со мною на расправу!

68

Так проходил, средь явственного сна,
Все муки я сердечного пожара...
О бог любви! Ты молод, как весна,
Твои ж пути как мирозданье стары!
Но вот как будто дрогнула стена,
Раздался шип - и мерных три удара,

В ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назад заставили меня.

69

И их еще не замерло дрожанье,
Как изменился вдруг покоя вид:
Исчезли ночь и лунное сиянье,
Зажглись люстры; блеском весь облит,
Казалось, вновь, для бала иль собранья,
Старинный зал сверкает и горит,
И было в нем - я видеть мог свободно
Все так свежо и вместе старомодно.

70

Воскресшие убранство и красу
Минувших дней узнал я пред собою;
Мой пульс стучал, как будто бы несу
Я кузницу в груди; в ушах с прибою
Шумела кровь; так в молодом лесу
Пернатых гам нам слышится весною;
Так пчел рои, шмелям гудящим в лад,
В июльский зной над гречкою жужжат.

71

Что ж это? сон? и я лежу в постеле?
Но нет, вот раму щупает рука
Я точно здесь - вот ясно проскрипели
На улице полозья... С потолка

Посыпалася известь; вот в панели
Как будто что-то треснуло слегка...
Вот словно шелком вдруг зашелестило...
Я поднял взор - и дух мне захватило.

72

Все в том же положении, она
Теперь почти от грунта отделялась;
Уж грудь ее, свечьми озарена,
По временам заметно подымалась;
Но отрешить себя от полотна
Она вотще как будто бы старалась,
И ясно мне все говорило в ней:
О, захоти, о, захоти сильней!

73

Все, что я мог сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремил
Мой страстный взор живил ее все боле,
И видимо ей прибавлялось сил;
Уже одежда зыблилась, как в поле
Под легким ветром зыблется ковыль,
И все слышней ее шуршали волны,
И вздрагивал цветов передник полный.

74

"Еще, еще! хоти еще сильней!"
Так влажные глаза мне говорили;

И я хотел всей страстию моей
И от моих, казалось, усилий
Свободнее все делалось ей
И вдруг персты передник упустили
И ворох роз, покоившийся в нем,
К моим ногам посыпался дождем.

75

Движеньем плавным платье расправляя,
Она сошла из рамы на паркет;
С террасы в сад, дышать цветами мая,
Так девушка в шестнадцать сходит лет;
Но я стоял, еще не понимая,
Она ли то передо мной иль нет,
Стоял, немой от счастья и испуга
И молча мы смотрели друг на друга.

76

Когда бы я гвардейский был гусар
Или хотя полковник инженерный,
Искусно б мой я выразил ей жар
И комплимент сказал бы ей примерный;
Но не дан был развязности мне дар,
И стало так неловко мне и скверно,
Что я не знал, стоять или шагнуть,
А долг велел мне сделать что-нибудь.

77

И, мой урок припомня танцевальный,
Я для поклона сделал два шага;
Потом взял вбок; легко и натурально
Примкнулась к левой правая нога,
Отвисли обе руки вертикально,
И я пред ней согнулся как дуга.
Она ж, как скоро выпрямил я тело,
Насмешливо мне до полу присела.

78

Но между нас, теперь я убежден,
Происходило недоразуменье,
И мой она классический поклон,
Как видно, приняла за приглашенье
С ней танцевать. Я был тем удивлен,
Но вывести ее из заблужденья
Мешала мне застенчивость моя,
И руку ей, конфузясь, подал я.

79

Тут тихо, тихо, словно издалека,
Послышался старинный менуэт:
Под говор струй так шелестит осока,
Или, когда вечерний меркнет свет,
Хрущи, кружась над липами высоко,
Поют весне немолчный свой привет,
И чудятся нам в шуме их полета

И вьолончеля звуки и фагота.

80

И вот, держася за руки едва,
В приличном друг от друга расстоянье,
Под музыку мы двинулись сперва,
На цыпочках, в торжественном молчанье.
Но, сделавши со мною тура два,
Она вдруг стала, словно в ожиданье,
И вырвался из свежих уст ея
Веселый смех, как рокот соловья.

81

Поступком сим обиженный немало,
Я взор склонил, достоинство храня,
"О, не сердись, мой друг,- она сказала,
И не кори за ветренность меня!
Мне так смешно! Поверь, я не встречала
Таких, как ты, до нынешнего дня!
Ужель пылал ты страстью неземною
Лишь для того, чтоб танцевать со мною?"

82

Что отвечать на это - я не знал,
Но стало мне невыразимо больно:
Чего ж ей надо? В чем я оплошал?
И отчего она мной недовольна?
Не по ее ль я воле танцевал?

Так что же тут смешного? И невольню
Заплакал я, ища напрасно слов,
И ненавидеть был ее готов.

83

Вся кровь во мне кипела, негодуя,
Но вот нежданно, в этот самый миг,
Меня коснулось пламя поцелуя,
К моей щеке ее примкнулся лик;
Мне слышалось: "Не плачь, тебя люблю я!"
Неведомый восторг меня проник,
Я обмер весь - она же, с лаской нежной,
Меня к груди прижала белоснежной.

84

Мои смешались мысли. Но не вдруг
Лишился я рассудка и сознанья:
Я ощущал объятья нежных рук
И юных плеч живое прикосанье;
Мне сладостен казался мой недуг,
Приятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженством опьянен,
Я погрузился в обморок иль сон...

85

Не помню, как я в этом самом зале
Пришел в себя - но было уж светло;
Лежал я на диване; хлопотали

Вокруг меня родные; тяжело
Дышалось мне, бессвязные блуждали
Понятья врозь; меня - то жаром жгло,
То вздрагивал я, словно от морозу,
Поблекшую рука сжимала розу...

86

Свиданья был то несомненный след
Я вспомнил ночь - забилося сердце шибко,
Украдкою взглянул я на портрет:
Вкруг уст как будто зыблилась улыбка,
Казался смят слегка ее букет,
Но стан уже не шевелился гибкий,
И полный роз передник из тафты
Держали вновь недвижные персты.

87

Меж тем родные - слышу их как ныне
Вопрос решали: чем я занемог?
Мать думала - то корь. На скарлатине
Настаивали тетки. Педагог
С врачом упорно спорил по-латыне,
И в толках их, как я расслышать мог,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambul и *febris cerebrealis*...4

2 Кто хочет, тот может? (нем.).- Ред.

3 Вещь в себе (нем.).- Ред.

4 Лунатик и мозговая горячка (лат.).- Ред.

Зима 1872-осень 1873

ДРАКОН

РАССКАЗ XII ВЕКА. (С ИТАЛЬЯНСКОГО.)

Посвящается Я. П. Полонскому

1

В те дни, когда на нас созвездье Пса
Глядит враждебно с высоты зенита,
И свод небес как тяжесть оперся

2

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжет без лучей, и бегают стада
С мычанием, ища от мух защиты,

3

В те дни любил с друзьями я всегда
Собора тень и вечную прохладу,
Где в самый зной дышалось без труда

4

И где нам был, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи вид
И полусвет, не утомлявший взгляда.

5

Одна купель близ входа там стоит,

Старинная, из камня иссечена,
Крылатым столб чудовищем обвит.

6

Раз, отдыхом и тенью освежены,
Друзья купель рассматривали ту
И чудный столб с изгибами дракона.

7

Хвалили все размеров красоту
И мастера затейную работу;
Но я сказал: "Я вымыслов не чту;

8

Меня смешит ваятеля забота
Такую ложь передавать резцом",
И потрунить взяла меня охота.

9

Тут некий муж, отмеченный рубцом,
Дотоль стоявший молча возле двери,
Ко мне со строгим подошел лицом:

10

"Смеешься ты, художнику не веря,
Так он сказал,- но если бы, как я,
Подобного ты в жизни встретил зверя,

11

Клянусь, прошла веселость бы твоя!"
Я ж отвечал: "Тебе я не в досаду

Сказал, что думал, мысли не тая;

12

Но если впрямь такого в жизни гада
Ты повстречал, то (коль тебе не в труд),
Пожалуй, нам все расскажи по ряду!"

13

И начал он: "В Ломбардии зовут
Меня Арнольфо. Я из Монцы родом,
И оружейник был до наших смут;

14

Когда ж совет в союз вошел с народом,
Из первых я на гибеллинов встал
И не одним горжусь на них походом.

15

Гиберто Кан стяг вольности держал;
То кондотьер был в битвах знаменитый,
Но близ Лугано, раненый, он пал.

16

Враги, наш полк преследуя разбитый,
Промчались мимо; и с вождем лишь я
Для помощи остался и защиты.

17

"Арнольфо,- мне сказал он,- смерть моя
Сейчас придет,- тебя ж надеждой рая
Молю: спеши в Кьявенну; пусть друзья

18

Ведут войска, минуты не теряя;
Они врасплох застанут вражью рать",
И перстень свой в залог он, умирая,

19

Мне передал. Я времени терять
Не много мог, чтобы исполнить дело,
И, в помощь взяв господню благодать,

20

А мертвое плащом покрывши тело,
Проведать шел, где отдохнут враги
И много ли из наших уцелело?

21

Шум сечи смолк, и вороны круги
Над трупами уже чертили с криком
Как за собой услышал я шаги.

22

То Гвидо был. Ко мне с беспечным ликом
За повод вел он сильного коня,
Им взятого в смятенье том великом.

23

Учеником жил прежде у меня
Он в мастерской, и ныне, после боя,
Меня нашел, любовь ко мне храня.

24

Когда ж узнал, послание какое
Вождем убитым мне поручено,
Идти к друзьям он вызвался со мною.

25

Я, преданность ценя его давно,
Тому был рад и думал: вместе оба
Вернее мы достигнем цели - но,

26

Когда бы знал, как близко нас ко гробу
Он подведет отвагой молодой,
Его любви я предпочел бы злобу.

27

Я был верхом; он следовал пешой;
Нерадостен был путь, и не веселье
Моей владело сумрачной душой.

28

В стране кьявеннской не бывал досель я,
Но Гвидо был. И, ведомых путей
С ним избегая, в тесное ущелье

29

Свернули мы, где солнечных лучей
Не пропускали тени вековые,
Навстречу ж нам, шумя, бежал ручей.

30

Лишь тут снял шлем с усталой головы я,

И в отдаленье ясно услышал,
Как колокол звонил к "Ave Maria"(*).

31

И тяжело средь этих мрачных скал,
И душно так, как бы в свинцовом скрине,
Мне сделалось. "О Гвидо,- я сказал,

32

Недоброе предчувствие мне ныне
Сжимает грудь: боюсь, что с пути
Собьемся мы тут, в каменной пустыне!"

33

"Маэстро,- мне ответил он,- прости;
Сюда свернув, ошибся я немного,
Иным ущельем было нам идти!"

34

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у нас
Рассудок наш угодно было богу:

35

Куда ни направлялись, каждый раз
Ущелье мы, казалось, видим то же,
Их различать отказывался глаз,

36

Так меж собой они все были схожи:
Такая ж темь; такой же в ней ручей

Навстречу нам шумел в гранитном ложе;

37

И чем мы путь искали горячей,
Тем боле мы теряли направленье;

Без отдыха и не сомкнув очей,

38

Бродили мы всю ночь в недоуменье;

Когда ж, для нас незримая, заря

На высотах явила отраженье,

39

"Довольно нам,- сказал я,- рыскать зря!

Взойдем сперва на ближнюю вершину,

Чтоб местность обозреть". Так говоря,

40

Сошел с коня я. К дикому ямину

Его за повод Гвидо привязал,

И, брони сняв, мы темную долину

41

Покинули. Держась за ребра скал,

Мы лезли вверх и лишь на полдороги,

Среди уступа, сделали привал.

42

От устали мои дрожали ноги;

Меж тем густой, поднявшись, туман

Долину скрыл и горные отроги.

43

И стал я думать, грустью обуян:

"Нет, не поспеть мне вовремя в Къявенну

И не повесть друзей на вражий стан!"

44

В тумане тут, мне показалось, стену

Зубчатую увидел я. Она,

Согнутая во многие колена,

45

С крутой скалы спускалася до дна

Ущелия, наполненного мглою,

И им была от нас отделена.

46

"Друг,- я сказал.- ты с этою странною

Давно знаком; взглядишь и распознай:

Какой я замок вижу предо мною?"

47

А он в ответ: "Мне ведом этот край,

Но замка нет отсюда до Къявенны

Ни одного. Обмануты мы, чай,

48

Игрой тумана. Часто перемены

Он странные являет между гор

И создает то башни в них, то стены".

49

Так он ко мне. Но, устремив мой взор
Перед собой, я напрягал вниманье,
Туман же все редел с недавних пор;
50

И только он рассеялся - не зданье
Нам показал свободный солнца свет,
Но чудное в утесе изваянье:

51

Что я стеной считал, то был хребет
Чудовища, какому и примера,
Я полагал, среди живущих нет.

52

И я, глазам едва давая веру,
Ко Гвидо обратился: "Должен быть
Сей памятник, столь дивного размера,

53

Тебе известен; он, конечно, нить
Нам в руки даст, чтоб выбраться отсюда,
Спеши ж по нем наш путь сообразить!"

54

Но он в ответ: "Клянусь, сего я чуда
Не знал досель, и никогда о нем
Не слыхивал от здешнего я люда.

55

Не христианским, думаю, резцом

Зверь вытесан. Мы древнего народа
Узнаем труд, коль ближе подойдем".

56

"А не могла ль,- заметил я,- природа
Подобие чудовища создать,
Как создает она иного рода

57

Диковины?" Но только лишь сказать
Я то успел, сам понял, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

58

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо в ней часть
Изваяна рукой казалась властной:

59

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала как будто жертвы терпеливо,
Чтоб на нее, отверзшись, напасть;

60

Глаза глядели тускло и сонливо;
На вытянутой шее поднята,
Костлявая в зубцах торчала грива;

61

Скрещенные вдоль длинного хребта,
Лежали, в складках, кожаные крылья;

Под брюхом лап виднелася чета.

62

Спинных чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковин морских
Иль старой черепицей, мхом и пылью

63

Покрытою. А хвост, в углах кривых,
Терялся в темной бездне. И когда бы
Я должен был решить: к числу каких

64

Тот зверь пород принадлежит, то я бы
Его крылатой щукою назвал
Иль помесью от ящера и жабы.

65

И сам себя еще я вопрошал:
К чему мог быть тот памятник воздвигнут
Как вдруг от страшной мысли задрожал:

66

Внезапным опасением постигнут,
"А что,- сказал я,- если этот зверь
Не каменный, но адом был изрыгнут,

67

Чтоб за грехи нас наказать? Поверь,
Коль гвельфов он, имперцам на потеху,
Прислан терзать - он с нас начнет теперь!"

68

Но, ветрено предавшись Гвидо смеху,
"Немного же,- сказал,- получит ад
От своего создания успеху!

69

Смотри, как смирно ласточки сидят
На голове недвижимой, а на гриве
Чирикает веселых пташек ряд

70

Ужели их мы будем боязливей?
Смотри еще: со цветом этих скал
Цвет идола один; не схожей в ниве

71

Две полосы!" И громко продолжал
Смеяться он, как вдруг внизу тревожно
Наш конь, к кусту привязанный, заржал;

72

И видеть нам с уступа было можно,
Как бился он на привязи своей,
Подковами взметая прах подножный.

73

Я не сводил с чудовища очей,
Но жизни в нем не замечал нимало
Когда внезапно, молнии быстрее,

74

Из сжатых уст, крутятся, явилось жало,
Подобное мечу о двух концах,
На воздухе мелькая, задрожало
75

И спряталось. Невыразимый страх
Мной овладел. "Бежим,- сказал я,- Гвидо,
Бежим, пока мы не в его когтях!"
76

Но, робости не показав и вида,
"Ты знаешь сам, маэстро,- молвил он,
Какая то для ратника обида
77

Была бы, если б, куклой устрашен,
Он убежал. Я ж об заклад побьюся,
Что наяву тебе приснился сон;
78

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то зверь, а не живой,
И доказать я то тебе беруся!"
79

Тут, камень взяв, он сильною рукой
С размаха им пустил повыше уха
В чудовище. Раздался звук такой,
80

Так резко брякнул камень и так сухо,

Как если бы о кожаный ты щит
Хватил мечом. Тут втягиваться брюхо
81

Его как будто стало. Новый вид
Глаза прияли, тусклые дотоле:
Казалось - огонь зеленый в них горит.
82

Меж тем, сжимаясь медленно все боле,
Стал подбираться к туловищу хвост,
Тащась из бездны словно поневоле.
83

Крутой хребет, как через реку мост,
Так выгнулся, и мерзостного гада
Еще страшней явился страшный рост.
84

И вот глаза зардели, как лампы,
Под тяжестью ожившею утес
Затрепетал - и сдвинулась громада
85

И поползла... Мох, травы, корни лоз,
Все, что срастись с корой успело змея,
Все выдернув, с собою он понес.
86

Сырой землей запахло; мы ж, не смея
Дохнуть, лежали ниц, покуда он

Сползал с высот, чем дале, тем быстрее;

87

И слышался под ним такой же стон,
Как если с гор, на тормозе железном,
Съезжал бы воз, камнем нагружен.

88

Ответный гул по всем пронесся безднам,
И не могло нам в мысль уже прийти
Искать спасенья в бегстве бесполезном.

89

Равно ж как тормоз на своем пути
Все боле накаляется от тренья,
Так, где дракон лишь начинал ползти,

90

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный там за ним тащился след,
И сыпался гранит от сотрясенья.

91

"О Гвидо, Гвидо, сколько новых бед
Навлек на край неверьем ты упорным!"
Так я к нему; а Гвидо мне в ответ:

92

"Винюся я в моем поступке вздорном,
Но вон, смотри: там конь внизу бежит,
За ним же змей ущельем вьется горным!"

93

Плачевный тут представился нам вид:
Сорвавшийся с поводьев, уstraшенный,
Предсмертной пеной белою покрыт,

94

Наш конь скакал, спасаясь от дракона,
Скакал во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремяна.

95

Но чудище, растянутое в нить,
Разинутою пастью норовило
Как бы ловчей бегущего схватить;

96

И вот оно, нагнав его, схватило
За самую за холку поперек
И со седлом и сбруей проглотило,

97

Как жаба муху. Судороги ног
Лишь видели мы в пасти на мгновенье
И конь исчез. Едва дышать я мог,

98

Столь сильное на сердце впечатленье
То зрелище мне сделало. А там,
В ущелье, виться продолжали звенья

99

Змеиною хребта, и долго нам
Он виден был, с своею гривой странной,
Влекущийся по камням и кустам,
100

Свое меняя место беспрестанно,
То исчезая в темной глубине,
То вновь являясь где-нибудь нежданно.
101

И Гвидо, обращая ко мне,
Сказал: "Когда б я, столько виноватый,
Но столь в своей раскаянный вине,
102

Смел дать совет: мы, времени без траты,
Должны уйти туда, на выси гор,
Где дружелюбно будем мы прияты
103

От камнетесов, что с недавних пор
Выламывают мрамор, из него же
В Кьявенне новый строится собор;
104

А змей, по мне, не на вершинах ложе,
Но близ долин скорее изберет,
Где может жить, вседневно жертвы мно-
жа".
105

Я юноше доверился, и вот
Карабкаться мы кверху стали снова
И в полдень лишь достигли до высот.
106

Нигде кругом жилища никакого
Не видно было. Несколько озер
Светилося, одно возле другого;
107

Ближайшее на полускате гор
Раскинулось, пред нами недалеко;
Когда же вниз отвесно пал наш взор,
108

У наших ног, как в ендове глубокой,
Узнали мы поляну, где вчера
Нас жеребий войны постиг жестокий,
109

И поняли мы тут, что до утра
Всю ночь мы вокруг побоища плутали.
Пока нас тьмы морочила пора.
110

Разбросаны, внизу еще лежали
Тела друзей и кони между них
Убитые. Местами отблеск стали
111

Отсвечивал меж злаков полевых,

И сытые сидели птицы праздну
На кучах тел и броней боевых.

112

Вдруг крик меж них поднялся несуразный,
И началось маханье черных крыл
И перелет тревожный. Безобразный

113

То змей от гор извивы к ним влачил
И к полю полз, кровь издали почуя.

Тут жалости мне передать нет сил,

114

Объявшей нас, и слов не нахожу я
Сказать, какой нам холод сердце сжал,
Когда пришлось, бессильно негодуя,

115

Смотреть, как он немилосердно жрал

Товарищей и с ними, без разбора,

Тела коней издохших поглощал

116

Иль, вскинув пасть, стремительно и скоро

Хватал ворон крикливых на лету,

За трупы с ним не прерывавших спора.

117

Картину я когда припомню ту,

Набросить на нее хотел бы тень я,

Но в прежнем все стоит она свету!

118

В нас с ужасом мешалось омерзенье,
Когда над кровью скорчившийся змей,
Жуя тела, кривился в наслажденье;

119

И с чавканьем зубастых челюстей
В безветрии к нам ясно долетали
Доспехов звяк и хрупанье костей.

120

Между людьми на свете есть едва ли,
Кто бы такое горе ощутил,
Как в этот час мы с Гвидо ощущали.

121

И долго ль зверь бесчестье наносил
Телам, иного ждавшим погребенья,
Не ведаю. С утра лишенный сил,

122

На землю я упал в изнеможенье,
И осенил меня глубокий сон,
И низошло мне на душу забвенье.

123

Когда, рукою Гвидо разбужен,
Я поднялся, в долинах уж стемнело,
На западе ж багровый небосклон

124

Пылал пожаром. Озеро горело
В полугоре, как в золотом огне,
И обратился к другу я несмело:

125

"В какой, скажи, о Гвидо, мы стране?
Какое с нами горе иль обида
Случилися? Скажи мне все, зане

126

В моей душе звучит как панихида,
Но в памяти нет мысли ни одной!"
И прежде, чем успел ответить Гвидо,

127

Я вспомнил все: с имперцами наш бой,
И смерть вождя, и бегство от дракона.

"Где он?- вскричал я,- где наш недруг злой?"

128

Нам от него возможна ль оборона?

Иль нам бежать в ущелий тесноту

И спрятаться во глубь земного лона?"

129

Но Гвидо, палец приложив ко рту,

"Смотри,- шепнул мне с видом опасенья,
Смотри сюда, на эту высоту!"

130

И, следуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидал,
Как, медленно свои вращая звенья,
131

Оно вползало, меж померкших скал,
На верх одной, от прочих отделенной,
Что солнца луч последний освещал.
132

Свой гордо зев подняв окровавленный,
На острый верх взобравшийся дракон
Как некий царь с зубчатою короной
133

Явился там. Закатом озарен,
Как выкован из яркой красной меди,
На небе так вырезывался он.
134

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медведи
Столь не страшны! Никто б не изобрел
Такую тварь, хотя б в горячке бредя!
135

Когда ж совсем исчез во мраке дол,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои он крылья по ветру развел,
136

И кожа их, треща, затрепетала,

Подобно как в руках у наших жен,
Раскрывшись, трепещут опахала.
137

Его хребет казался напряжен,
И, на когтях все подымаясь выше,
Пуститься в лет готовился дракон.
138

Меж тем кругом все становилось тише
И все темней. И вот он взвизгнул вдруг,
Летучие как взвизгивают мыши,
139

И сорвался. Нас охватил испуг,
Когда, носясь у нас над головами,
Он в сумерках чертил за кругом круг
140

И воздух бил угластыми крылами,
Не как орел в поднебесье паря,
Но вверх и вниз метаяся зубцами,
141

Неровный лет являл нетопыря,
И виден был отчетисто для ока
На полосе, где скрылася заря.
142

Нас поражал, то близко, то далеко,
То возле нас, то где-нибудь с высот,

Зловещий визг, пронзительно-жестокий.

143

Так не один свершал он поворот

Иль, крылья вдруг поджав, как камень вес-
кий

Бросался вниз, и возмущенных вод

144

Средь озера нам слышались всплески,

И он опять взлетал и каждый раз

Пускал опять свой визг зловеще-резкий.

145

Проклятый зверь чутьем искал ли нас

Или летал по воздуху без цели

Не знали мы; но, не смыкая глаз,

146

Настороже всю ночь мы просидели,

Усталостью совсем изнурены

(Вторые сутки мы уже не ели!).

147

С рассветом дня спуститься с вышины

Решились мы, лишь голоду послушны;

А чудище исчезло ль из страны

148

Иль нет - к тому мы стали равнодушны,

Завидуя уж нищим и слепцам,

Что по миру собирают хлеб насущный...

149

И долго так влачилися мы там,
Молясь: "Спаси, пречистая Мария!"

Она же, вняв, послала пищу нам:

150

Мы ягоды увидели лесные,
Алевшие по берегу ручья,
Что воды мчал в долину снеговые.

151

И речь того не выразит ничья,
Как укрепил нас этот дар нежданный
А с ним воды холодная струя!

152

Сбиваясь с дороги беспрестанно,
По солнцу наш отыскивая путь,
Достигли поздно цели мы желанной;

153

Но что за вид стеснил тогда нам грудь!
В Кьявеннские воткнуты были стены
Знамена гибеллинов! Проклят будь

154

Раздора дух, рождающий измены!
Не в приступе отчаянном взята
Врагом упорным крепкая Кьявенна

155

Без боя гибеллинам ворота
Отверзли их сторонники! Без боя
Италия германцу отперта!

156

И зрелище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось нам
Пред ним ничтожно все страданье злое,

157

Что мы доселе испытали.- Срам
И жажда мести овладели нами;
Так в город мы пробралися к друзьям;

158

Но уж друзья теперь, во страхе, сами
Спасались от мщения врагов
И вольности поднять не смели знамя.

159

Они родной сбирались бросить кров
И где-нибудь сокрыться в подземелье,
Чтобы уйти от казни иль оков.

160

Узнав от нас, что горные ущелья
Чудовищем ужасным заняты,
Подумали они, что мы с похмелья

161

То говорим, и наши тесноты,
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

162

В неслыханной решились мы печали
Направиться обратно на Милан,
Но не прямой мы путь к нему держали:

163

Захваченных врагом минуя стран,
На Колико мы шли, на Ленъончино,
На Лекко и на Бергамо, где стан

164

Немногих от рассеянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было боле половины,

165

Другие же, вблизи или вдали,
Неведомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совет еще вели:

166

К кому пристать? не оказали ласки
Разбитым гвельфам, их же в город свой
Не приняли; однако, без огласки,

167

Отправили от думы городской

Им хлеба и вина, из состраданья,
Не требуя с них платы никакой.

168

И тяжело и радостно свиданье
Меж нами было; а когда слезам,
Расспросам и ответам отдал дань я,

169

"Товарищи,- сказал я,- стыдно нам
Врозь действовать иль ждать сложивши
руки,

Чтоб враг прошел по нашим головам!

170

Ломбардии невзгоды все и муки
Лишь от раздоров наших рождены
И от измены круговой поруке!

171

Хоть мало нас, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не изменим стягу
И не примкнем к теснителям страны!"

172

Так прежнюю в них возбудив отвагу,
Я их в Милан с собой и с Гвидо звал,
Они ж клялись не отставать ни шагу.

173

Тут случай мне их испытать предстал:

Где через Ольо вброд есть переправа,
На супротивном берегу стоял
174

Маркезе Монферрато, нам кровавый
Прием готовя. Бога в помощь взяв
И вынув меч, я бросился на славу
175

В средину волн. За мной, кто вброд, кто
вплавь,
Пустились все, пересекая воду,
И берега достигли. Но стремглав
176

На нас враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чем я мог
На сушу стать, их вождь, не дав мне ходу,
177

Лоб топором рассек мне поперек,
И навзничь я ударом опрокинут,
Без памяти, обратно пал в поток.
178

Пятнадцать лет весною ровно минут,
Что свет дневной я снова увидал.
Но, боже мой! доселе жилы стынут,
179

Как вспомню, что, очнувшись, я узнал

От благодушных иноков аббатства,
Меня которым Гвидо передал,
180

Сам раненный, когда он от злорадства
Имперцев жизнь мою чудесно спас
И сам искал убежища у братства!
181

Италии настал последний час!
Милан был взят! Сдалась без обороны
Германцам Брешья! Крема им сдалась!
182

С приветствием к ним консулы Кремоны
Пошли навстречу, лишь к ее стенам
Германские приблизились бароны!
183

Павия ликовала. Горе нам!
Не чуждыми - ломбардскимн руками
Милан разрушен! Вечный стыд и срам!
184

Мы поняли теперь, зачем пред нами
Явился тот прозорливый дракон,
Когда мы шли Кьявеннскими горами:
185

Ужасное был знамение он,
Ряд страшных бед с ним предвещала встре-

ча,

Начало долгих, горестных времен!

186

Тот змей, что, все глотая иль увеча,

От нашей крови сам жирел и рос,

Был кесаря свирепого предтеча!

187

Милан пал в прах - над ним же вознеслось

Все низкое, что пресмыкалось в прахе,

Все доброе низвержено. Пришлось,

188

В ком честь была, тому скрываться в стра-

хе,

Иль дни влачить в изгнании, как я,

Иль погибать, как многие, на плахе.

189

Проклятье ж вам, поддельные друзья,

Что языком клялись служить свободе,

Внутри сердец измену ей тая!

190

Из века в век вас да клянут в народе

И да звучат позором вековым

Названья ваши: Асти, Реджьо,- Лоди!

191

Вы, чрез кого во прахе мы лежим,

Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!

Вы, чьи уста, из злобы ко своим,

192

Призвали в край германского дракона!"

Ломбардец так рассказ окончил свой

И отошел. Им сильно потрясены,

193

Молчали мы. Меж тем палящий зной

Успел свалить, и, вышед из собора,

На площади смешались мы с толпой,

Обычные там ведшей разговоры.

(*) "Радуйся, Мария" (лат.)- Ред.

Весна-лето 1875

ДОН ЖУАН

Драматическая поэма

Посвящается памяти Моцарта и Гофмана

Но ужас грехопадения в том, что у врага

сохранилась власть подстергать человека

и

расставлять ему коварные ловушки даже в

его

стремлении к высшему, там, где человек

выражает

божественность своей природы. Это проти-

воборство

божественных и демонических сил рожда-
ет понятие

земной жизни, точно так же, как одержан-
ная

победа - понятие жизни неземной. (с нем.)

Гофман

ПРОЛОГ

Красивая страна. Весенний вечер.

Захождение солнца. Небесные духи
спускаются на землю.

Д у х и

Из иной страны чудесной,

Людям в горести помочь,

Нас на землю царь небесный

Посылает в эту ночь;

Принести живое слово,

Жатвы все благословить,

Человека к жизни новой

Ободрить и укрепить!

О д и н д у х

Жаль мне рода, что для хлеба

Маять век свой осужден;

Мысль его стремится в небо,

Сам над плугом он согбен;

Всем страданьям, без изъятья,
Должен дань он заплатить,
И не лучше ль было б, братья,
Вовсе смертному не жить?

Д р у г о й д у х

Все явления вселенной,
Все движенья вещества
Все лишь отблеск божества,
Отраженьем раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Разделились беспредельно,
Мир земной есть луч отдельный
Не светить ему нельзя!

Т р е т и й д у х

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;
Но, струящаясь от бога,
Сила борется со тьмой;
В нем могущества покой
Вкруг него времен тревога!

Ч е т в е р т ы й д у х

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:

Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И всегда, обманов полный,
На господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!

П я т ы й д у х

И усилям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается все снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало божество

Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество!

Ш е с т о й д у х

Вечно вкруг текут созвездья,
Вечно светом мрак сменен:
Нарушенье и возмездье
Есть движения закон.

Чрез всемирное явленье
Бог проводит мысль одну
И, как символ возрожденья,
За зимой ведет весну!

С е д ь м о й д у х

Вот она, весна молодая,
Свежим трепетом полна,

Благодатная, святая,
Животворная весна!

В неба синие объятья
Поднялась земли краса,
Тише! Слышите ли, братья,
Все ликуют без изъятья,
Все природы голоса!

В с е

На изложинах росистых,
На поверхности озер,
Вдоль ручьев и речек чистых

И куда ни кинешь взор,
Всюду звонкая тревога,
Всюду, в зелень убрана,
Торжествуя, хвалит бога
Жизни полная весна!

П р о х о д я т о б л а к а

Миновало холодное царство зимы,
И, навстречу движенью живому,
В юных солнца лучах позлатились мы
И по небу плывем голубому.

Миновало холодное царство снегов,

Не гонимы погодою бурной,
В парчевой мы одетые снова покров,
Хвалим господа в тверди лазурной!
Р а с ц в е т а ю т ц в е т ы
Снова небо с высот улыбается нам,
И, головки подняв понемногу,
Воссылаем из наших мы чаш фимиам,
Как моление господу богу!
П р о л е т а ю т ж у р а в л и
По небесным пространствам спеша голу-
бым,
Где нас видеть едва может око,
Ко знакомым местам мы летим и кричим,
Длинной цепью вьясь издалека.
Видим сверху мы праздник веселый зем-
ли,
Здесь кончается наша дорога,
И мы кружимся вокруг, журавли, журавли,
Хвалим криками господа бога!
О з е р а и р е к и
Зашумели ручьи, и расторгнулся лед,
И сквозят темно-синие бездны,
И на глади зеркальной таинственных вод
Возрожденных небес отражается свод
В красоте лучезарной и звездной.

И вверху и внизу все миры без конца,
И двойко является вечность:
Высота с глубиной хвалят вместе творца,
Славят вместе его бесконечность!
Солнце зашло.

В р о щ е з а п е в а е т с о л о в е й
Нисходит ночь на мир прекрасный,
Кругом все дышит тишиной;
Любви и грусти полон страстной,
Пою один про край иной!

Весенних листьев трепетанье,
Во мраке веющие сны,
Журчанье вод, цветов дыханье
Все мне звучит как обещанье
Другой, неведомой весны!

Д у х и
Блажен, кто прост и чист душою,
Чей дух молитве не закрыт,
Кто вместе с юною землею
Творца миров благодарит,
Но мыслью, вечно восходящей,
Не в жизни ищет идеал,
И кто души своей любящей
Упорно к ней не приковал!
С о л о в е й

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней стороне,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мне;
Но в их неровном колыханье
Полны надежд мои мечты:
Журчанье вод, цветов дыханье
Все мне звучит как обещанье
Другой, далекой красоты!

Д у х и

Чем тени сумрачной ночные,
Тем звезды ярче и ясней;
Блажен в беде не гнувший выи,
Блажен певец грядущих дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидит радостный восход
И утешительное слово
Средь общих слез произнесет!
И тьму пусть терпит божья воля,
Явлений двойственность храня,
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех сомнений мимо

Дорогой светлюю идет!

Г о л о с

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на земле теперь весна.

Жаль только, что ее краса недолговечна
И декорация уж слишком непрочна!

Д у х и

Кем здесь нарушена святая тишина?
Чей голос разбудил уснувшие долины?

Г о л о с

Я живописи тень. Я темный фон картины,
Необходимости логическая дань.

Я нечто вроде общей оболочки,
Я черная та тканьь,

По коей шьете вы нарядные цветочки.

Д у х и

Зарницы блещут. Из болот
Седой туман клубится и встает,

Земля под нами задрожала,

О братья, близко здесь недоброе начало!

Г о л о с

Хотя не Слово я, зато я - все слова!

Все двигаю собой, куда лишь сам ни дви-
нусь;

По математике я - минус,

По философии - изнанка божества;
Короче, я ничто; я жизни отрицанье;
А как господь весь мир из ничего создал,
То я тот самый матерьял,
Который послужил для мирозданья.
Клеветникам назло, прогресс во всем лю-
бя,
Чтоб было что-нибудь, я в дар принес себя,
Не пожалел отдать часть собственного те-
ста,
Чтоб вылепиться мог вселенной сложный
шар;
А так как быть нельзя, не занимая места,
То в остальное он вошел, как в свой фу-
тляр.
Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи к небесам,
Акафисты свои поете фистулою,
Я к звонким вашим дишкантам
Фундаментальный бас.
Д у х и
По дерзостным речам
Тебя узнать легко. Явись же лучше к нам
И не веди происхожденья
Хвастливо от предвечной тьмы;

Увы, ты был, до дня паденья,
Таким же светлым, как и мы!

Г о л о с

Мне грамоту мою отстаивать - бесплодно;
Во мне так много есть сторон,
Что быть готов я, коль угодно,
Не что иное, как бурбон.

Но если с этой точки зренья

Мы будем на мое смотреть происхожденье,
Тогда осмелюся сказать,

Вам не во гнев и не в обиду,

Что я, имев несчастье потерять

Архангельский мой вид, лишился вовсе
виду.

Поэтому, коль я вам подлинно собрат,
То одолжите мне, любезные собратья,

Какой-нибудь наряд,

Приличный облик или платье!

Д у х и

Бери любой; явился нам

Как змий, как ворон иль иначе!

С а т а н а

(является в виде черного ангела)

Вот так известен я певцам,

А живописцам наипаче.

П е р в ы й д у х

Замолкнул соловей, поблекнули цветы,

Подернулись звезды облаками...

Скажи, погибший брат, чего здесь хочешь

ты

И что есть общего меж нами?

В т о р о й д у х

Дух отрицания, безверия и тьмы,

Дух возмущенья и гордыни!

Тебя ли снова видим мы,

Врага и правды и святыни?

Т р е т и й д у х

Ты ль, мной самим, как червь, низвержен-

ный

о прах,

Теперь, с насмешкой на устах,

Дерзаешь в сонме сем являться?

С а т а н а

Превосходительный! Не стыдно ль так ру-

гаться?

Припомни: в оный день, когда я вздумал

сам

Владыкой сделаться вселенной

И на великий бой поднялся дерзновенно

Из бездны к небесам,

А ты, чтоб замыслам противостать свобод-
ным,

С негодованьем благородным,
Как ревностный жандарм, с небес на-
встречу мне

Пустился и меня шарахнул по спине,
Не я ль в той схватке благотворной
Тебе был точкою опорной?
Ты сверху напирал, я снизу дал отпор;
Потом вернулись мы - я вниз, ты в подне-
бесье,

И во движенье сил всемирных с этих пор
Установилось равновесье.
Но если б не пришлось тебе меня сшибить
И, прыгнув сторяча, ты мимо дал бы маху,
Куда, осмелюся спросить,
Ты сам бы полетел с размаху?
Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это все дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой
Кто вспомнит старое, того да лопнет око!
Д у х и
Какое ж ныне замышленье
Тебя из бездны вызвало опять?
С а т а н а

Хотелось мне, для развлечения,
Весной немножко погулять.
Но, впрочем, у меня есть и другое дело.
Коль вам беседовать со мной не надоело,
Охотно сообщу задуманный мной план.
(Садится на обгорелый пенек.)
Есть юноша в Севилье, дон Жуан,
А по фамилии - де Маранья.
Ему пятнадцать лет. Счастливые года!
Чуть пухом поросла молодая борода,
Почти еще дитя. Но в мыслях колебанье
И беспокойство видны иногда.
Как размышляет он глубоко
И как задумчив он порой!
К какой-то цели все неясной и высокой
Стремится он неопытной душой;
Но если речь пойдет о воинской отваге
Или любви коснется разговор,
Его рука уже на шпаге,
Огнем горит орлиный взор.
Как он хорош в толпе придворной,
Одетый в бархат и атлас,
Когда он клонит так притворно
Свой взор при встрече женских глаз!
Зато как иногда он смело

На них украдкою глядит!
Сам бредит о любви, а кровь кипит, ки-
пит...

О молодость моя, куда ты улетела!
Вы правы, господа! На утре бытия
Мечтателем когда-то был и я,
Пока не преступил небесного предела!

Д у х и
О Сатана, кого назвал ты нам!
Сей дон Жуан любимец есть природы,
Он призван к подвигам и благостным де-
лам,

Пред ним преклонятся народы,
Он будет славен до конца,
Он стражей огражден небесной неприступ-
но,

К нему ты не прострешь руки своей пре-
ступной

Познай: сей дон Жуан избранник есть
творца!

С а т а н а

Мой также. Я давно его заметил.
Я знаю, сколь удел его в грядущем светел,
И, юношу всем сердцем возлюбя,
Я сделаю его похожим на себя.

Д у х и

Но где же власть твоя? Где сила?

С а т а н а

Оно и не легко. И дорого, да мило!

Послушайте. Во всем я к точности привык.

Ведь каждый данный пункт, характер или

лик

Мы можем мысленно, по нашему капризу,

И кверху продолжить и книзу.

Я часто сам от скуки наблюдал,

Как иногда моя меняется натура:

Взберусь наверх - я мрачный идеал;

Спускаюсь вниз - карикатура.

Теперь, как с кафедры адъюнкт,

Я вашего прошу вниманья:

Любую женщину возьмем как данный

пункт;

Коль кверху продолжим ее мы очертанье,

То наша линия, как я уже сказал,

Прямехонько в ее упрется идеал,

В тот чистый прототип, в тот образ совер-

шенный,

Для каждой личности заране припасен-

ный.

Я этот прототип, не зримый никому,

Из дружбы покажу любимцу моему.
Пусть в каждом личике, хоть несколько го-
дящем,
Какое бы себе он ни избрал,
Он вместо копии все зрит оригинал,
Последний вывод наш в порядке восходя-
щем.

Когда ж захочет он, моим огнем палим,
В объятиях любви найти себе блаженство,
Исчезнет для него виденье совершенства
И женщина, как есть, появится пред ним.
И пусть он бесится. Пусть ловит с вечной
жаждой

Все новый идеал в объятиях девы каждой!
Так с волей пламенной, с упорством на че-
ле,

С отчаяньем в груди, со страстию во взоре
Небесное Жуан пусть ищет на земле
И в каждом торжестве себе готовит горе!

Д у х и

О дух неправды! Тот, кто ищет свет,
Кто жаждет лишь обнять, что вечно и пре-
красно,

Над тем у ада власти нет,
И ты сгубить его надеешься напрасно.

Познает правду он, рассеется твой мрак,
Как ветром на луну навеянная тучка!

С а т а н а

Вот в этом-то и закорючка.

Уладить дело надо так,

Чтобы, во что бы то ни стало,

Все под носом ловил далекий он призрак

И с толку сбился бы искатель идеала.

Ведь черту, говорят, достаточно схватить

Кого-нибудь хоть за единый волос,

Чтоб душу всю его держать за эту нить

И чтобы с ним она уж не боролась;

А дон Жуан душой как ни высок

И как ни велики в нем правила и твер-

дость,

Я у него один подметил волосок,

Которому названье - гордость!

Д у х и

О братья, окружим незримою толпой

Младое сердце дон Жуана,

С врагом в упорный вступим бой,

Да не свершит над ним обмана!

Туман и мрак разгоним с юных дум,

Да явится им истины дорога!

С а т а н а

К чему весь этот треск и шум?
Помилуйте, побойтесь бога!
Зачем кричать заране: караул!
Могу сказать вам непритворно,
Мое влиянье благотворно,
Без дела праведник, пожалуй бы, заснул.
Поверьте, для людей толчки полезны эти,
Как гальванисм полезен для больных.
И если б черта не было на свете,
То не было бы и святых!

Д у х и

Довольно. В сумраке земля уже почила,
Безмолвен лес, тиха поверхность вод,
Покой и мир для смертных настает...
Да сгинет Сатаны завистливая сила!

С а т а н а

Покойной ночи всем! Увидим, чья возьмет!

(Исчезает.)

Д у х и

(одни)

В тревожном жизни колебанье
Всегда с душой враждует плоть;
Да озарит твое сиянье
Стезю блудящего, господь!

Но если, пламенный и страстный,
Он слепо вступит в мрак и ночь,
В час испытанья, в час опасный,
Дозволь нам слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоих судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех соблазнов мимо
Дорогой светлую идет!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПРОЛОГА

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛ В СЕВИЛЬЕ

Заседание в Casa santa. Инквизитор, три
члена, фискал
и секретарь. У дверей стража.

---

* Святом доме (исп.).

И н к в и з и т о р

Предмет, о коем рассуждать мы будем,

Уже известен вам, святые братья:

Над исполнителями Sant' officio,

Тому три дня, открыто свершено

Ужасное, неслыханное дело.

Прочтите обвинение, фискал.

---

* Священного трибунала (исп.).

Ф и с к а л

(читает)

"Три дня тому назад святое братство
Под стражею вело из Антекеры
В тюрьму отпавшего мориско. Вдруг,
Одетый в плащ, черты сокрыты шляпой,
На них напал какой-то кавалер.
С угрозами и шпагою махая,
Он многих ранил, прочих разогнал,
Преступника ж освободил и скрылся".

И н к в и з и т о р

Мориско был назначен на костер
Святая церковь вопиет о мести.

О д и н ч л е н

И не нашли виновного?

Ф и с к а л

След найден.

При кавалере был его слуга.

Агент, узнав его по описанью,

Подговорил идти с собой в трактир;

Там схвачен он и ждет теперь допроса.

Д р у г о й ч л е н

Дозволит ли священный председатель

Нам допросить агента и слугу?

И н к в и з и т о р

(к офицеру стражи)

Сеньор Мигель, введите их обоих.

Входят шпион и Лепорелло. Последний с завязанными глазами.

Сними с себя повязку, сын мой. Кто ты?

Л е п о р е л л о

(снимая повязку)

Ай-ай! Где я?

(Увидев шпиона.)

А, господин Диего!

Так поступать нечестно. Вы меня

Своим недавно другом называли!

Ф и с к а л

Преступник, отвечай, кто ты?

Л е п о р е л л о

Позвольте

Меня вчера на улице он встретил,

Подговорил с ним вместе отобедать

И угостил пуляркой. А теперь...

Ф и с к а л

Теперь, когда ты отвечать не станешь,

Ты будешь пыткой угощен. Кто ты?

Л е п о р е л л о

Я, господин почтенный? Я не знаю.

Ф и с к а л

(к инквизитору)

Позвольте ль железные ему

Надеть ботинки?

Л е п о р е л л о

Что за вздор? Зачем?

Я сущую вам правду говорю;

Я, господа, подкинутый ребенок.

Коль по моим наклонностям судить,

Я гранда сын, а может быть, прелата!

Ф и с к а л

Сеньор Мигель! Железные ботинки!

И н к в и з и т о р

(к фискалу)

Не будем торопиться.

(К шпиону.)

Что с тобой

Он говорил, когда вы вместе пили?

Ш п и о н

Он хвастался, что с господином он

Преступника избавил от костра,

Слуга он дон Жуана де Маранья

И соучастник в деле.

Л е п о р е л л о

(тихонько, к шпиону)

Фуй, Диего!

Мы говорили вместе как друзья;
Что я тебе за рюмкой сообщил,
Должно остаться было между нами!

Ш п и о н

Его прозванье Лепорелло. Он
Уже лет десять служит дон Жуану.

Л е п о р е л л о

Нехорошо, Диего; право, стыдно!
Я вижу, ты болтун. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя ль скорей домой меня отправить?

И н к в и з и т о р

Итак, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вместе вы с Мараньей, на дороге,
Напали на святую инквизицию?

Л е п о р е л л о

Кто? Я? Избави боже! Я был сзади!

И н к в и з и т о р

Теперь ты должен все нам рассказать,
Что о своем ты знаешь господине:

Каких он лет? И кто его друзья?

И часто ль в церковь ходит он? И кто

В интриге с ним? И что он говорит?

И как он судит о священном братстве?

Все должен откровенно ты поведать
Или мученья пытки испытать.

Л е п о р е л л о

Помилуйте, священный председатель!
Вы столько задали вопросов вдруг,
Что с памятью сперва справиться надо,
Чтоб по ряду на все вам отвечать.

Каких он лет? Я думаю, ему
Лет двадцать пять, а может быть, и боле,
Какие у него друзья? Их много,
Но, кажется, он им не очень верит...

И хорошо он делает! Что дружба?!
Вот этот господин меня сейчас
Пуляркой угостил; теперь же он
Показывает на меня. Диего!

Признайся, брат, что скверно?

Ф и с к а л

К делу! К делу!

Л е п о р е л л о

Ну, что ж еще? Да! Часто ль ходит в цер-
ковь?

Коль правду говорить - не слишком часто;
Так, разве для забавы; да и то
Когда в кого влюблен, то встречи ради.

И н к в и з и т о р

В интриге с кем он?

Л е п о р е л л о

Он-то? Правый боже!

Да с кем в интриге не был дон Жуан?

Подумать страшно! Верите ль, сеньор,

Из сил я выбился носить записки

И на часах стоять то тут, то там.

Мы ездили с ним вместе по Европе;

Не пропустил нигде он никого;

Что город, то интрига, а в иных

По десяти, по двадцати случалось.

Уж я ему, бывало, говорю:

"Сеньор, остепенитесь!" Так вот нет же!

Вот так и прет его в интриги, право;

И точно будто ищет он чего-то;

Попробует одной, давай другую!

Как будто женщины не все равны.

Ведь, согласитесь, отцы святые,

У курицы один и тот же вкус,

Что с черным ли хохлом она, что с белым!

И н к в и з и т о р

(к фискалу)

Немножко дерзок этот Лепорелло,

Но вместе глуп. Из болтовни его

Нам кое-что, быть может, пригодится.

(К Лепорелло.)

Твой господин великий греховодник.
Теперь в кого влюблен он?

Л е п о р е л л о

В донну Анну,

В дочь командора дон Альвара. Но

Не слишком-то податлива она;

Уж с месяц мы волочимся напрасно.

И н к в и з и т о р

Что говорит он про духовных лиц?

Об инквизиции святой как мыслит?

В его речах, с друзьями, за вином,

Или с любезной в тайных разговорах

Заметна ль ересь?

Л е п о р е л л о

Правду вам сказать,

С любезными своими дон Жуан

Не много говорит о богословье.

И н к в и з и т о р

Но быть не может, чтоб в его речах

Ты ереси преступной не подслушал.

Ф и с к а л

Подумай, вспомни. Дай нам в руки нить,

Чтоб до его безверия добраться,

Не то готовься к пытке. Выбирай.

Л е п о р е л л о

Помилуйте, ведь я его слуга:

Нечестно доносить на господина!

Ф и с к а л

Сеньор Мигель, железные ботинки!

Л е п о р е л л о

Сейчас, сейчас! Я вспомнил! Погодите!

Дозвольте только мне один вопрос:

Беды ему от этого не будет?

Ведь это только так? Из любопытства?

Ф и с к а л

Из любопытства.

Л е п о р е л л о

А когда я вам

Все расскажу, меня вы отошлете?

И н к в и з и т о р

Когда ты все расскажешь нам, мой сын,

И приведешь точь-в-точь его слова,

Тебе дарует церковь награждение

И ты уйдешь свободно. Если ж ты

Хотя одно лишь слово утаишь,

Я должен буду, с сокрушенным сердцем,

На пытку согласиться.

Л е п о р е л л о

Понимаю.

Итак, сеньор, я должен вам сказать,
Что дон Жуан говаривал не раз:
"Святые братья глупы. Человек
Молиться волен как ему угодно.
Не влезешь силой в совесть никому
И никого не вгонишь в рай дубиной".
Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работающий;
Что их не следовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманин иль еретик
Не столько вреден, сколь сокрытый враг;
Что если бы сравняли всех правами,
То не было б ни от кого вражды.
"Поэтому,- так говорит мой барин,
Святые братья глупы". Даже стыдно
Передавать мне вам такие речи,
Но часто слышал я, как дон Жуан
Говаривал: "Святые братья глупы".

Ф и с к а л

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя в железную посадят клетку!

Л е п о р е л л о

Вот этого уж я не понимаю:

Молчу - ботинки; рот разину - клетка!

И н к в и з и т о р

(к фискалу)

Оставьте, брат фискал. Слова глупца

Святыни нашей оскорбить не могут.

(К Лепорелло.)

Послушай. С господином ты своим,

Вы совершили вместе преступленье,

Которое заслуживает смерть.

Но, ради простоты твоей, тебя

Помиловать верховный суд согласен,

С тем чтобы свято нам ты обещал

Следить и наблюдать за дон Жуаном.

О каждом шаге должен ты его,

О каждом слове доносить - не то

Увы, мой сын,- смерть и проклятье церкви!

Л е п о р е л л о

(в сторону)

Вот этого еще недоставало!

(К инквизитору.)

Извольте, я готов за ним следить

И доносить про все с благоговеньем.

И н к в и з и т о р

Иди же с миром.

(Подавая ему кошелек.)

А червонцы эти

Дарит тебе святая инквизицья.

Л е п о р е л л о

(кладя кошелек в карман)

Беру - из уваженья. Господина б

Не продал я ни за какие деньги.

И н к в и з и т о р

Ступай, мой сын, но помни обещанье!

Ф и с к а л

Коль будешь ты болтать - костер и пытка!

Л е п о р е л л о

Не беспокойтеся, отцы святые,

Все можно сделать лаской из меня.

Мое почтение всему собранью!

А вы, сеньор Диего, вы себе

Других друзей ищите; на меня

Вы боле не надейтесь. Ваш слуга!

Лепорелло и шпион уходят в сопровождае-
нии стражи.

И н к в и з и т о р

Сомненья нет. Преступник был Маранья,

Еретик он, святого братства враг,

И на костре заслуживает смерть.

Ф и с к а л

Давно пример остывшей вере нужен.

Везде сильнее ересь возрастает
И слабые колеблются умы.
Сожженье дон Жуана де Маранья
Спасет от казни тысячу других.

И н к в и з и т о р

Так. Но принять в соображение надо,
Что он испанский гранд, богат связями,
Что явной на него улики нет
И что от слов он может отказаться.
Когда его мы прямо обвиним,
Наделает процесс наш много шума,
А преступленье так невероятно,
Что ропот всех подымет на нас.
Пожалуй, сам король за дон Жуана
Заступится, и этим пошатнется
Религии святой авторитет.

О д и н ч л е н

Процесс начать неловко. Но нельзя ж
Еретика оставить на свободе.

Д р у г о й ч л е н

Избавиться его есть много средств.

Т р е т и й ч л е н

Цель освящает средства. Братство наше
Нам дозволяет в случаях подобных
К кинжалу или к яду прибегать.

Ф и с к а л

Торжественную казнь в глазах народа,
Великолепное auto da fe

Я предпочел бы этой темной казни;
Но если все согласны, то я также
Даю мое согласие на кинжал.

---

* Дословно: дело веры (португ.).

И н к в и з и т о р

Итак, мы в настоящем заседанье
Торжественно, но тайно объявляем
Еретиком Жуана де Маранья,
Ему же ныне смертный приговор
Постановляем все единогласно.

Да будет так. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан сидит в задумчивости и держит
раскрытое письмо.

Д о н Ж у а н

Опомнись, дон Жуан! Какое чувство
В твоей груди проснулось опять?

Какой давно забытый, светлый мир
В тебе записка эта пробудила?

Чем донна Анна лучше всех других?

Такой же стан, и гибкий и прекрасный,

Не раз я обнимал; к устам таким же
Я прижимал горячие уста;
Такой же голос и такой же взгляд
Не раз меня Мадонной заклинали...
И этот взгляд, и голос, и моления,
И мой восторг, и жизни полнота
Все было ложь. Я обнимал лишь призрак,
От женщины, которую любил я,
Которую так ставил высоко
И на земле небесным исключеньем
Считал,- не оставалось ничего
Она была такая ж, как другие!
А, кажется, я понимал любовь!
Я в ней искал не узкое то чувство,
Которое, два сердца соединив,
Стеною их от мира отделяет.
Она меня роднила со вселенной,
Всех истин я источник видел в ней,
Всех дел великих первую причину.
Через нее я понимал уж смутно
Чудесный строй законов бытия,
Явлений всех сокрытое начало.
Я понимал, что все ее лучи,
Раскинутые врозь по мирозданью,
В другом я сердце вместе б соединил,

Сосредоточил бы их блеск блудящий
И сжатым светом ярко б озарил
Моей души неясные стремленья!
И если бы то сердце я нашел!
Я с ним одно бы целое составил,
Одно звено той бесконечной цепи,
Которая, в связи со всей вселенной,
Восходит вечно выше к божеству
И оттого лишь слиться с ним не может,
Что путь к нему, как вечность, без конца!
О, если бы из тех, кого любил я,
Хотя б одна сдержала обещанье!
Я им не изменял - нет, нет,- они,
Они меня бесстыдно обманули,
Мой идеал они мне подменили,
Подставили чужую личность мне,
И их любить наместо совершенства
Вот где б измена низкая была!
Нет, сам себе я оставался верен:
Я продолжал носить в себе ту мысль,
Которая являлась в них сначала;
Но вскоре я подлог их узнавал,
Одну покинув, я искал другую,
И, каждый раз все сизнова обманут,
С ожесточенным стал я любопытством

В них струны сердца все перебирать,
Когда ж они рвались, равнодушно
Изломанный бросал я инструмент
И дале шел и всюду находил
Одни и те же пошлые явления!
И в ярости тогда я поклялся
Любви не верить, ничему не верить.
Искал я в ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну в ней находил.
Да, я искал ее лишь для того,
Чтобы насмешкой мстить ее насмешкам...
А ныне? Что со мной? Что эти строки?
Зачем они надежду оживили?
Уж в третий раз прочитываю их,
И в сердце тог же непонятный трепет.
(Читает.)

"Я к вам писать решаюсь, дон Жуан,
Решаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объяснить с вами я должна.
Успехи ваши, нрав непостоянный,
Отчаянье и слезы стольких жертв,
К несчастью, мне давно уже известны.
Для вас легко любить и разлюбить...
Ужель вы также и меня хотели б
Игрушкой сделать прихоти своей?"

Нет, вопреки тяжелым обвиненьям,
Которых много так на вас лежит,
Мне говорит какой-то тайный голос,
Что уважать вас можно, дон Жуан!
Скажите ж, как должна я оправдать
Преследованья ваши? Может быть,
Вам самолюбье не дает покоя,
И требует вы, чтобы я вам
Сама в любви, призналась? Если так
Я притворяться доле не умею,
Я вас люблю - да - высказано слово,
Но, заклинаю вас святой Мадонной
И честью вашей заклинаю вас,
Меня увидеть боле не ищите;
Отныне я почла бы оскорбленьем
Старанье ваше сблизиться со мной.
Я вам призналась - вы достигли цели,
Теперь не трудно вам меня забыть".
(После некоторого молчанья.)
Как эти мне знакомы выраженья!
Такие ж строки часто я читал.
Вас заклинают честью, долгом, верой,
Потом свиданье робко назначают,
Потом придет развязка, а потом...
Исчезнет сон, и правды час наступит!

Все это я уж знаю наперед.
Но отчего ж записка донны Анны
Мне душу так волнует глубоко?
Встают опять чудесные виденья,
И манят снова призраки любви!
Так марево в пустыне аравийской
Пред путником рисует вдалеке
Озер и рек желанных очертанья;
Когда же он, собрав остаток сил,
Дотащится до них, изнеможенный,
Исчезло все. Пред ним одна лишь степь,
Песков сыпучих пламенное море!
(Смывает на письмо.)

Слова все те же, но как будто смысл
Другой, и будто между этих строк
Читаю я невидимые строки.
А вот и слез следы. Как будто дождь
Кропил руки неверной начертанья.
И это мне знакомо. Часто я
Такие пятнышки видал на письмах.
Нет, это не любовь. То кровь играет,
Желанья дразнит ненасытный бес!
Так что же? Где ж преграда? Или вкралось
Мне в душу состраданье? Или совесть
Меня тревожит? Что такое совесть?

Пойми себя, Жуан! Когда любовь
Есть ложь, то все понятия и чувства,
Которые она в себе вмещает:
Честь, совесть, состраданье, дружба, вер-
ность,

Религия, законов уваженье,
Привязанность к отечеству - все ложь!
Религия! Не на любви ль ее
Основано высокое начало?
Но если основанье есть ничто
Тогда и самое ничтожно зданье!
Двоякая в нем ложь заключена:
По мысли ложь и ложь по примененью.
Вы, райского вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для ваших жертв священные костры?
А вы, которых жгут благочестиво,
Вы, проповедники свободной мысли,
Вы для кого себя даете жечь?
Коль нет любви, то нет и убеждений;
Коль нет любви, то знайте: нет и бога!
Вы ж, за отечество в кровавых битвах
Бессмысленно губящие друг друга,
Вы можете ль сказать, кто приковал
К известному пространству человека?

Кто ограничил ваш свободный дух
Стеной, горами, морем иль заставой?
Когда б любовь оправдывалась в мире,
Отечеством была бы вся земля,
И человек тогда душою вольной
Равно любил бы весь широкий мир,
Отечеством бы звал не только землю,
Он звал бы им и звезды и планеты!
А совесть? Справедливость? Честь? Зако-
ны?

Все громкие и пошлые слова,
Все той же лжи лишь разные названья!
Что ж остается в жизни? Слава? Власть?
Но где венец, где светлая тиара,
Которые бы стоили труда
К ним руку протянуть? Какая власть
Того насытит, кто искал блаженства?
И если б все живущие народы
И всех грядущих поколений тьмы,
Все пали ниц передо мной - ужели б
Я хоть на миг ту жажду позабыл,
Которой нет на свете утоленья?
Все в мире ложь! Вся жизнь есть злая шут-
ка,
И, если все явленья перебрать

И призраки пустые все откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимок,
Который иногда, зажмурия очи,
Еще принять мы можем за любовь.
К чему же нам зазреньями стесняться?
Нет! Я мириться не могу с судьбой
И рабски покоряться тени. Нет!
Не веря ничему, ничем не сдержан,
Моим страстям я отпущу бразды;
Не разбирая средств, я каждой цели
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводит к донне Анне!
Я к ней влеком - она моею будет!
Не нужно мне лукавить, ни хитрить;
Я и досель в любовных приключениях
Не обольщал с холодностью бесстрастной
И никогда рассчитывать не мог.
Воображенью дать лишь стоит волю,
Оно меня на крыльях унесет,
Минутной верой мне наполнит душу,
Искусственной любовью опьянит;
Красноречиво жгучие слова

Из уст польются; как актер на сцене,
Я непритворно в роль мою войду
И до развязки сам себе поверю.
Так. Решено. Восстань же, дон Жуан!
Иди вперед как ангел истребления!
Брось снова вызов призраку любви,
Условий пошлых мелкие сплетенья
Вокруг себя, как паутину, рви
Живи один, для мщенья и для страсти!
Назло судьбе иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытие призван,
Плати насмешкой вечным их обманам
И, как корабль над бурным океаном,
Над жизнью так господствуй, дон Жуан!
Лепорелло, вбегает запыхавшись.

Л е п о р е л л о

Ай-ай, сеньор! О, о! Ай-ай! О, о!

Д о н Ж у а н

Откуда ты? И чем ты так встревожен?

Л е п о р е л л о

Откуда я? Сейчас все по порядку,
Сеньор любезный, все вам расскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнес вчера записку к донне Анне,
Дорогой я немного на мосту

Остановился посмотреть, все так же ль,
По-прежнему ль бежит Гвадалквивир?
Облокотяся на перилы, там
С час места я, не боле, оставался,
Как вдруг ко мне подходит господин
И в разговор со мной вступает; он
Наружности был самой благородной.
Поговорив со мной о том о сем,
Он предложил мне вместе отобедать
И угостил пуляркой...

Д о н Ж у а н
Что за вздор!

Л е п о р е л л о
И угостил пуляркой. Вдруг меня
Схватили, завязали мне глаза
И повели - куда? Ей-ей, не знаю,
Но где б вы думали я очутился?

Д о н Ж у а н
Ну, где же?

Л е п о р е л л о
В Casa santa, ей-же-ей!

Д о н Ж у а н
Ого! И что же там тебе сказали?

Л е п о р е л л о
Расспрашивали вежливо меня

О нашем нападении на стражу,
Когда мориско мы освободили.

Д о н Ж у а н

И, вероятно, ты во всем признался?

Л е п о р е л л о

Во всем упорно заперся, сеньор.

Д о н Ж у а н

Навряд ли. Но потом? Что было после?

Л е п о р е л л о

Потом, сеньор? Потом мы говорили

О важных государственных делах;

Они со мной советовались, как

Искоренить еретиков в Испании.

Д о н Ж у а н

Скажи, болтун, без лжи и отступлений,

О чем тебя расспрашивали там?

Л е п о р е л л о

Сеньор любезный, будьте осторожны,

Поверьте мне: святая инквизиция

Участие в вас большое принимает.

Д о н Ж у а н

Я по твоим глазам, мошенник, вижу,

Что ты болтал; но мне то все равно.

Чем кончился допрос твой?

Л е п о р е л л о

О сеньор,
Они меня настойчиво просили
О каждом вашем слове, каждом шаге
Им доносить.

Д о н Ж у а н
Ты принял порученье?

Л е п о р е л л о
Что было делать? Там у них лежат
Какие-то железные ботинки.

Д о н Ж у а н
Когда они хотят за мной следить,
Дела мои еще не слишком плохи.
Я к сведенью участие их приму;
Ты ж, Лепорелло, будешь к ним являться
И доносить им, слово в слово, то,
Что каждый раз тебе я продиктую.

Л е п о р е л л о
Душевно рад, сеньор. Но хорошо б
На время вам Испанию оставить.

Д о н Ж у а н
Теперь оставить? Ни за что на свете!

А донна Анна?

Л е п о р е л л о
То-то донна Анна!

Из-за нее бы не нажать беды!

Ей-ей, поверьте мне, остепенитесь,
В опасную играем мы игру.

(Уходит и тотчас возвращается.)

Сеньор, что я сейчас вам сообщил,
Не правда ли, останется меж нами?
Ведь это государственная тайна,
Я им честное слово дал.

Д о н Ж у а н

Ступай.

Лепорелло уходит.

(Один.)

Итак, я нахожусь под наблюденьем
Святых отцов. Мне по сердцу борьба!

Я обществу, и церкви, и закону

Перчатку бросил. Кровная вражда

Уж началась открыто между нами.

Взойди ж, моя зловещая звезда!

Развейся, моего восстанья знамя!

ДОМ КОМАНДОРА

Командор и дон Октавио.

К о м а н д о р

Сеньор, мне тяжело, мне очень больно

Нежданном вас отказом огорчить,

Но дочери я не могу неволить.

Ее уж выбор сделан. Дон Жуан

Из уст ее уж получил согласие.
Я ваши чувства знаю и ценю;
Поверьте, я люблю вас, дон Октавио,
Я сам, как вы, глубоко огорчен.
Ведь этот брак моею был мечтою,
Я вас давно хотел усыновить.
Но вы, не правда ль, будете нам другом
И братом донне Анне. Видит бог,
Я вам хотел отдать ее. Что ж делать?
Судьба не так решила. Дайте руку!

Д о н О к т а в и о

О мой отец! Могу ли я еще
Назвать вас этим именем священным?
Прощайте, дон Альвар. Скажите ей,
Что я иду - куда? И сам не знаю!
Иду я дале, дале от нее.

Забывать ее я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, дон Альвар!

К о м а н д о р

Постой, Октавио. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

Д о н О к т а в и о

Что значат эти речи, дон Альвар?

К о м а н д о р

Октавио, послушай. Если вправду

Ты любишь дочь мою - не уходи.
Я все скажу. Недаром сердце
Предчувствует беду. Ты знаешь Анну,
Ее душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просил ее, напрасно
Молил отсрочить горькую помолвку
Не помогли мольбы, ни увещанья.
Она бы помешалась иль зачахла,
Когда б я власть мою употребил.
Ее умом теперь Жуан владеет,
В ее душе лишь он один царит.
Быть может, я несправедлив. Быть может,
Он искренно отрекся для нее
От прежних заблуждений. Он святыней
Клялся мне отказаться навсегда
От бурной жизни юношеских лет.
Дай бог! Но сердце чует, дон Октавьо,
Что дочь не будет счастлива за ним.
Я стар, уже давно гляжу в могилу.
Случиться может, я умру сегодня ж
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другом ей, Октавио, будь братом;
А если он свою забудет клятву
И если оскорбит мое дитя

Будь мстителем ее! Клянись мне, сын мой,
Своей сестры в беде не покидать!

Д о н О к т а в и о

Тяжелый долг, отец, на сердце мне

Ты просьбою своею возлагаешь.

Их счастья быть свидетелем я должен!

О, лучше б тысяча смертей! Но если

Она еще нуждается во мне,

Я принимаю это унижение,

Я остаюсь. Во всем, о дон Альвар,

Клянусь тебе, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна. У ног ее сидит дон Жуан.

Д о н н а А н н а

Так это правда? Это не обман?

Меня ты любишь искренно, сердечно?

Других ты женщин для меня забыл?

Меня одну всегда любить ты будешь

И не раскаешься?

Д о н Ж у а н

О донна Анна!

Тебя одну и вижу я и помню.

Всю жизнь мою до этого мгновенья,

Все, что я прожил, все, что ощущал,

Я все забыл! И как впадают в море,

В бездонное, все реки и ручьи,
Так, без следа, мои воспоминанья
В твоей любви теперь поглощены!

Д о н н а А н н а

Я часто так во сне тебя видала,
Как ты теперь у ног моих сидишь;
Во сне я так в глаза тебе глядела,
И было в них темно и глубоко;
И мне хотелось глубже в них взглядеться,
И я в них дна не находила; мне
Казалось, что в пропасть я гляжу;
И страшно было, и так сладко вместе!
Что, если и теперь я вижу сон?

Д о н Ж у а н

Нет, жизнь моя! Все призрак и мечта,
Все дым и сон - одна любовь есть правда!

Д о н н а А н н а

И любишь ты давно меня, Жуан?

Д о н Ж у а н

Давно? Всегда! Твой образ, донна Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда один, в крушительной тревоге,
Я с жизнью боролся, как пловец,
Тебя мой взор отыскивал вдали,
Тебя увидев, берег я увидел.

Д о н н а А н н а

О мой Жуан! И я была одна,
И мне тебя всегда недоставало!
Зачем отцу ты прежде не открылся?

Д о н Ж у а н

Меня пугал его суровый нрав.
Боялся я отказа. И теперь
Я б не решился говорить, когда бы
Он не застал меня у ног твоих.

Д о н н а А н н а

То, видно, нас соединило небо!
Но, милый друг, теперь, когда нашли
Мы оба в жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бег?
Какую цель своим поставишь силам?
Душе высокой, светлomu уму
Какую ты задашь теперь задачу?

Д о н Ж у а н

Весь мир открыт пред нами, донна Анна;
Моя душа свободна и ясна.
К чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставим
Мы этот разговор. Теперь любовь,
Одна любовь моею будет целью!

Д о н н а А н н а

Ты сам себя не знаешь, дон Жуан,
Но сердцем я давно тебя постигла.
Я буду помогать тебе. Когда
Любовь твои стремленья заградит,
Я, я, Жуан, тебе о них напомню.
Я не хочу тебе преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мешать я не должна. Но что с тобой?
Какая мысль твой омрачила взор?

Д о н Ж у а н

Я вспомнил... да, прости мне..

Д о н н а А н н а

Что ты вспомнил?

Д о н Ж у а н

Что ты меня не первого уж любишь.

Д о н н а А н н а

Как? Ты ревнуешь?

Д о н Ж у а н

Дон Октавьо был

Тобой любим.

Д о н н а А н н а

И ты ревнуешь? О,

Скажи мне все, расспрашивай меня

Я отвечать на все тебе готова!

Д о н Ж у а н

Чистосердечью твоему я верю.

Д о н н а А н н а

Но ты, не правда ль, часто был обманут,
И оттого ты стал ревнив?

Д о н Ж у а н

Напротив,

Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я место уступал; когда ж соперник
Мне докучал без повода и права,
Меж нами спор моя кончала шпага
И не давала времени созреть
Ревливости. Я чужд ее остался.

Д о н н а А н н а

Что ж значили сейчас твои слова?

Д о н Ж у а н

Вот видишь ли: любовь я в мысли ставлю
Так высоко, так свято понимаю
И для меня ее так нежен цвет,
Что от малейшего прикосновенья
Легко мрачится он и увядает.
Когда любил я и когда во мне
Другой, неясный образ зарождался,
Я, чтоб любви священное начало
Борьбою двух явлений не нарушить,

Спешил расстаться с той, кого любил...

Д о н н а А н н а

Расстаться, дон Жуан? Но отчего же
В тебе тот чуждый образ зарождался?

Д о н Ж у а н

Не знаю сам. Но я с собой был честен
И двум идеям вместе не служил.

Просторно сердце женщины, напротив;
В нем резкие противоречья могут

Ужиться рядом. В нем бывает слышен,
Среди любви живой и настоящей,

Нередко запоздалый отголосок

Другой, отжившей, конченной любви.

Вины тут нет: подобные явления

В природе женской. Но делиться я

И с тенью даже не могу тем сердцем.

Которое мне отдалось. В нем

Я должен быть один.

Д о н н а А н н а

Ты в нем один.

То чувство, что тебя смущает, было

Одно ребячество, и я тогда

Сама себя еще не понимала.

Д о н Ж у а н

Но, может быть, ты и теперь вполне

Себя не понимаешь?

Д о н н а А н н а

Дон Жуан,

Не оскорбляй меня таким сомнением.

Когда б я не уверена была

В себе самой, когда б я колебалась,

Я бы твоей любви не приняла,

Мне собственная гордость помешала б

Собой располагать. Нет, я твоя!

С сознанием твоя и без раздела!

Д о н Ж у а н

О ангел мой, клянись мне в том скорей,

Клянись всем, что для тебя священно!

Д о н н а А н н а

Клянусь тебе пречистою Мадонной,

Клянусь тебе Спасителя крестом,

Клянусь отца священной сединою,

Клянуся прахом матери моей

Вся жизнь моя и все мои мышленья

Навек, Жуан, тебе принадлежат!

Д о н Ж у а н

А если бы тебе я изменил?

Д о н н а А н н а

В тебя я верю; мне того довольно

Не требую я клятвы от тебя!

Д о н Ж у а н

Однако если б?

Д о н н а А н н а

Если бы в тебя

Я верить перестала, о, тогда...

Д о н Ж у а н

Что б сделала тогда ты?

Д о н н а А н н а

Дон Жуан,

Не спрашивай меня, мне страшно думать,

Я не хочу о невозможном думать!

Д о н Ж у а н

И не тревожишься ты тем, что я

Уж изменил столь многим?

Д о н н а А н н а

Сознаюсь,

Мне эта мысль не раз уж приходила.

Но для меня скрывается тут тайна;

Сейчас ты что-то намекнул об этом,

Но я тебя, Жуан, не поняла.

Не может быть, чтобы с подобным взгля-

дом,

С улыбкой этой, с голосом твоим

Была совместна ложь. Не может быть,

Чтобы когда-нибудь ты притворялся

И мог смеяться над любящим сердцем!
Нет, не таким является обман!
В его очах заметно беспокойство,
Изысканна его бывает речь,
И самое старание казаться
Прямым, и откровенным, и правдивым
Его всегда невольно выдает.
Ты не таков. Не хочешь ты казаться,
Нет ничего поддельного в тебе;
Ты не старался предо мною скрыть
Своих ошибок или недостатков.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молве,
Глубоко я была возмущена
И сильно на тебя негодовала;
Когда же я увидела тебя,
Невольное сомнение во мне
Насчет худой твоей возникло славы;
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты в это время
Сближаться с нами понемногу стал,
И, чем с тобою чаще я встречалась,
Тем каждый раз мне делалось яснее
Противоречье меж твоей душой

И жизнь твою. Я поняла,
Что есть в тебе какая-то загадка.
Да, дон Жуан, загадка есть в тебе.
Твоих бровей грозящая дуга
Являет самолюбие и гордость,
В твоих очах видна бывает грусть
Но непритворен лик твой благородный,
И в этом сердце места нет для лжи!

Д о н Ж у а н

О, пронизательность души любящей!
Так. Для обмана не был я рожден.
Когда б из тех, кого я в жизни встретил,
Хотя б одна с тобой могла сравниться,
Я не был бы теперь у ног твоих!

Д о н н а А н н а

Мне говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законов,
Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
Твои ошибочно толкуют мысли.
Не правда ли, со временем, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты все мне скажешь?

Д о н Ж у а н

Жизнь моя! Зачем,
Чего мне ждать? Теперь, не отлагая,

Я все тебе скажу. Ты не похожа
На прочих женщин; все тебе доступно.
Суди меня - и, если я виновен,
Я пред твоим склонюся приговором.
Тебя не обманули. Да, я враг
Всего, что люди чтут и уважают.
Но ты пойми меня; взгляни вокруг:
Достойны ль их кумиры поклоненья?
Как отвечает их поддельный мир
Той жажде правды, чувству красоты,
Которые живут в нас от рожденья?
Везде условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболепство!
Весь этот мир нечистый я отверг.
Но я другой хотел соорудить,
Светлей и краше видимого мира,
Им внешность я хотел облагородить;
Мне говорило внутреннее чувство,
Что в женском сердце я его найду,
И я искал. Зачем тебя смущать
Рассказом долгих, горьких заблуждений?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.
Д о н н а А н н а
О, не страшися своего доверья!
Да, все я понимаю. Но скажи мне,

Чего ты ждал от тех, кого любил?
Чем был ты оскорблен иль чем обманут?
Чего ты требовал? Скажи мне все!

Д о н Ж у а н

Чего я ждал от них, чего искал,
Определить уже не в силах я.
Теперь я все нашел, теперь я счастлив!
Неполно было б это чувство, если б
Его словами выразить я мог!

Д о н н а А н н а

А я, Жуан, когда б мою любовь
Могла измерить или обозреть,
Мне было б страшно; я боялась бы,
Что до тебя она не достигнет.
Но меры нет в ней! Нет во мне боязни!
Сомнений нет! Я в будущее верю,
Как верю в бога и в тебя, Жуан!

Д о н Ж у а н

Да! Верь, о ангел! Верь! Нам надо верить!
Лишь в вере счастье! Миг единый веры
Есть вечность. Пусть он нашу жизнь по-
глотит!

Прочь думы! Прочь сомненья хладный
червь!

Забудем все! Весь мир! Себя самих!

В одном восторге и в одном блаженстве
Смешаем жизнь и смерть!

Входит командор.

К о м а н д о р

Сеньор, простите.

Вам долго вместе быть еще нельзя.

Никто еще не извещен в Севилье

О вашем сватовстве. Но я сегодня

Пошлю к родным и близким приглашенье,

Чтоб съехались на стовор; до того ж

Вам видеться лишь можно на гулянье.

Обычай так велит. Коль вам угодно,

Вы встретите нас завтра у фонтана

В тот час, когда взойдет луна.

Д о н Ж у а н

(в сторону)

Проклятье!

Холодною водой меня он обдал.

Он мне напомнил, что любовь есть при-
зрак,

Что я сюда пришел лишь роль играть.

Перехитрил старик, поторопился

Накидывать аркан свой на меня!

(К командору.)

Сеньор, тяжел ваш строгий приговор,

Но я во всем вам покоряться должен;
До завтра я изгнанию обречен.

К о м а н д о р

Простите, дон Жуан. Мы у фонтана
Вас встретим завтра.

Д о н Ж у а н

Я не опоздаю!

(Уходит.)

К о м а н д о р

(про себя, следя за ним глазами)

Как омрачилось вдруг его лицо!

Не в первый раз уже я замечаю,

Что выраженье ясное внезапно

В нем исчезает и вокруг бровей

И возле уст играет и змеится

Насмешливо-суровая черта.

Не нравятся мне эти перемены!

Д о н н а А н н а

(ласкаясь к отцу)

Ты все еще не примирился с ним?

Не бросил ты своих предубеждений?

К о м а н д о р

Его любить готов я горячо,

Когда твою любовь он оправдает.

Д о н н а А н н а

Но ты ему не веришь. Для меня
Свое ты пересилил отвращенье,
Свой нрав крутой с трудом переломил ты,
К улыбке принужденной приневолил
При встрече с ним ты свой враждебный
лик;

О мой отец, не сожалей о том,
Что дал ты нам согласие. Ты знаешь,
Тебе во всем покорна я была;
Но сердцу я приказывать не в силах,
Любить я вполонину не могу.
Вот видишь ли, во мне частица есть
Твоей решимости. Когда бы ты
Нас разлучил, о, что б со мною было!
Тебя любить, отец, я перестала б,
С тобой остаться я бы не могла!

К о м а н д о р

Ты никогда ни в чем не знала меры.
Бывало, до его знакомства с нами,
Когда о нем лишь заводили речь,
Ты слов не находила порицать
Его двуличный и коварный нрав;
Когда о нем упоминали только,
Ты изменялась вся в лице; тебе
Чудовищем казался он, а ныне...

Но я не упрекать тебя пришел.
Он твой жених; любить его ты вправе;
Но ты теперь в другую впала крайность:
Все совершенства ты находишь в нем,
На все ты смотришь лишь его очами,
От собственных суждений отреклась.
Дитя, поверь мне, крайности опасны,
Их избегать должно благоразумье
И среднюю дорогою идти.

Д о н н а А н н а

О, не брани меня! Я сознаюсь,
Что не всегда так думала, как ныне;
Но я не вдруг переменяла мысли,
Не ветрено ему я отдалась.
Нет, кровь твоя течет во мне не даром,
Моей любви, отец, я знаю цену
И важность всю поступка моего.
О нем, отец, я долго размышляла
И долго, перед тем чтобы решиться,
Испытывала я сама себя.

Припомни, как ты нынешней весною
Со мной садился ночью у окна
Дышать прохладой и внимать гитарам,
Которые вблизи, вдали, кругом
До самого рассвета раздавались.

Он часто мимо проходил тогда,
И останавливался у решетки,
И начинал с тобою разговор,
Не много на меня вниманья он
В то время обращал; но я, напротив,
Уже тогда, молве не доверяя,
Его старалась втайне изучить.
Для вас обоих часто неприметно
И будто ненарочным словом я
Давала направление беседе
И вызывала вас на мирный спор;
Сама ж над ним я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и после,
Одна, в моем покое запершись,
Я проходила весь ваш разговор,
И каждое им сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взгляд его припоминала
И долго, долго взвешивала их.
Так этот нрав, не понятый никем,
Себе я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отец, ты сам его
Не безусловно осуждал. Ты часто
Его благоразумию дивился
И говорил, шутя, ему не раз:

"Вы, дон Жуан, боюсь, повредите
Себе во мненье дам: в тот час, когда
Другие им приносят серенады,
Теряете вы золотое время
Со мною, стариком!" Потом, когда
Ко сну я отходила, часто ты,
Со мной прощаясь, говорил: "Однако
Мне нравится довольно дон Жуан;
Гораздо он скромнее, чем я думал,
И старость он умеет уважать.
Его мне слишком черным описали".
Не так ли было, мой отец?

К о м а н д о р

Все правда,
Обворожить умел он и меня;
Я был неосторожен. Но в то время
Не думал я, что ты его полюбишь...
Иные были у меня надежды.

Д о н н а А н н а

Да, мой отец, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.
Сперва во мне проснулось любопытство,
Потом участие; а потом, лишь только
Я поняла значенье дон Жуана,
Участие обратилось в удивленье,

И волю я любви тогда дала
Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты прав, отец мой, я его люблю
Без памяти, без воли, без сознанья!

К о м а н д о р

Храни господь тебя, мое дитя,
От позднего раскаянья!

Д о н н а А н н а

Я знаю,

Тебя страшит прошедшее его.
Но верь, отец, минувшие те бури
Порукой нам грядущих ясных дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Он был преступен, но порочен не был.

Его дела нельзя равнять с другими,
И общей мерой мерить их нельзя.

Кто над другими так стоит высоко,
Чья мысль проникнуть алчет в недра жиз-

ни,

Кто в ней, как средь египетского храма,
Гиероглифы видит и загадки,
И объяснить себе их вечно хочет,
И вечно неудачей раздражен
Тому невыносим условий гнет,
И тот не мог законам подчиниться,

Дорогою избитою идти!
Иных путей душа его искала,
Неясная звезда его вела,
Ему другой души недоставало,
Которая б понять его могла!
Из женщин не одна его любила,
Но их союз был слишком боязлив;
Пугала их его стремлений сила,
Его ума несдержанный порыв!
И робко все остались у преддверья,
Когда он смело шел во храма тьму,
Жуана сердце требует доверья,
И я, отец, поверила ему!
Я отдалась ему душою вольной,
И к правде путь мы вместе совершим;
Ему помочь есть сил во мне довольно
Моя любовь меня сравняла с ним!
К о м а н д о р
Мой милый друг, к чему нам снова спо-
рить

И рассуждать о том, что решено!
Д о н н а А н н а
(обнимая отца)
Будь добр к нему! Оставь свои сомненья!
К о м а н д о р

Дитя мое, я вас благословил,
И с той поры он сделался мне дорог.
Д о н н а А н н а
О мой отец, поверь ему, как я!
Тот дон Жуан, который бурной жизнью
Негодование наше возбуждал,
Не есть Жуан счастливый, возрожденный,
Который ныне любит дочь твою!
Будь добр к нему! Когда мы завтра ночью
С ним на условленном сойдемся месте,
Не оскорбляй холодностью его!
К о м а н д о р
Я оскорблять Жуана не намерен.
Но... я сейчас с Октавьо говорил.
Узнав из уст моих, что для него
Надежды нет, хотел он удалиться,
Искать хотел он смерти где-нибудь.
Я удержал его - он был нам другом,
Я упросил его остаться с нами
Он здесь. Судьбе тяжелой он покорен.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была к нему не без участия прежде.
Он в горести, и много облегчило б
Его твое приветливое слово...
Скажи, согласна, ль ты его принять?

Д о н н а А н н а

К чему, отец мой? Что ему сказать?

Оставь свиданье до другого раза!

К о м а н д о р

(про себя)

Любовь жестока и себялюбива;

Она собою только занята.

Ее, как сон, приятно опьяненье

Но горестно бывает пробужденье!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан в богатой одежде. Лепорелло надевает на него

кружевной воротник.

Л е п о р е л л о

Вот так. Лишь дайте эту цепь поправить,

И настоящий вы теперь жених!

Ну, слава богу! Мы остепенелись,

И жизни безалаберной конец!

А знаете ль, сеньор, что вся Севилья

Завидует вам?

Д о н Ж у а н

Право? Но откуда

Ты взял, что я хочу жениться?

Л е п о р е л л о

Как?

Да разве не объявлена уж свадьба?
Нет, вы теперь жених, и, слава богу,
Вам на попятный двор уже нельзя!

Д о н Ж у а н

Жениться не намерен я.

Л е п о р е л л о

Позвольте,

Позвольте, что это такое? Как?

Досель вы изменяли, это правда,

Но не были ничьим вы женихом

И слово никому вы не давали;

А слово вещь святая. Быть не может,

Чтоб вы хотели взять его назад!

Д о н Ж у а н

Его возьмет назад сама невеста.

Л е п о р е л л о

Как? Донна Анна вас чтоб разлюбила?

Коль на нее рассчитывали вы,

То я совсем на этот счет спокоен;

Она вас любит, как досель никто.

Нет, вы теперь уже не отвертитесь,

Уж дело в шляпе. И позвольте мне

Вам принести покорнейшую просьбу:

Вы знаете, как честно я всегда

И бескорыстно вам служил, как ваши

Любовные я часто порученья
С опасностью здоровья исполнял.
Теперь за все заслуги я прошу,
Чтобы, когда у вас родятся дети,
Вы мне их воспитанье поручили
И жалованье положили б мне,
Приличное наставнику. Сеньор,
Я хвастать не хочу, я не ученый;
О нет! Но что касается до чести,
Поспорить я могу с великим Сидом,
Дурному я детей не научу!

Д о н Ж у а н

(смотрит в окно)

Луна взошла. Дай плащ мне и гитару.
(В сторону.)

Решительным ударом кончить надо!
Старик откажет мне и на шумит;
А перед ней найду я оправданье
И без отца сойдуся с ней опять!

Л е п о р е л л о

(подавая гитару и плащ)

Задайте ж ей скорее серенаду.

Они ведь это любят. В женихе

Предупредительность всегда похвальна!

Дон Жуан уходит.

(Один, потирая руки.)

Ну, слава богу! Скоро отдохнем!
Его понудить к браку было надо,
Как робкого купальщика, который
Воды холодной до тех пор боится,
Пока его насильно не толкнут.

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА

Два кавалера встречаются.

П е р в ы й к а в а л е р

Вы слышали ли новость? Дон Жуан
Посватан с донной Анной.

В т о р о й к а в а л е р

Быть не может!

П е р в ы й к а в а л е р

Увидите; они сегодня вместе
Здесь будут на гулянье. Кто б подумал,
Что кончит так похвально дон Жуан?
Двое других в разговорах.

П е р в ы й

Я этому поверю лишь тогда,
Когда увижу сам. Пусть кто другой
Но дон Жуан - продать свою свободу!

В т о р о й

Сеньор, напрасно вы так говорите,
Дочь командора хороша, как день,

Охотно был бы на его я месте!
Пожилая дама с супругом и дочерью.

Д а м а

И что они нашли в нем? Как отец
На то мог согласиться? Ни за что б
Не отдала ему я Инесильи!

С у п р у г

Гм, гм!

Д о ч ь

За что его так все бранят?
Что в нем дурного, маменька?

Д а м а

Молчи,

Тебе рассказывать про это рано.

Две молодые дамы.

П е р в а я

Как мог в нее влюбиться он? Скажи,
Что в ней хорошего?

В т о р а я

Одно кокетство!

Она его кокетством завлекла!

Несколько кавалеров и дам.

П е р в ы й к а в а л е р

Здесь подождем. Они сюда придут.

П е р в а я д а м а

Но донне Кларе, может быть, теперь
Не хочется увидеть дон Жуана?

В т о р а я д а м а

Зачем же, если донне. Консепсьоне
Приятно будет встретить вместе с ним
Счастливую соперницу свою!

П е р в а я д а м а

Когда бы мне он сделал предложенье,
Я молча дверь ему бы указала.

В т о р а я д а м а

Как жаль, что он не сделал вам его!

В т о р о й к а в а л е р

Вот он идет! Смотрите! И гитара
В его руке. Зачем теперь гитара?
То прежде кстати было бы, когда,
Вздыхая, он у дома командора
Простаивал до самого утра.

Т р е т ь я д а м а

Как он глядит на эти окна. Кто
Живет над тем балконом?

Т р е т и й к а в а л е р

Как, над тем?

Не смею вам сказать, сеньора, там...
Живет одна... одна... Не смею, право!

Т р е т ь я д а м а

Смотрите, он остановился. Он
Гитару строит. Кто же там живет?
Т р е т ь и й к а в а л е р
Глазам своим не верю! Там живет
Потерянная женщина одна
По имени Нисета. Целый город
Нисету знает, но никто б не смел
На улице ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Как?
Он сбросил плащ, он шляпу загибает,
Его лицо освещено луной,
Как будто хочет он, чтоб вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишком!
Возможно ль! Он поет!

Т р е т ь я д а м а
Какая наглость!

Д о н Ж у а н
(поет под балконом)
Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйдя, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовью стора,

Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!
Н и с е т а
(показываясь у окна)
О дон Жуан, уйдите, ради бога!
Вы губите меня. Скорей уйдите!
Когда о том узнает командор,
Он заколоть меня велит. Молю вас...
Д о н Ж у а н
(продолжает)
От Севильи до Гранады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам,
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

В продолжение серенады подходит командор, под руку с донной Анной, и останавливается, в некотором расстоянии.

К о м а н д о р

Как? Что? Не может быть! Не верю! Нет!

Дон Жуан оборачивается к нему, продолжая перебирать струны.

Так! Это он! Злодей! Бездельник! Изверг!

(К тем, которые хотят удержать его.)

Прочь от меня!

(К Дон Жуану, обнажая шпагу.)

Бездельник! Шпагу вон!

Д о н Ж у а н

(насмешливо)

Сеньор, умерьте гнев ваш. Это шутка.

К о м а н д о р

Вон шпагу, иль убью тебя!

Д о н н а А н н а

О боже!

Д о н Ж у а н

Сеньор, не горячитесь. Это шутка.

Я забавлялся.

К о м а н д о р

(выпадая)

Так умри ж теперь!

Д о н Ж у а н

(отскакивает и вынимает шпагу)

О, если так, извольте, я готов!

Дерутся. Командор роняет шпагу. Дон Жуан скрывается.

К о м а н д о р

Я ранен! Дочь! Ко мне... Я умираю!

Д о н н а А н н а

Отец, отец! О боже! Помогите!

Врача! Скорей врача!

К о м а н д о р

(падая)

Не надо, Анна.

Сюда, мое дитя... нагнись поближе...

Ко мне поближе, Анна. Милый друг,

Дитя мое, прости! Я умираю...

Одна теперь осталась ты на свете...

Ты сирота... но друг есть у тебя...

Октавио... Не отвергай его...

Быть может, после... через год... о Анна,

Нет сил... Я умираю...

(Умирает.)

Д о н н а А н н а

(бросаясь на труп отца)

Боже, боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА

Дон Жуан и Лепорелло, в разговоре.

Л е п о р е л л о

Охота, право, вам была, сеньор,

Связаться с этим стариком. Извольте

С его семейством справиться теперь!

Д о н Ж у а н

Я знать не мог, что он остервенится

И бросится со шпагой на меня.

Покойник бешен был не по летам.

А я хотел его лишь подразнить

И отучить настаивать на свадьбе.

Л е п о р е л л о

Так только в том была его вина,

Что сделаться хотел он вашим тестем?

Ну, что ж? И слава богу! В добрый час!

Давно бы вам пора остепениться.

Что мы за жизнь ведем? Скажите сами.

А донна Анна чем была не пара?

Вы были бы теперь отцом семейства

И жили б смирно, тихо, хорошо,

Как бог велит, и прыгали б вокруг вас

Без счета и числа мал мала меньше.
Все маленькие дон Жуаны. Да.

Д о н Ж у а н

Приятная картина в самом деле,
Но забываешь ты, что года нет
С тех пор, как я был женихом.

Л е п о р е л л о

Так что же?

Вы в полгода успели б сделать то,
На что другим бывает жизни мало;
Вы время не теряете.

Д о н Ж у а н

Глупец.

Л е п о р е л л о

И кажется, ведь вы ее любили,
По крайней мере, больше, чем других.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потом.

Д о н Ж у а н

Я и теперь люблю ее.

Л е п о р е л л о

Быть может,

Да проку-то от этого нам мало.

Теперь небось не сунетесь вы к ней.

Д о н Ж у а н

Она моею будет. Так хочу я.

Я до моей достигну цели.

Л е п о р е л л о

Ой ли?

Спровадивши отца, за дочкой вы

Уж не хотите ль снова волочиться?

Д о н Ж у а н

Я никому ее не уступлю.

Л е п о р е л л о

Ха-ха! Го-го! А дон Октавьо? А?

Я чай, уже теперь их свадьба близко;

Пожалуй, донна Анна уж за ним.

Д о н Ж у а н

За ним иль нет, она моею будет.

Л е п о р е л л о

Забавная была бы то исторья!

Ха-ха! Как, донна Анна?

Д о н Ж у а н

Полно врать.

Смотри. Ты видишь этого гидальго,

В плаще и маске, что минут уж с пять

Взад и вперед все ходит перед нами?

Спроси его, чего он хочет.

Л е п о р е л л о

Как?

Вон этого? Не лучше ль нам, сеньор,
Убраться от него подале?

Д о н Ж у а н

Трус!

Спроси его сейчас, чего он хочет.

Л е п о р е л л о

Поверьте мне, уйдемте лучше прочь,

Не нравятся мне новые знакомства.

Д о н Ж у а н

Так оставайся. Я его спрошу.

(Идет навстречу незнакомцу.)

Кого вам надобно, сеньор?

Н е з н а к о м е ц

Сеньор,

Ищу я дон Жуана де Маранья,

К нему есть у меня письмо.

Д о н Ж у а н

Подайте,

Я дон Жуан.

Незнакомец, подавая письмо, хочет ударить дон Жуана кинжалом.

Дон Жуан хватает его за руку и сжимает ему горло.

В другой раз будь ловчее!

Мне голос твой знаком. Эй, Лепорелло!

Л е п о р е л л о

(издали)

Я говорил, сеньор, уйдем! Ну, что же?

Вы ль держите его, иль он вас держит?

Н е з н а к о м е ц

Простите, я ошибся.

Д о н Ж у а н

Вижу, друг.

Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

Л е п о р е л л о

(издали)

Сейчас, сеньор! Башмак мой развязался!

Д о н Ж у а н

Трус! Я держу разбойника. Иди!

Л е п о р е л л о

(издали)

Держите же покрепче. Да кольните

Его сперва немножко под ребро.

(Подходит с осторожностью.)

Д о н Ж у а н

Сними с него скорее маску.

Лепорелло снимает с незнакомца маску.

Как?

То наш приятель Боабдил? Мориско,

Которого спасли мы от костра?

Скажи, за что хотел меня убить ты?

Что сделал я тебе?

Б о а б д и л

Сеньор, простите,

Я силою был вынужден к тому.

Освобожденный вами так чудесно,

Я пойман был опять. Святое братство

Мне обещало полное прощенье,

Когда я вас убью в известный срок;

Не то - я должен быть сожжен. Сегодня

Срок кончился.

Д о н Ж у а н

Итак, любезный друг,

Тебя сожгут. Но кто ж тебе мешал

Уйти и скрыться где-нибудь?

Б о а б д и л

Нельзя!

За мной следят. Меня б опять поймали.

Д о н Ж у а н

Ты, видно, снова принял христианство?

Б о а б д и л

Вторично; вам к услугам.

Д о н Ж у а н

Но зачем

Ты в первый раз отрекся от Христа?

Б о а б д и л

Торговлю я веду с тунисским беем,
В Берберию невольниц поставляю.

Д о н Ж у а н

Причина недурна. Ты веришь в бога?

Б о а б д и л

Смотря по обстоятельствам, сеньор.

Д о н Ж у а н

А в совесть веришь?

Б о а б д и л

В совесть? Как придется.

Д о н Ж у а н

Я вижу, ты мошенник откровенный.

Философ ты, не зная сам того.

Без размышлений дальних и глубоких,

Ты до того же вывода дошел,

К которому меня приводит опыт

И логики неумолимой нить.

Куда ж ты денешься теперь?

Б о а б д и л

Теперь?

Когда бы были у меня цехины,

Я где-нибудь фелуку бы достал

И сделался б пиратом.

Д о н Ж у а н

Лепорелло!

Сейчас его в дворец мой проводи.
Пусть спрячется он. Там его не будет
Искать теперь святая инквизиция.
Да угости его как можно лучше,
Он мой приятель. В бога он не верит.
Я этаких людей люблю. Ступайте.

Л е п о р е л л о

(снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу)

Дон Боабдил, слуга я ваш покорный!
Рекомендуюсь вам. Я в бога верю;
Но, может быть, я ошибаюсь. Если
Один лишь черт вселенной господин,
На том свету прошу вас мне у черта
В протекции своей не отказать.
Уходят вместе.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Д о н н а А н н а

(вся в черной одежде сидит у окна)
Как в ясный день крушительная буря,
Так на меня обрушилась судьба.
О мой отец! Услышь меня из гроба!
Перед тобой его я обвиняю!
Да, он тебя не одного убил.

Он, он убил души моей святыню,
Надежды все и чистые мечты,
Заветные убил он убежденья,
Он все убил! В отчаянье он ввергнул,
В безверие низринул дочь твою!
То был дух тьмы, вид ангела принявший,
Но в нем не я ошиблась - нет, не я!
Отец мой, не вини меня! Предвидеть
Никто не мог того, ни угадать.
Здесь выводы нарушены событий,
Насилован предвечный ход судьбы;
То истин всех закон непогрешимый
Разбился о двуличие его!
Нет, не меня ты обманул, Жуан,
Ты обманул и бога и природу!
Входит дон Октавио. Она его не замечает.
Д о н О к т а в и о
(после долгого молчания)
Уж год к концу приходит, донна Анна,
С тех пор, как страшный вас постиг удар.
Ужели нет вам в горе облегченья?
Отчаянью ужели нет конца?
Все так же вы бледны и молчаливы,
Все так же смотрит ваш недвижный взор;
О, если бы на миг я вас увидел,

Какою я когда-то вас знавал!

Д о н н а А н н а

Прошло то время, дон Октавьо. Ныне

Пора другая настает. Я стала,

Вы видите, спокойнее теперь.

Я в монастырь решилась удалиться.

Д о н О к т а в и о

Что слышу я? Возможно ль, донна Анна?

Д о н н а А н н а

Я так решилась, дон Октавьо.

Д о н О к т а в и о

Нет!

Я не могу молчать пред вами доле!

Я дал себе святое обещанье

Не говорить вам о любви, но нет,

Молчать нет силы доле. Донна Анна!

Я вас люблю, как никогда никто

Доселе не любил еще на свете!

Я вас люблю не для себя. Бог видит,

Нет жертвы, нет такого униженья,

Которого б не принял я для вас.

Мученья ада были бы ничто

В сравнении с ревнивостью моею!

Но я ее насильно заглушил,

Обезоруженную подал руку

Сопернику. Я знал, о донна Анна,
Что он вас недостойн; но его
Любили вы - и он мне стал священен!
И самое мне ваше заблужденье
Священно было; и, чтобы для вас
Спасти того, кто жизнь мою похитил,
Я, не колеблясь, кинулся бы в пламя!
Забыв, кто он, забыв себя, весь мир,
Я вас лишь видел, вас одних лишь помнил;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодейства став неслыханного жертвой,
Вы на мое безмолвное участие
Холодностью одною отвечали,
Я вас любил, любил вас безнадежно!
Все действия мои и все мышленья
К одной я только цели направлял,
В себе самом давно уж не живу я,
Мою всю душу в вашу перелил!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я все отринул, все в себе убил,
Все, что не вы,- мне все невыносимо!

Д о н н а А н н а
(рассеянно)

Мне кажется, дня три уж, дон Октавьо,
Я не видала вас.

Д о н О к т а в и о

Дня три? Без чувств

Лежал я с месяц. Я был ранен.

Д о н н а А н н а

Право?

Кем ранены вы были?

Д о н О к т а в и о

Тем, кого

Назвать при вас я не хочу.

Д о н н а А н н а

И что же?

Вы ранены... а он?.. Убит?..

Д о н О к т а в и о

Два раза

Мы с ним сходились. Первый раз он шпагу

Из рук мне вышиб и хотел мириться.

Второй, лишь только мы скрестили шпаги,

Он выпал и насквозь мне проколол

Плечо. Нас разлучили.

Д о н н а А н н а

(после некоторого молчания)

Дон Октавья,

Вы о любви сейчас мне говорили;

Как думаете вы, могу ли я

Спокойно вас и хладнокровно слушать?

Могу ли жить, смотреть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока он жив? Как? Он, мой враг смертель-
ный,

Убийца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Он жив, он также видит это небо,
Он воздухом одним со мною дышит,
Он на одной живет со мной земле,
Своим присутствием он заражает
Тот мир, где жить я с ним осуждена,
А вы, вы о любви мне говорите!

(Презрительно.)

Вы с ним дрались! Он вышиб вашу шпагу!
Он ранил вас! И думаете вы,
Что долг вы свой исполнили, что можно
Вам о любви теперь мне говорить!
Да разве все вы совершили? Разве
К нему законы чести применимы?
Дрались вы разве с человеком? Как?
Когда б с цепей сорвался хищный зверь
И в бешенстве весь край опустошал бы,
Ему бы также вызов вы послали?

Д о н О к т а в и о

О донна Анна, верьте, вам не нужно

Мою вражду насмешкой разжигать!
Меж им и мной не кончен спор кровавый,
Но те слова, что вырвались у вас,
Они не ваши были, донна Анна,
Отчаяние их произнесло!

Д о н н а А н н а

Нет, он не так бы поступил, как вы!
Когда бы он любил меня, когда бы
Он был на вашем месте - о, давно
Сумел бы он от вас меня избавить!
Любить он мог бы, если б захотел!

Д о н О к т а в и о

Опомнитесь! В себя придите! Вам ли
Меня язвить так горько, донна Анна?

Д о н н а А н н а

Какие только знаю я проклятья,
Я все зову на голову его!
Быть может, смертный грех я совершаю,
Но нам обоим места в свете нет!
Душою всей и каждым помышленьем,
Дыханьем каждым я его клянущу,
Биеньем сердца каждым ненавижу,
Но ваше малодушье, дон Октавья,
Я презираю. Слышите ли? Вас
Я презираю.

(Уходит.)

Д о н О к т а в и о

Да простит ей бог!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА БЛИЗ КАДИКСА

Дон Жуан с приятелями за столом.

П е р в ы й

Ха-ха-ха-ха! Забавное, дон Цезарь,

Вы рассказали похождения нам!

В т о р о й

И что же? Чем кончилось оно?

Д о н Ц е з а р ь

Инеса

В тот самый год от горя умерла.

П е р в ы й

И совесть вас не мучила?

Д о н Ц е з а р ь

Нисколько.

В т о р о й

Ее вы разве не любили?

Д о н Ц е з а р ь

Нет.

П е р в ы й

А долго ли вы были женихом?

Д о н Ц е з а р ь

Пока моя к ней прихоть продолжалась.

В т о р о й

Что скажет нам на это дон Жуан,
Учитель наш и мастер в волокитстве?

Д о н Ж у а н
(к дон Цезарю)

Святая церковь вас осудит.

Д о н Ц е з а р ь

Нет,

Мой дядя кардинал, и мне из Рима
Прислал он отпущений про запас.

Д о н Ж у а н

Вы цените, как должно, отпущенья?

Д о н Ц е з а р ь

Я не язычник, и моей души

Я погубить нисколько не намерен!

Д о н Ж у а н

Вас жизнь не тяготит? Вы ей довольны?

В явлениях ее вы ничего

Не ищете душою беспокойной?

Д о н Ц е з а р ь

Чего ж искать в ней, если не веселья?

Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

Д о н Ж у а н

Когда паспортом в рай вы запаслися,

А жизньию довольны, то с Инесой

Вы поступили как подлец.

Д о н Ц е з а р ь

(вскакивая)

Как? Что?

Что вы сказали?

Д о н Ж у а н

Я сказал, что вы

Подлец.

Д о н Ц е з а р ь

(хватая бутылку)

Я проучу вас!

Д о н Ж у а н

(хладнокровно)

Берегитесь,

Я вас убью.

Г о с т и

(бросаясь между них)

Стыдитесь, господа!

Входит дон Карлос.

Д о н К а р л о с

Я, дон Жуан, принес вам новый вызов

От дон Октавьо. Исцелясь от раны,

Он бой вам на смерть предлагает...

Д о н Ц е з а р ь

Стойте!

Я первый должен биться с дон Жуаном!

Д о н К а р л о с

Сеньор, за дон Октавйо первенство

Он первый оскорблен.

Д о н Ц е з а р ь

Я не согласен!

Д о н Ж у а н

Я весь к услугам вашим, господа;

Решите это дело между вами.

Расходятся.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА.

ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан, Лепорелло в длинных сапогах, с
плетью в руке.

Д о н Ж у а н

Что нового?

Л е п о р е л л о

Сеньор, я из Севильи

Скакал всю ночь. Я думаю, ваш конь

Поездку эту долго не забудет.

Д о н Ж у а н

Фискала видел ты? Донес ему

О новых преступленьях дон Жуана?

Л е п о р е л л о

Исполнил, слово в слово, все, что вы

Мне приказать изволили намердни.

Д о н Ж у а н

И что же?

Л е п о р е л л о

О сеньор, нам очень плохо!

Случайно я проведал стороною,

Что к ним из Рима будет новый член,

Какой-то дон Йеронимо. Он в Кадикс

На корабле на днях приехать должен.

Святых он братьий хочет подтянуть;

Они его со страхом ожидают;

Чтоб избежать в бездействии упрека,

Формальный вам готовится процесс;

Арестовать должны вас очень скоро.

Меж тем разосланы во все концы

Глашатаи, чтоб ваше отлученье

От церкви и закона объявить.

Пропали мы совсем!

Д о н Ж у а н

Где Боабдил?

Л е п о р е л л о

Насчет его позвольте мне, сеньор,

Вам сообщить богатую идею.

Она пришла мне в голову, когда

Я к вам скакал с известьем из Севильи.

Кто этот Боабдил? И как ему
Вы можете так безусловно верить?
За то ль, что он хотел вас ткнуть кинжа-
лом,

Ему от вас все милости идут
И наравне вы ставите его
Со мной, и даже выше, чем меня,
Который столько лет вам служит честно?
Ведь это вас к добру не поведет;
Увидите, еще бродяга этот,
Отступник, шельма, висельник и вор,
На вас беду накличет. Средство ж есть
Не только избежать беды, но пользу
Из шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совета
И в рассужденье вникнете мое.
Мой взгляд на это дело очень прост:
Ведь Боабдил, не правда ль, осужден
Был инквизицьею на сожженье? Так ли?
Его мы свободили. Но потом
На нашу жизнь он покусился. Так ли?
Теперь спрошу вас: если бы мы знали,
Что он покусится на нашу жизнь,
Спасли ли б мы тогда его от смерти?
Нет, мы тогда его бы не спасли,

И был бы он теперь сожжен. Не правда ль?
Итак, коль мы сожжем его теперь,
Мы этим не возьмем греха на совесть,
Понеже все останется, как было.

А мой совет: схватить его сейчас
И на дворе публично сжечь. Мы этим
Докажем всем, в ком есть на нас сомненье,
Что добрые мы христиане. Ну,
Что скажете, сеньор, на эту мысль?

Д о н Ж у а н

Что ты дурак и, сверх того, завистлив.

Л е п о р е л л о

Прикажете ли разложить костер?

Д о н Ж у а н

Поди и позови мне Боабдила.

Л е п о р е л л о

Сейчас, сеньор. Я очень вас прошу
Мое серьезно взвесить предложенье.

У вас на шее новых два убийства:

Октавьо и дон Цезарь.

Д о н Ж у а н

Первый мне

Своими вызовами надоел,

Второго же не жаль: он был подлец.

Но ты наскучил мне. Поди сейчас

И Боабдила позови.

Л е п о р е л л о

Извольте.

(Уходит.)

Д о н Ж у а н

(один)

Мне оставаться доле невозможно,

Испанию покинуть должен я.

Но мысль о донне Анне не дает

Покоя мне. Я не был никогда

Особенно к чувствительности склонен;

Не помню даже, чтобы мне ребенком

Когда-нибудь случалось плакать. Ныне ж,

В мучительных и сладких сновиденьях,

Когда ее я вижу пред собой,

Я делаюся слаб, и, пробуждаясь,

Я ощущаю слезы на лице.

Я сам себя не узнаю. Когда бы

Не горький мой и многократный опыт,

Я б это чувство принял за любовь.

Но я не верю ей. Одно желанье,

Одна лишь страсть во мне, и, может быть,

Я трудностью победы подстрекаем!

Чего же ждатель? Не буду малодушен,

Чувствительность рассудком изгоню,

Без нежных вздохов и без колебаний
Пойду я прямо к цели и сомненьям
Развязкой скорой положу конец!
(Задумавшись.)

Тогда и этот новый призрак счастья
Исчезнет, как все прежние. Да, да,
Я излечусь; но это излечение
Тяжеле будет самого недуга,
И я куплю спокойствие мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этот цвет
Несорванным, но издали дышать
Его томительным благоуханьем
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бред! То было бы возможно
Другому, но не мне. Мечтатель я
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясных положений не терплю.
Я не могу туманным обещаньем
Довольствоваться в жизни. От нее
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержит слова,
Но, чем скорее выйдет ложь наружу,
Тем лучше для меня. Я не хочу

Быть убаюкан этим заблуждением.
В Испании да будет донна Анна
Моим последним, горьким торжеством!
С чего ж начну? Еще не знаю сам,
Но чувствую, что уж готов мой демон
Мне снова помогать: в моей груди
Уж раздувает он губящий пламень,
К безумной страсти примешал вражду...
В моем желанье тайный гнев я чую,
Мой замысел безжалостен и зол,
На власть ее теперь я негодую,
Как негодует раненый орел,
Когда полет влачить он должен низко,
И не решу, что мне волнует кровь:
Любовь ли здесь так к ненависти близко
Иль ненависть похожа на любовь?
Приходит Боабдил.
Ты все ли сделал, как я приказал?
Б о а б д и л
Надежных удальцов до полусотни
На ваши деньги нанял я, сеньор.
Фелука также уж совсем готова:
Ходок отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта в воздухе дрожит;
Прилажен к ней косою латинский парус;

Мадонна шелком вышита на нем;
На флаге герб Тенорьо де Маранья,
И провианту вдоволь. По волнам,
Как ласточка скользя на них без звука,
Запрыгает разбойничья фелука!

Д о н Ж у а н

Где вы на якоре стоите?

Б о а б д и л

Близко

От вашего дворца. Скалистый мыс
От крейсеров пока нас закрывает.

Д о н Ж у а н

По первому готовы будьте знаку
К дворца ступеням подойти. На пир
Я моряков удалых приглашаю.

Сегодня или завтра я намерен
Испанию оставить навсегда.

Боабдил уходит, входит Лепорелло.

Л е п о р е л л о

Ну что ж, сеньор? Обдумали вы план мой?

Д о н Ж у а н

Седлай сейчас мне лучшего коня,
С тобою вместе я скачу в Севилью.

Л е п о р е л л о

В Севилью? Боже мой!

(В сторону.)

Мой господин,

Мне кажется, немного помешался!

Д о н Ж у а н

В Севилью скачем мы с тобой сейчас,

И прежде, чем настанет новый день,

В моих объятьях будет донна Анна.

СУМЕРКИ. КЛАДБИЩЕ

Дон Жуан и Лепорелло слезают с лошадей.

Д о н Ж у а н

Здесь жди меня.

Л е п о р е л л о

Помилуйте, сеньор,

Нельзя ли выбрать вам другое место?

Ведь это есть то самое кладбище,

Где погребен убитый командор!

Смотрите - вон и памятник его!

Весь мраморный, на мраморном коне;

У, как на нас он сверху смотрит строго!

Д о н Ж у а н

Ее отсюда вилла недалеко,

Сюда же ночью не придет никто.

Здесь жди меня, я до зари вернуся.

(Уходит.)

Л е п о р е л л о

(один)

Брр! Дрожь меня по жилам пробирает!
Ведь, право, ничему не верит он,
Все для него лишь трын-трава да дудки,
А на меня могильный холод веет,
И чудится мне, будто меж гробниц
Уже какой-то странный ходит шепот.
Ух, страшно здесь! Уйду я за ограду!
(Уходит.)

С а т а н а

(является между могил)

Люблю меж этих старых плит
Прогуливаться в час вечерний.
Довольно смешанно здесь общество ле-
жит,

Между вельмож есть много черни;
Но это не беда, а жаль, что посещать
Иные мне нельзя гробницы:
Здесь есть две-три отроковицы,
Пять-шесть еретиков, младенцев дюжин с

пять

К которым мне нельзя и носу показать.
Под веденьем небесной силы
Их состоят могилы;
Мне портят ангелы житье.

Не нужно напрягать им слуха,
Сейчас проведают по духу,
Такое тонкое чутье!

Уж я их слышу приближенье...

Ну, так и есть, явились сюда...

Мое нижайшее почтение,

Слуга покорный, господа!

Н е б е с н ы е д у х и

Оставь усопшим их забвенье,

Оставь гробы до Страшного суда,

Не преступай священного предела!

С а т а н а

На этот раз до мертвых нет мне дела.

Иной заботой занят я.

Вы помните, друзья,

Наш давний спор про дон Жуана?

Я говорил, что поздно или рано

Он будет мой. И что ж? Свет победила

мгла,

Не понял той любви святого он значенья,

Которая б теперь спасти его могла,

И слепо он свершит над нею преступленье.

Д у х и

В безмолвии ночи

Мы с ним говорили,

Мы спящие очи
Его прояснили,
Из тверди небесной
К нему мы вещали
И мир бестелесный
Ему показали.
Он зрел, обновленный,
В чем сердца задача,
И рвался к нам, сонный,
Рыдая и плача;
В дневной же тревоге
Земное начало
Опять от дороги
Его отвращало;
Он помнил виденье,
Но требовал снова
Ему примененья
Средь мира земного,
Пока его очи
Опять не смежались
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь он преступный
Гнал замысл обратно,
И мысли доступна,

И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И наш он был снова,
Рыдая и плача!

С а т а н а

Я вижу из сего, что путь его двойной,
И сам он, кажется, двоится:
Во сне он ваш, но наяву он мой
На этом я согласен помириться!

Д у х и

Высокой он душой на ложь ожесточен,
Неверие его есть только плод обмана.

Сгубить лишь на земле ты можешь дон

Жуана,

Но в небе будет он прощен!

С а т а н а

Тогда бы в небе толку было мало!

Он сердится на ложь,- сердиться волен

всяк,

Но с правдой ложь срослась и к правде так
пристала,

Что отскоблить ее нельзя никак!

А он скоблит сплеча, да уж едва ли

Насквозь не проскоблил все истины скри-

жали

Не верит на слово он никому ни в чем;
Веков работу предприняв сначала,
Он хочет все, что нам преданье завещало,
Своим исследовать умом.

Немножко щекотливо это!

Я сам ведь враг авторитета,

Но пообтерся меж людьми;

Беда все отрицать! В иное надо верить,

Не то пришлось бы, черт возьми,

Мне самого себя похерить!

Д у х и

Лукаво ты его смущал,

Ты истощил его терпенье,

И гнаться он устал за тою беглой тенью,

Что лживо на земле ему ты показал.

С а т а н а

Прошу покорно извиненья!

Конечно, я его морочил много лет,

Но нынешний его предмет

Есть между всеми исключенье.

Могу вам доложить, без лести и похвал,

Она точь-в-точь на свой походит идеал,

И даже самому мне странно,

Что в форму вылилась так чисто донна Ан-

на.

Когда б ее сумел он оценить,
Свершилось бы неслыханное чудо,
Моих сетей разорвалась бы нить
И со стыдом бы мне пришлось бежать от-
сюда.

Но слеп он, словно крот. К чему ж еще об-
ман?

Уж нечего мне боле добиваться;
Могу я руки положить в карман
И зрителем в комедии остаться.
Без цели за него идет у нас борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Влияний наших нет - влечет его судьба
И неизбежности закон неумолимый!

Д у х и

Вкруг дел людских загадочной чертой
Свободы грань очерчена от века;
Но без насилья может в грани той
Вращаться вольный выбор человека.
Лишь если он пределы перейдет,
В чужую область вступит святотатно,
Впадает он в судьбы водоворот
И увлечен теченьем невозвратно.
В тревоге дум, в разгаре мощных сул

Жуан блуждает, дерзостен и страстен,
Но за черту еще он не ступил
И к правде он еще вернуться властен.
Лукавый дух, бежишь ты со стыдом!
Святой любви таящееся чувство
Сознает он.

С а т а н а

Я сомневаюсь в том.

Я отказался здесь от всякого искусства,
На гвоздик я свою повесил сеть;

Но к милой он пошел, совсем уж сбитый с
толку,

И вам, я думаю, пришлось бы покраснеть,
Когда б на них теперь вы поглядели в щел-
ку!

Д у х и

Он к истине придет! Его туманный взор
Уже провидел луч божественного света!

С а т а н а

А что есть истина? Вы знаете ли это?

Пилат на свой вопрос остался без ответа,
А разрешить загадку - сущий вздор:

Представьте выпуклый узор

На бляхе жестяной. Со стороны обратной
Он в глубину изображен;

Двояким способом выходит с двух сторон
Одно и то же аккуратно.

Узор есть истина. Господь же бог и я

Мы обе стороны ея;

Мы выражаем тайну бытия

Он верхней частью, я исподней,

И вот вся разница, друзья,

Между моей сноровкой и господней.

Д у х и

Когда, как хор одушевленный,

Земля, и звезды, и луна

Гремят хвалой творцу вселенной,

Себя со злобою надменной

Ему равняет Сатана!

Но беса умствованья ложны,

Тождествен с истиною тот,

Кого законы непреложны,

Пред чьим величием ничтожны

Равно кто любит иль клянет!

Как звездный блеск в небесном поле

Ясней выказывает мгла,

Так на твою досталось долю

Противуречить божьей воле,

Чтоб тем светлей она была!

С а т а н а

Известно, что от всякого контроля
Должны выигрывать дела.

Д у х и

Два разнородные начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала,
Нам быть глаголом идеала,
Тебе же быть глаголом тьмы!

С а т а н а

Согласен и на то. Без комплимента,
Мы, значит, вроде парламента;
Мы, так сказать, правления весы.
Сознайтесь, что господь здесь только для
красы;

Он символ лишь замысловатый;
Делами ж правим мы, две равные палаты;
Точней: коль на него посмотришь с двух
сторон,

Выходит, вы да я, мы совокупно - он.
Разрыв наш - только умозренье,
Но в самом деле мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться целому смешно.
Пора двух половин устроить сочетанье;
Химически смешав со злобою любовь,

В итог бесстрастия сольемся вновь
И погрузимся в самосозерцанье!
А мир советую предать его судьбе,
Как заведенную раз навсегда машину.
Когда же внешности с себя мы смоем тину
И будем сами по себе
Какое дело нам, каким путем к сознанью,
С какого именно конца,
С парадного иль с черного крыльца,
Придет какой-нибудь маркезе де Маранья?
Д у х и
Едино, цельно, неделимо,
Полно созданья своего,
Над ним и в нем невозмутимо
Царит от века божество,
Осуществилось в нем ясно,
Чего постичь не мог никто:
Несогласимое согласно,
С грядущим прошлое слито,
Совместно творчество с покоем,
С невозмутимостью любовь,
И возникают вечным строем
Ее созданья вновь и вновь.
Всемирным полная движеньем,
Она светилам кажет путь,

Она нисходит вдохновеньем
В певца восторженную грудь;
Цветами рдея полевыми,
Звуча в паденье светлых вод,
Она законами живыми
Во всем, что движется, живет.
Всегда различна от вселенной,
Но вечно с ней съединена,
Она для сердца несомненна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкий сын паденья,
И слов язвительных не трать
Тебе святого провиденья
Душой холодной не понять!

С а т а н а

Я только пошутил. Хотел вам доказать я,
Что всем системам, без изъятья,
Есть в беспредельности простор
И что, куда мы наш ни кинем взор,
Мы, метя в круг неизмеримый,
Никак попасть не можем мимо.
В той области, где центра нет,
Где центром служит каждый пункт
случайный,
Где вместе явно все и тайно

И где условны мрак и свет,
Там все воззрения возможны,
Все равно верны или равно ложны.
Поэтому и ваш я допускаю взгляд,
И если на явлений ряд
С известной точки посмотрю я,
Готов, как вы, кричать я: "Аллилуя!
Ура! Осанна! Свят, свят, свят!"
Усердья моего ничье не перевысит;
Досадно то, что результат
От точки зрения зависит.

Д у х и

Царь тьмы, к чему двусмысленная речь?

С а т а н а

К тому, чтоб вас предостеречь
От бесполезного старанья
Спасти Жуана де Маранья.
Какую б нам систему ни принять:
Систему веры иль рационализма,
Деисма или пантеисма,
Хоть все до одного оттенки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая присма,
Того, кто промысла отвергнул благодать,
Но сесть не хочет в кресла фатализма,

А прет себе вперед, и в сторону, и вспять,
Как по льду гладкому скользят,
Спасти нельзя!

Д у х и

Господь! Постигнуть дай Жуану,
Что смутно видел он вдали!

Души мучительную рану
Сознаньем правды исцели!

Но если, тщетно званный нами,
Он не поймет твоей любви,

Тогда сверкающий громами
Свой гневный лик ему яви,

Да потрясет твой зов могучий
Его, как голос судных труб!

С а т а н а

На эти чудеса господь довольно скуп
И скромно прячется за тучей,

Когда гремит. На всякий случай

Позвольте мне сюда ту силу пригласить,
Которая, без воли и сознанья,

Привыкла первому служить,

Кто только даст ей приказанье.

Кто б ей ни овладел, порок иль благодать,
Слепа, могуча, равнодушна,

Готова сила та крушить иль созидать,

Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовут душой земли,
Ты, что магнитный ток сквозь мир всегда
струила,

Услышь теперь мой зов, словам моим
внемли,

Явись, таинственная сила!

Ты, жизненный агент, алхимиков азот,

Незримое астральное течение,

Твой господин тебя зовет,

Явись принять его веленья!

Ты, что людской всегда питаешь пот и
труд,

Ты, что так много душ сгубила.

Усердье, преданность иль как тебя зовут,

Явись, бессмысленная сила.

Является туманная фигура.

Смотрите, вот она, покрыта пеленой,

Еще не знает, чем ей выйти из тумана.

Готовься ж петлю, спутанную мной,

Рассечь иль затянуть, по выбору Жуана!

Отныне будь ему во всем подчинена:

Что б ни задумал он от прихоти иль скуки,

Все слепо исполняй. Теперь я сторона,

Я совершил свое и умываю руки!

Смотрите: ревности полна,
Уже дрожит и зыблется она,
Все виды принимать и образы готова.
Терпенье, бабушка! Жди знака или слова,
Потом уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай, что он велит, без мысли, ни по-
щады

И, воплотившись раз, топчи, круши пре-
грады

И самого его в усердье раздави!

Д у х и

Постой, внемли и нам! В то страшное
мгновенье

Когда на бездны край уж ступит дон Жуан,
Последнее ему неси остереженье

И духа тьмы пред ним разоблачи обман.

Тогда лишь, если он от правды отвратится,
Его судьба да совершится!

Фигура исчезает.

МЕСТО ПЕРЕД ВИЛЛОЙ ДОННЫ АННЫ

Офицер с патрулью.

П е р в ы й с о л д а т

Сейчас он промелькнул передо мною.

О ф и ц е р

Уверен ты, что это точно он?

Первый солдат
Я видел белое перо на шляпе.

Офицер
Довольно белых перьев без него.

Второй солдат
Мне кажется, он в этот двор вошел.

Офицер
Не может быть. То вилла донны Анны;
Сюда войти не смел бы дон Жуан.

Второй солдат
Я точно видел.

Третий солдат
Мне так показалось,
Что за угол он повернул.

Офицер
Пойдем
Сперва по этой улице, когда же
Там никого не встретим, то вернемся.
Уходят.

ВИЛЛА ДОННЫ АННЫ

Сначала сумерки. Потом луна освещает
часть комнаты.

Другая остается в тени.

Донна Анна
(одна)

Все та же неотвязчивая мысль
Вокруг меня как черный ворон вьется...
Так поступить! Зачем он не сказал мне,
Что он во мне ошибся? Что не та я,
Которую искал он? Не сказал мне,
Что, полюбив, он разлюбил меня?
Я поняла б его, я извинила б,
Я оправдала бы его! Ужели
Моих упреков, слез или молений
Боялся он? Я не давала права
Ему так низко думать обо мне!
Все мог он сделать, все, но это - это,
О боже, боже, пожалей меня!
(Подходит к окну.)
Октавио нейдет. Я знаю, где он.
Но мысль о нем мне не тревожит сердца
Я не боюсь друга потерять
Боюсь только, чтоб его противник
Из боя вновь не вышел невредим.
Уже во мне иссякли без возврата
И жалость и участие. Меня
Он как поток схватил неумолимый
И от всего родного оторвал.
С боязнию теперь в себя гляжу я;
Там прошлого не видно и следа,

И чуждые мне чувства поселились
В опустошенном сердце. Страшно, страш-
но!

Лишь смерть его, лишь только смерть од-
на

Покой душевный возвратить мне может!

Пока он жив, ни здесь, ни на могиле

Отцовской, ни в стенах монастыря

Не в силах я ни плакать, ни молиться.

Но, кажется, слышались шаги...

Звенят по мраморным ступеням шпоры...

Идут сюда... Октавио вернулся!

Дон Жуан показывается, в плаще, с надви-
нутой на глаза

шляпой. Донна Анна бросается к нему на-
встречу.

Октавио!.. Ну, что же?

Д о н Ж у а н

(сбрасывая плащ)

Это я.

Донна Анна, в ужасе, отступает.

Я знаю, донна Анна, что мой вид

Вселяет в вас и ненависть и ужас.

Вы правы. Для меня прощенья нет

Нет никаких пред вами оправданий.

Я был для вас орудием судьбы
И не могу исправить, что случилось.
Но я пришел сказать вам, что навек
Я покидаю этот край, что вы
От близости избавитесь несносной
И можете свободнее дышать.

Д о н н а А н н а

(в сторону)

Что мне мешает в грудь ему сейчас
Вонзить кинжал? Какое колебанье
Мою бессилит руку?

Д о н Ж у а н

Донна Анна,

Когда до вас известие дойдет
О смерти ненавистного Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы боле проклипать?

Д о н н а А н н а

Он говорит о смерти! Боже правый!
О смерти он дерзает говорить,
Тот, кто всегда кровавой смертью дышит,
Кому она послушна, как раба!

Где дон Октавьо? Отвечайте, где он?

Д о н Ж у а н

Октавио убит.

Донна Анна хочет говорить, он ее пре-
ждедает.

Я не искал

Его гибели. Он сам хотел

Со мною биться. Я не мог ему

Подставить горла, как овца; но я

Завидую теперь его судьбе.

Д о н н а А н н а

Обрызган кровью моего отца,

Он моего еще зарезал брата

И хвалится убийством предо мной!

И не расступится под ним земля?

И пламя не пожрет его? Гром божий,

Ударь в него! Испепели его!

Д о н Ж у а н

Увы, никто не слышит, донна Анна,

Проклятий ваших. Ясен свод небес,

Мерцают звезды, лавр благоухает,

Торжественно на землю сходит ночь,

Но в небесах все пусто, донна Анна.

В них бога нет. Когда б внезапно гром

Теперь ударил, я б поверил в бога,

Но гром молчит - я верить не могу.

Д о н н а А н н а

Он богохульствует! Доколь, о боже,

Терпение твое не истощится?

Д о н Ж у а н

О, если бы я мог в него поверить,
С каким бы я раскаяньем пал ниц,
Какие б лил горячие я слезы,
Какие бы молитвы я нашел!
О, как тогда его я умолял бы,
Чтобы еще он жизнь мою продлил,
И мог бы я, босой, и в власянице,
Простертый в прах, и с пеплом на главе,
Хоть долю искупить тех преступлений,
Которые безверьем рождены!

Каких бы я искал себе мучений,
Каким бы истязаньям предал плоть,
Как жадно б я страданьем упивался,
Когда бы мог поверить в божество!
О, горе мне, что не могу я верить!

Д о н н а А н н а

Что слышу я? Тот самый, кто в других,
С рассчитанным, холодным наслажде-
ньем,

Всегда святыню сердца убивал,
Тот сожалеет о своем безверье!

Д о н Ж у а н

Я разрушал, в моем ожесточенье,

Обман и ложь везде, где находил.
За жизнь мою и за мое рождение
Слепой судьбе без отдыха я мстил.
Себя, других, весь мир я ненавидал,
Я все губил. Один лишь только раз,
В тот светлый день, когда я вас увидел,
В моей душе надежда родилась.
Но я уж был испорчен. Я не мог
Моей любви поверить. Слишком часто
Я был обманут. Я боялся вновь
Попасться в сеть; я гордо захотел
Убить в себе мучительное чувство,
И святотатно я его пограл.
Я сам себе безумно посмеялся,
И моего упорного безверья,
Моей насмешки горькой над собой
Вы сделали жертвой. Не глядите
Так гневно на меня - увы, я знаю,
Что я преступник, но уж я наказан.
Не удалось мне торжествовать.
Я победить себя не мог. Ваш образ
Не в силах я изгладить, ни забыть,
Да! В бога я давно уже не верю,
Но верить в вас еще не перестал!
Когда б я мог, хоть изредка, вас видеть

Не здесь - о нет, но в церкви где-нибудь;
Незримый вами, в темном углубленье,
Меж нищими, колонною сокрыт,
Когда б я мог, хоть издали, украдкой,
Ваш иногда услышать голос - о!

Тогда, быть может, был бы я спасен
И верить вновь тогда бы научился!

Д о н н а А н н а

Уж слишком долго слушала я вас
Меж нами разговоров быть не может.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утешенья в лоне церкви,
Меня ж оставьте - вам не место здесь.

Д о н Ж у а н

Я церковь отринут. В этот миг,
Пока я с вами говорю, убийцы
Везде уж рыщут по моим следам,
И голова оценена моя.

От церкви не могу я ждать пощады!

Д о н н а А н н а

Идите в Рим. К ногам падите папы.
Петра наместник может вас простить.

Д о н Ж у а н

Когда не верю в самого я бога,
Чего у папы мне еще искать!

Не папа может воскресить надежду,
Не папа с жизнью может помирить!
Простите, донна Анна. Я безумец.
Увлёкся я несбыточной мечтой.
Нет, для меня не может быть спасенья!
Идти я должен до конца. Нельзя
Остановиться мне на полдороге.
В отчаянье я брошусь опять!
Пусть опьянят мой разум преступленья,
В страстей тревоге пусть забуду я
Блеснувший мне отрадный луч надежды!
Как бешеный, неукротимый конь,
Я к пропасти направлю бег безумный
И, как шумящий водопад, с высот
Низринусь в бездну. Мне одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

Д о н н а А н н а

Слова безумья или ослепленья!
Я ненавижу вас... но долг велит
Вам указать убежище молитвы...
Барабанный бой.

Г о л о с п о д о к н а м и

"Во имя короля и Sant' officio!

Сим объявляется всем христианам,
Что дон Жуан, маркесе де Маранья,

От церкви отлучается Христовой
И вне законов ныне состоит.
Все для него убежища закрыты,
Не исключая божьих храмов. Всем,
Кому его известно пребыванье,
Вменяется в священный долг о нем
Немедленно начальству донести.
К кому ж он обратится, тот его
Обязан выдать в руки местной власти,
Под спасеньем вечного проклятья,
Таков над ним церковный приговор".
Барабанный бой.

Д о н Ж у а н

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться с церковью или с законом?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

Д о н н а А н н а

(которая между тем подошла к двери
и прислушивалась)

Стойте, дон Жуан!

Входит слуга. Донна Анна становится пе-
ред дон Жуаном,
который остается в тени.

С л у г а

Сеньора, офицер священной стражи
Желает вас увидеть.

Д о н н а А н н а

Пусть войдет.

О ф и ц е р

Прошу меня простить, сеньора. Я

С патрулью наряжен от Sant' officio

Арестовать преступника.

Д о н н а А н н а

Кто он?

О ф и ц е р

Нам показалось, что он в эту виллу

Вошел недавно.

Д о н н а А н н а

Как его зовут?

О ф и ц е р

К несчастью, вам его известно имя:

То дон Жуан, маркезе де Маранья.

Д о н н а А н н а

Как можете вы полагать, чтоб он

Осмелился сюда прийти? Вы, верно,

Заметили кого-нибудь другого.

Но я велю везде вас проводить

И позволяю осмотреть всю виллу.

О ф и ц е р

(поднимая плащ дон Жуана,
с замешательством)

Сеньора... этот плащ?..

Д о н н а А н н а

Какую связь

Имеет с порученьем вашим чей-то
Оставленный здесь плащ? Надеюсь, вы

Не думаете, чтобы я скрывала

Убийцу моего отца?

О ф и ц е р

Сеньора,

Я виноват, простите, мы ошиблись.

(Уходит.)

Донна Анна следит за ним глазами, потом
смотрит на дон Жуана,

шатается и готова упасть. Дон Жуан ее под-
держивает.

КЛАДБИЩЕ, ОСВЕЩЕННОЕ ЛУНОЮ

Л е п о р е л л о

(вбегая в ограду)

Нет, страшно мне и там! Кругом везде

Все движется и шепчет! Рвутся кони

И фыркают, покрыты белой пеной...

Где господин мой? Уж пора б давно

Ему сюда вернуться!

Д о н Ж у а н

(входя)

Свершено!

Полуобман и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому так сладко уступать,
Мне предали в объятия донну Анну,
Я победил! Не будет боле мучить
Меня любви обманчивая тень!

Л е п о р е л л о

Скорей, сеньор! Ускачемте отсюда!

Д о н Ж у а н

Как вновь во мне кипит и жизнь и сила!
Весь мир теперь я вызвал бы на бой!

Л е п о р е л л о

Прочь, прочь отсель! Ускачем, ради бога!
Нечисто здесь, любезный мой сеньор!

Д о н Ж у а н

Все тот же ты! Всегда труслив как заяц!

Л е п о р е л л о

Поверьте мне, ускачем! Командор...

Д о н Ж у а н

Что командор?

Л е п о р е л л о

(показывая на статую)

Глядите, как он смотрит!

Д о н Ж у а н

Зови его ко мне на ужин завтра!

Л е п о р е л л о

Ай, ради бога, не шутите так!

Д о н Ж у а н

Я не шучу. Зови его на ужин!

Л е п о р е л л о

Уйдем, уйдем!

Д о н Ж у а н

Нет, надо проучить

Твою мне трусость. Подойди сейчас

И пригласи на ужин командора!

Л е п о р е л л о

О, не могу!

Д о н Ж у а н

Я заколю тебя!

Л е п о р е л л о

Сейчас, сейчас! Исполню вашу волю!

(Подходит к памятнику.)

Великая статуя командора!

Мой господин - не я, ей-ей, не я

Вас приглашает... Нет, я не могу!

Д о н Ж у а н

Кончай сейчас!

Л е п о р е л л о

Вас приглашает завтра

Пожаловать к нему на ужин... Ай!

Д о н Ж у а н

Ну что?

Л е п о р е л л о

Она... ей-ей, она кивнула!

Д о н Ж у а н

Постой же трус, я научу тебя

Бесстыдно лгать. Сюда! Смотри наверх!

(Берет Лепорелло за ворот и обращается к статуе.)

Статуя командора! Я даю

Прощальный ужин завтра и желал бы,

Чтоб на него пожаловала ты.

Скажи, придешь на ужин?

Статуя кивает.

Что за черт!

Я, кажется, не пьян, а вижу мутно.

Должно быть, я устал. То к голове

Кровь приливает и туманит зренья.

Эй, Лепорелло! Лошадей!

Л е п о р е л л о

Бегу!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Зала окнами к морю.

Д о н Ж у а н

(один, пасмурный и недовольный)

Я победил. Но удовлетворенья

Ожданного я не нахожу.

Она мне отдалась без сознанья;

Мне помогли внезапность и распдох;

Победу я украл, как вор. Не так

Мне овладеть хотелось этим сердцем!

Нет: шаг за шагом, медленно вперед

"Все далее и дале подвигаться,

Вражду, и стыд, и совести боренье

В последние убежища теснить,

И гордую противницу мою,

Самой ей к изумлению, заставить

Мне сделаться послушною рабой,

Вот где была бы ценность обладанья,

Вот что победой полной я б назвал!

Нет, недоволен я собою. Много

Нетронутых я в ней оставил струн,

И много темных сердца тайников

Я не изведal. Но теперь уж поздно!

Над головой моей сверкает меч,

И должен я Испанию покинуть!

Утешусь тем, что я б и в этом сердце

Открытья сделать нового не мог.
Жалеть о неисчерпанной интриге
Не все ль теперь равно, что сожалеть
О кой-каких местах моей отчизны,
Которых я не посетил? Отчизна,
И женщины, и целый род людской
Известны мне. Зачем же не могу я
Воспоминание о донне Анне
На дне души моей похоронить,
Как и другие все воспоминанья?
Входит Боабдил в вооружении пирата.
Но вот моей фелуки капитан.
Послушаем, что он принес.
Б о а б д и л
Сеньор,
Исправно все. К отплытью мы готовы!
Д о н Ж у а н
(осматривая его наряд)
Вот так люблю тебя. Колпак, и куртка,
И абордажный на цепи топор,
Узорные морские шаровары
И туфли на босую ногу. Bravo!
Ты молодец, разбойник хоть куда!
Б о а б д и л
И хоть куда готов я вас доставить,

Лишь поскорей бы в море нам уйти?

Д о н Ж у а н

(про себя)

Вот этого сомнения не мучат,

И нет разлада в нем с самим собой.

Мне любопытно знать, как на моем

Он поступил бы месте.

Постараюсь

Вопрос мой применить к его понятиям.

(К. Боабдилу.)

Скажи мне, Боабдил, тебе не жаль

Расстаться навсегда с твоей отчизной?

Б о а б д и л

Сеньор, весь этот андалузский край

Был наш когда-то. Нам принадлежал

Весь кругозор, что обнимает око

С зубчатых башен царственной Альгам-

бры,

В ту пору я, быть может, пожалел бы

О родине, как о своем добре;

Но ныне проку мало в ней, и я

Давно пустые бросил предрассудки;

Я родиной считаю всякий край,

Где золото мне сыплется в карманы.

Д о н Ж у а н

Ты судишь здраво. С этой точки зрения
Твой образ мыслей можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашел
Несметный клад, таких сокровищ груду,
Какие, по преданию, лежат
В заваленных подвалах под Альгамброй,
Что б сделал ты тогда?

Б о а б д и л

Сказать вам правду,
Нашедши клад, я рассудил бы тотчас,
Что больший клад еще найти возможно,
И больший бы отыскивать я начал.

Д о н Ж у а н

(про себя)

Я к этому мошеннику не даром
Сочувствие имел. Мы схожи нравом,
Но в клады я не верю уж давно!
А странно, что досель я не могу
О ней не думать! В память глубоко
Слова и голос врезались ее,
И этот взгляд испуганный, когда
Опомнилась она в моих объятьях.
Безумный дон Жуан! До коих пор
Играть тобой воображенье будет!
Стыдись хоть Боабдила. Этот ищет,

Что находить и добывать возможно,
А ты? Стыдись! Тебя смущает сон!
(К Боабдилу.)

Ты не забыл различною одеждой,
На всякий случай, запастись? Нам,
Я думаю, придется в Барселоне
Дня два иль три инкогнито прожить.

Б о а б д и л

От капуцина и до пикадора
Припасены наряды всех сортов;
Лишь стоит их доставить на фелуку.

Д о н Ж у а н

Я ночью сняться с якоря намерен,
Теперь же всех зову ко мне на пир.

Л е п о р е л л о

(вбегая в испуге)

Сеньор! Сеньор! Дворец ваш окружают
Со всех сторон святые familiares!*
Весь двор уж полон стражи; все ворота,
Все двери ими заняты! Сейчас

Арестовать придет вас их начальник!

Д о н Ж у а н

Ого! Должно быть, дон Йеронимо,
Тот новый член, которого из Рима
Они в Севилью ждут, шутить не любит!

Мы их принять готовы. Боабдил,
Твои одежды нам пришлись кстати:
Забавный мы затеем маскарад.
Ты будешь капитан, который в Кадикс
Йеронимо привез; ты ж, Лепорелло,
Ты - сам Йеронимо. Смотрите ж оба,
Я каждому его назначу роль.

---

* Собратья (лат.), т. е. святое братство - инквизиторы.

ГАЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦЕ

Боабдил и офицер стражи.

Б о а б д и л

С утра они в молельне заперлись.

Я подходил на цыпочках ко двери:

Там тихо все; порой лишь слышны вздохи,

А иногда невнятное рыданье

Да увещанья честного отца.

Должно быть, дон Жуан великий грешник!

Во время рейса дон Йеронимо

Мне говорил, что у него от папы

Инструкция особенная есть

Насчет сего еретика, Жуана.

О ф и ц е р

Я наряжен его арестовать;

Из уст дон Йеронимо я должен
О том услышать, как мне поступить.

Б о а б д и л

Вы подождать должны, пока они,
Свою беседу кончив, из молельни
К нам выйдут.

О ф и ц е р

Извините, капитан,

Ответственность и служба мне велят
Немедленно войти в молельню. Мне
Не можно ждать!

Б о а б д и л

Я умываю руки.

Офицер входит в боковую дверь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ

Лепорелло в креслах, одетый доминикан-
цем. Перед ним

на коленях дон Жуан. Входит офицер стра-
жи.

О ф и ц е р

Отец, простите...

Л е п о р е л л о

Это что такое?

Кто смеет нас в молитве прерывать?

О ф и ц е р

Я наряжен от Sant' officio
Арестовать Жуана де Маранья.

Л е п о р е л л о

Как? Что? Теперь? При мне? Ты знаешь ли,
Мошенник... я хотел сказать: мой сын,
Что я с инструкцией от папы прислан
И сам могу тебя арестовать?

О ф и ц е р

Простите. Вот мандат мой! Я обязан
Вам предъявить комиссию мою.

Л е п о р е л л о

Где твой мандат? Давай его сюда!

Офицер подает бумагу. Лепорелло ее раз-
дирает.

Вот твой мандат! И знай, что булла папы
Дает мне власть Жуана де Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и от грехов очистить;
Знай, что сей самый грешник, дон Жуан,
Которого арестовать пришел ты,
Моих словес проникнулся елеем,
Отверг душой мирскую суету
И поступает кающимся братом
В Севилию, в картозский монастырь!
Не так ли, сын мой?

Д о н Ж у а н

Так, отец мой, так!

Мне мир постыл, я быть хочу монахом;
Моей беспутной, невоздержной жизни
Познал я сквернь, и алчет беспредельно
Душа молитв, а тело власяницы!

Л е п о р е л л о

Ее ты примешь, сын мой, скоро примешь;
Тебе лишь испытанье предстоит
И ты монахом будешь. Рах vobiscum!

(К. офицеру.)

Ну что! Чего стоишь, разиня рот?
Ты этого не ожидал, безбожник?

---

* Мир вам! (лат.)

О ф и ц е р

Отец...

Л е п о р е л л о

Отец, отец! Скажи мне лучше,
Как исповедь ты нашу смел прервать?
Ты должен быть отъявленный еретик!
Распущенны вы все, я это вижу;
Но я вас подтяну. Ты знаешь ли
Железные ботинки? Пытку? Цепи?
Тюрьму? Костер? Проклятье церкви и...

И прочее, и прочее? А? Знаешь?

О ф и ц е р

Я виноват, что вас прервал, но служба...

Л е п о р е л л о

Нет, ты скажи мне, как ты не размыслил,

Что прерывать меня есть преступление?

О ф и ц е р

Отец мой, как я смею размышлять?

Начальству должен я повиноваться.

Л е п о р е л л о

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

О ф и ц е р

Священный трибунал.

Л е п о р е л л о

Так было прежде.

Но с той поры, как я ступил на берег,

Твое начальство я. Смотри мне в грудь

И выражай лицом подобострастье,

Доверье, благодарность и любовь.

Что есть повиновение? Отвечай!

О ф и ц е р

Повиновение, отец мой?

Л е п о р е л л о

Да!

О ф и ц е р

Повиновенье есть...

Л е п о р е л л о

Неправда! Врешь!

Повиновение есть то, что если
Я прикажу тебе плясать качучу,

То должен ты ее плясать, пока...

Пока я не скажу: довольно! Если ж

Не хватит сил твоих и ты умрешь,

Ты должен умереть, а все плясать!

Вот что повиновенье. Понимаешь?

О ф и ц е р

Отец мой...

Л е п о р е л л о

Как? Ты смеешь отвечать?

Епитимью тебе! Епитимью!

Бей каждый день сто пятьдесят поклонов,

И на коленях тридцать патерностров

И пятьдесят читай Ave Maria!

Ну что? Чего стоишь? Беги в Севилью

И объяви, что видел!

---

* Радуйся, Мария! (лат.)

О ф и ц е р

Мой отец,

Мне письменное нужно приказанье.

Л е п о р е л л о

Ну да, конечно. Я бы посмотрел,
Как ты посмел бы убежать отсюда
Без письменного приказанья!

(К дон Жуану.)

Сын мой,

Встань, напиши сейчас к святым отцам
Цидулу. Я под ней поставлю крест,
Его в Севилье знают, слава богу!

Дон Жуан пишет и подает бумагу Лепорел-
ло, который ставит крест
и передает офицеру.

Вот приказанье... На, ступай, да помни:
Ста два поклонов! Сорок патерностров!
И семьдесят Ave Maria в день!

Офицер кланяется и уходит.

Д о н Ж у а н

(смотря ему вслед)

Ушел, глупец. Счастливого пути!

И все они такого же покроя!

Он так привык все слушаться начальства,
Что размышлять совсем уже отвык.

Играть таким отродием нетрудно,
Лишь стоит подменить начальство. Право,
Как вспомню я, что целый род людской

Привычке служит, под привычкой гнется,
То стыд берет, на эту сволочь глядя,
Что к ней и я принадлежу!

Л е п о р е л л о

Мороз

Меня теперь по коже подирает,
Когда я вспомню, чем я рисковал.
А славную мы выкинули штуку!
Ха-ха! Монахом будет дон Жуан!
Пожалуй, из монахов можно в папы!
Сеньор, когда вы сделаетесь папой,
Прошу и мне пожаловать местечко!

Д о н Ж у а н

Ты был бы инквизитором в Севилье.

Л е п о р е л л о

И строгим инквизитором, сеньор!
Иль думаете вы, я б не сумел
Безнравственность преследовать и ересь?
Пусть кто-нибудь осмелился б при мне
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не в пользу б инквизиции сказал!
Будь он хоть шепетун, будь он заика,
Мне первого довольно было б слога,
Чтоб остальные отгадать. Да что тут!
Я мысль его узнал бы по глазам,

По шапке, по походке. Стой, брат, шутишь
И тотчас на костер! Мне не учиться,
Уловки все я знаю наизусть,
На все я в вашей школе насмотрелся,
Меня б не провели. А с новым платьем
И правила б я новые надел,
Вы не узнали бы меня!

Д о н Ж у а н

Не первым

И не последним был бы ты. Однако
Меня проделка эта развлекла,
А то с утра еще мне было как-то
Особенно и скучно и досадно.

Скорей, скорей прожить мне эту жизнь
И весело пробиться до конца!

Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворец
Был освещен, чтоб музыка гремела
И чтоб вино всю ночь лилось рекой!

Мы на рассвете поднимаем якорь!
НОЧЬ. ОТКРЫТАЯ ГАЛЕРЕЯ У МОРЯ

В глубине видны мачты фелуки. Велико-
лепное освещение и
музыка. За убранными столами сидят пи-
раты. Гости сходятся
со всех сторон.

Д о н Ж у а н

Всех звать ко мне! Все дорогие гости!

Прошу моих соседей веселиться

И быть как дома!

(К музыкантам.)

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

(К Боабдилу.)

Никто из крейсеров вас не заметил?

Б о а б д и л

Никто, сеньор. Мы подошли к дворцу,

Когда уж все стемнело. Эти псы

Подозревать не могут ничего.

Им виден с моря блеск дворцовых окон

И музыка веселая слышна;

А убежать готовится не так,

Чья голова обречена на плаху!

Д о н Ж у а н

Чтоб праздник наш и наше освещенье

Казались им еще великолепней,

Перед отплытьем я зажгу дворец

Пусть это будет также утешеньем

Соотчичам моим, что не могли

Они Жуана сжечь. Но время терпит,

Я вдаль плыву, и требует учтивость

Спеть что-нибудь в честь родины моей!
(Берет гитару, строит ее и поет, глядя на море.)

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрест,
На излучины сонные
Смотрят тысячи звезд;
Волн влюбленных лобзания
Раздаются кругом,
Тихо дремлет Испания
Упоительным сном.

Но нередко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я изменю лестницу
Укреплял у окна.
Так и наш, о Испания,
Я кончаю союз
И с тобой, без прощания,
Навсегда расстаюсь!

Л е п о р е л л о

(тихо к дон Жуану)

Сеньор, два слова! Слова два, не боле!

Д о н Ж у а н

(не обращая на него внимания,
переходит в другой тон и продолжает)

То, что снилось мне, того нет наяву!
Кто мне скажет, зачем, для чего я живу?
Кто мне смысл разгадает загадки?
Смысла в ней беспокойной душой не ищи,
Но, как камень, сорвавшись с свистящей
пращи,
Так лети все вперед, без оглядки!
Невозможен мне отдых! Несносен покой!
Уж я цели нигде не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, как крепким вином,
Но зато я, смеясь, опрокинул вверх дном
Бесполезно шипящую чашу!

Л е п о р е л л о

(на ухо дон Жуану)

Сеньор, здесь маскированная дама
Желает с вами говорить!

Д о н Ж у а н

Проси!

Люблю всегда я новые знакомства.

Не много времени осталось мне,

Но приключенье кстати на отъезде!

Л е п о р е л л о

Пожалуйста, сеньор, поосторожней!

Не забывают, что у жен мужья;

Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтоб женщины замужние все были,
А все б мужчины были холостые!

Д о н Ж у а н

Иди, болтун, проси ее сюда!

Донна Анна подходит, в маске.

Д о н Ж у а н

(идет к ней навстречу)

Сеньора, как я счастлив...

Д о н н а А н н а

(снимая маску)

Дон Жуан...

Д о н Ж у а н

(отступая)

Вы? Вы? Возможно ль?

(В сторону.)

Как она бледна!

Д о н н а А н н а

Я навсегда пришла проститься с вами...

Услышьте умирающей слова...

В моей душе нет более упреков,

Я вас пришла предостеречь.

Д о н Ж у а н

Сеньора...

Д о н н а А н н а

Мой срок короток... Я должна спешить...

Послушайте внимательно меня:

Спасенья дверь для вас еще открыта,

Но скоро будет поздно, дон Жуан...

Я, перед смертью, вижу вашу участь!

Д о н Ж у а н

Сеньора, что за речи? И зачем

Вам без нужды о смерти помышлять?

Д о н н а А н н а

Надеюсь, вы не думали, что я

Жива останусь, дон Жуан?

Д о н Ж у а н

Сеньора,

Быть может, вас тревожат спасенья...

Но будьте без боязни. Честь моя

Мне обо всем велит хранить молчанье,

А если б кто дерзнул подозревать

Его молчать заставит эта шпага!

Д о н н а А н н а

Оставьте, дон Жуан. Такие речи

Теперь уж неуместны. Боже мой,

Как все мне стало ясно и понятно!

С моих очей как будто спал туман,

И без труда я различаю нить

Запутанных событий и дорогу,

Которой вы к гибели пришли.
То, что случилось и что скоро будет,
Теперь я разом обнимаю. Время,
Мне кажется, исчезло для меня
И вечность началась. Я ошибалась,
Когда вас обвиняла беспощадно;
Преступной жизни вашей, дон Жуан,
Найдутся, я надеюсь, объяснения,
Которые смягчат господень суд,
Но вы спасетесь только покаяньем!

Д о н Ж у а н
(про себя)

Она теперь вступила в период
Раскаянья и мыслей религиозных!
Но как идут к ней эти угрызенья!
Исчезла гордость с бледного чела,
И грусть на нем явилась неземная...
Вся набожно отдавшись Мадонне,
Она теперь не знает и сама,
Как живописно с гребня кружевное
Ей падает на плечи покрывало...
Нет, право, никогда еще досель
Я не видал ее такой прекрасной!
Д о н н а А н н а
Покайтесь, дон Жуан! Еще не поздно!

Я знаю, что в вас веру погубило:
Искали вы блаженства - есть оно!
Но на земле гнались вы напрасно
За тем, что только в небе суждено.

Д о н Ж у а н
(про себя)

Несчастливая вдалась в мистицизм!
Но взгляд ее и голос музыкальный
Предательски меня обворожают...
Не думал я вчера, как мы расстались,
Что продолжится чувств моих обман!

Д о н н а А н н а

О, если в вашей жизни, дон Жуан,
Хоть что-нибудь вам было свято - если
Кого-нибудь хоть раз любили вы,
О дон Жуан, воспоминаньем этим
Я вас молю!

Д о н Ж у а н
(про себя)

Еще единый миг

И я паду к ее ногам. Рассудок
Уж начинаю я терять. Нет, нет!
Прочь глупый бред! Опомнись, дон Жуан!
(К донне Анне.)

Осмелюсь ли вам предложить, сеньора,

Участье в нашем празднике принять?

Д о н н а А н н а

Несчастный! Ослепленный! Боже, боже!

Прости ему! Услышь молитву той,

Которая свою сгубила душу!

Я ухожу... Пора... Я умираю...

Уходит. Боабдил подходит к дон Жуану.

Б о а б д и л

Уже светлеет небо на востоке,

Нам время плыть. Мы ждем!

Д о н Ж у а н

(в раздумье)

Она сказала:

"Я умираю..." Вздор! Не может быть!

Однако, если... если в самом деле

Она решилась на самоубийство?

(К прислуге.)

Бежать за ней! Догнать ее сейчас!

Следить за ней! Не выпускать из вида!

Лепорелло убегает.

Б о а б д и л

Пора, пора! Когда мы опоздаем,

Галеры все погонятся за нами!

Д о н Ж у а н

Зачем мое так больно сжалось сердце?

Ужели вправду я ее люблю?

Б о а б д и л

(топая ногой)

Скорей, сеньор! Мои матросы ропщут!

Д о н Ж у а н

(опомнясь)

Ступайте к черту. Подымайте якорь.

Я остаюсь. Дарю тебе фелуку.

Б о а б д и л

В уме ли вы, сеньор? А инквизиция?

Д о н Ж у а н

Что мне до инквизиции, до смерти,

Когда, быть может, вправду я люблю!

Б о а б д и л

(в сторону)

Нет, он с ума сошел. С ним погибать

Нам не приходится.

(К пиратам.)

Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустеет.

Д о н Ж у а н

(в сильном волнении)

О, если я не брежу! Если вправду

Люблю ее любовью настоящей!

Как будто от ее последних слов
Отдернулася предо мной завеса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она так ясно повторила,
Что хочет умереть, во мне как будто
Оборвалбся что-то; словно я
Удар кинжалом в сердце получил
Еще доселе, длится это чувство...
Что ж это, если не любовь? Каким
Моя душа исполнилась волнением?
Сомнения исчезли без следа...
Я снова верю, как в былые дни...
О, я с ума сойду от счастья! Я...
О боже, боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о донна Анна!
Ко мне! Я твой! Ко мне! Люблю, люблю!
Бежит и вдруг останавливается как вко-
паный. Лампы гаснут.

Входит статуя командора.

С т а т у я

Ты звал меня на ужин, дон Жуан,

Я здесь.

Д о н Ж у а н

Во сне ли я иль наяву?

С т а т у я

Молись.

Д о н Ж у а н

Не может быть! Неправда! Сон!

Не он стоит из камня предо мной

Воображенье мне на ум приводит

Убитого отца! Прочь, призрак! Прочь!

Статуя стоит неподвижно. Молчание.

Спирается дыханье... Бьются жилы...

Рассудок мой туманится...

С т а т у я

Молись.

Д о н Ж у а н

В ушах шумит... Темнеет зренье... Прочь!

Прочь! Пропусти меня! Где донна Анна?

С т а т у я

Молись.

Д о н Ж у а н

Где донна Анна?

С т а т у я

Отравилась.

Д о н Ж у а н

(хватаясь за сердце)

О, что со мною?

С т а т у я

Ты любил ее.

Д о н Ж у а н

Остыла кровь, и сердце холодеет!

С т а т у я

Подумай о душе.

Д о н Ж у а н

(воспрянув от цепенения)

Смерть и проклятье!

К чему душа, когда любовь погибла!

Теперь мне боле нечего терять

И смерть и ад на бой я вызываю!

Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчание.

С т а т у я

Твой час пробил.

Д о н Ж у а н

(в отчаянии)

Любил я! Горе, горе!

В нее поверив, я поверил в бога,

Но поздно! Все погибло с нею - все,

И злее прежних эта злая шутка!

С т а т у я

В последний раз, молился.

Д о н Ж у а н

(в бешенстве)

Не хочу!

Клянуполитву, рай, блаженство, душу
И как в безверье я не покорялся,
Так, верящий, теперь не покорюсь!

С т а т у я

(касясь рукою дон Жуана)

Погибни ж, червь.

Д у х и

(являются с неба)

Назад, слепая сила!

Оставь того, кто верует и любит!

С а т а н а

(вырастает из земли)

Он мой! Отверг он покаянье!

Он богохульствует! Он мой!

Д у х и

Его спасет любви сознание,

Не кончен путь его земной!

С а т а н а

Нет, это против договора!

Уж ад над ним разинул пасть!

Хватай его, статуя командора,

Как исполнительная власть!

Статуя стоит неподвижно.

Меж, двух начальств колеблется усердие,

И преданность вдруг чувствует зазор?

Хватай его назло земле и тверди
Иль провались, булыжный командор!
Статуя проваливается. Духи становятся
между Сатаной
и дон Жуаном, который падает в обморок.
Сатана исчезает.

Д у х и

Пути творца необъяснимы,

Его судеб таинствен ход.

Всю жизнь обманами водимый

Теперь к сознанию придет!

Любовь есть сердца покаянье,

Любовь есть веры ключ живой,

Его спасет любви сознание,

Не кончен путь его земной!

(Исчезают.)

Утро. Дон Жуан лежит на кровати без
чувств.

Лепорелло старается привести его в па-
мять.

Л е п о р е л л о

Сеньор! Очнитесь! Добрые известья!

Очнитесь, сеньор!

(В сторону.)

С чего вчера

Он в обморок упал?

Д о н Ж у а н

(приходит в себя)

Тяжелый сон!

Ужасные во мне воспоминанья

Остались от него.

(Увидя Лепорелло.)

Ты здесь?

Л е п о р е л л о

Да, да,

Я с вами, здесь, и радостную новость

Я вам принес: во-первых, та галера...

Д о н Ж у а н

(вскакивая с кровати)

Где донна Анна?

Л е п о р е л л о

(пожимая плечами)

Кончена исторья!

Близ нашей виллы труп ее нашли,

Но слушайте известия, сеньор:

Во-первых, та галера, на которой

Плыл дон Йеронимо, разбита бурей,

И сам он потонул; а во-вторых,

Все члены Sant' officio сменены.

На место их назначены другие,

И ваш процесс покамест прекращен.

Вы можете свое обделать дело.

Да, да, сеньор, позвольте вас поздравить!

Д о н Ж у а н

(в изнеможении опускаясь в кресла)

Она погибла. Это был не сон.

Изо всего, что в эту ночь случилось,

Мне ясно лишь одно: она погибла!

Все остальное, может быть, мечта

Но это правда!

Л е п о р е л л о

Стоит ли, сеньор,

Так долго размышлять об этом? Право,

Как будто это первый случай с нами?

Д о н Ж у а н

(в раздумье)

Я мнил восстать как ангел-истребитель,

Войну хотел я жизни объявить

И вместе с ложью то, что было чисто,

Светло как день, как истина правдиво,

В безумии ногами я попрал!

Л е п о р е л л о

Что ж делать! Вы отыщете другую.

От вас зависит снова закутить!

Д о н Ж у а н

Закон вселенной - это равновесье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чем вознаградить что я разрушил?

Л е п о р е л л о

На вашем месте я б сейчас в Севилью
Отправился, и прерванные связи б
Связал опять, да золота побольше
Рассыпал бы направо и налево!

Д о н Ж у а н

Как я был слеп! Как счастье было близко!

Л е п о р е л л о

Сеньор, развеселитесь! Ей же богу,
Я вас не узнаю.

Д о н Ж у а н

Чем кончу я?

Искать любви мне боле невозможно,

А жизни мстить я право потерял.

Убить себя? То было бы легко:

Несостоятельные должники

Выходят часто так из затрудненья;

Но этим долга выплатить нельзя

Я должен жить. Я умереть не смею!

Л е п о р е л л о

Храни нас бог! Зачем нам умирать!

Давайте жить, сеньор, и веселиться!

Д о н Ж у а н

Я должен жить. И жаль, что слишком скоро

Меня избавит смерть от этой муки.

О, если б мог я вечно, вечно жить!

Л е п о р е л л о

По крайней мере, сколько можно доле.

Теперь, сеньор, нам нечего бояться!

Теперь все трын-трава!

Д о н Ж у а н

Оставь меня.

Лепорелло уходит; доу Жуан облакачивается на стол

и закрывает лицо руками.

ЭПИЛОГ

МОНАСТЫРЬ БЛИЗ СЕВИЛЬИ

Престарелый настоятель сидит в креслах.

Перед ним стоит монах.

Н а с т о я т е л ь

Как чувствует себя больной?

М о н а х

Отец мой,

Все в том же положении брат Жуан:

Болезни в нем совсем почти не видно,

Но с каждым часом пульс его слабей.

Н а с т о я т е л ь

Душевная болезнь его снедает.
Раскаянья такого постоянство
Высокий есть для братии пример.
До сей поры он ходит в власянице,
Ни разу он не снял своих вериг.
Я не видал подобного смиренья!

М о н а х

Вчера к себе он призывал всю братью,
У каждого прощенья он просил
И каялся в грехах передо всеми.

Н а с т о я т е л ь

Нам исповедь его давно известна:
Владела им когда-то суета,
Шептала на ухо мирская прелесть
И нашептала много грешных дел.
Но он уж их загладил покаяньем,
А все еще покоя нет ему!

Доселе все не хочет он постричься
Достойным не находит он себя.

М о н а х

Своей он смерти чует приближенье
И нас просил, в последнюю службу,
Похоронить его на том кладбище,
Где тело командора дон Альвара,

Убитого им некогда, лежит
И где потом была погребена
Дочь командора, донна Анна.

Н а с т о я т е л ь

Это

С уставом нашим было б несогласно.

У нас для братьий общее кладбище;

Особенного места выбирать

Никто себе не волен. Впрочем, он

Не произнес последнего обета

И в этом смысле есть еще мирянин.

Да сбудется его желанье.

Д р у г о й м о н а х

(входит)

Отче,

Пожалуй в келью, брат Жуан отходит!

Слышно протяжное пение. Входят, попарно, братия

с зажженными свечами.

Х о р м о н а х о в

С нашей жизнью вечно смежная,

Вечно ищущая нас,

Смерть приходит, неизбежная,

В каждый день и в каждый час.

Благо, благо недремавшему,

Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
К небесам молящий глас!

Н а с т о я т е л ь

(вставая)

Подайте мне мой посох. И сказать,
Чтобы в отходный колокол звонили.

Х о р м о н а х о в

В это страшное мгновение

Ты услышь его, господь!

Дай ему успокоение,

Дай последнее мучение

Упованьем побороть!

Мысли прежние, крамольные,

Обращенному прости,

Отыми земное, дольное,

Дай успение безбольное

И невольное и вольное

Прегрешенье отпусти!

Раздаются мерные удары отходного коло-
кола.

Мы моление соборное

Ныне шлем к тебе, господь;

В жизни - доли непокорная,

Скоро прахом будет плоть,

В дни былые дерзновенного
Скоро кончится борьба;
Ты ж помилуй сокрушенного,
Ныне верою смиренного,
В вечный мир от мира бренного
Отходящего раба!

Процессия уходит, попарно, вслед за насто-
ятелем.

Слышно постепенно удаляющееся пение,
сопровождаемое
колокольным звоном.

1859-1860

ПЕРЕВОДЫ

Джордж Гордон Байрон

* * *

Ассирияне шли как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки;
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.
Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали развеяны тьмы.
Ангел смерти лишь на ветер крылья про-
стер

И дохнул им в лицо, и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.
Вот расширивший ноздри повергнутый
конь,

И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.
Вот и всадник лежит, распростертый во
прах,

На броне его ржа и роса на власах,
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копьё, и не трубит труба.
И Ассирии вдов слышен плач на весь мир.
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял как снег перед блеском твор-
ца.

Сентябрь 1856

* * *

Неспящих солнце! Грустная звезда!
Как слезно луч мерцает твой всегда!
Как темнота при нем еще темней!
Как он похож на радость прежних дней!
Так светит прошлое нам в жизненной но-

чи,

Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна;
Видна, но далека - светла, но холодна!

Сентябрь 1856

Андре Шенье

* * *

Крылатый бог любви, склоняся над сохой,
Оратаем идет за взрезанной браздой;
Впряженные тельцы его послушны воле;
Прилежною рукой он засекает поле
И, дерзкий взгляд подняв, к властителю

небес

Взывает: "Жатву ты блюди мою, Зевес!

Не то, к Европе страсть опять в тебе вол-
нуя,

В ярмо твою главу мычащую нагну я!"

Осень 1856

* * *

Вот он, низийский бог, смиритель диких
стран,

Со взглядом девственным и гроздием вен-
чан,

Влекомый желтым львом и барсом много-
цветным,

Обратный держит путь к садам своим за-
ветным!

Осень 1856

* * *

Ко мне, молодой Хромид, смотри, как я
прекрасна!

О юноша, тебя я полюбила страстно!

Диане равная, когда, в закате дня,

Я шла, потупя взор, с восторгом на меня

Глядели пастухи, друг друга вопрошая:

"То смертная ль идет иль дева неземная?"

Неэра, не вверяй себя морским волнам,

Не то богинею ты станешь, и пловцам

Придется в бурю звать, к стерну теряя ве-
ру,

Фетиду белую и белую Неэру!"

Осень 1856

* * *

Супруг блудливых коз, нечистый и кичли-
вый,

Узрев, что к ним сатир подкрался похотли-
вый,

И чуя в нем себе опасного врага,

Вздыбся, изловчил ревнивые рога.

Сатир склоняет лоб - и стук их яркой встре-

чи

Зефиры по лесам, смеясь, несут далече.

Осень 1856

* * *

Багровый гаснет день; толпится за оградой
Вернувшихся телиц недоеное стадо.

Им в ясли сочная навалена трава,

И ждут они, жуя, пока ты, рукава

По локоть засучив и волосы откинув,

Готовишь звонкий ряд расписанных кув-
шинов.

Беспечно на тебя ленивые глядят,

Лишь красно-бурой той, заметь, неласков
взгляд;

В глазах ее давно сокрытая есть злоба,

Недаром от других она паслась особо;

Но если вместе мы к строптивой подойдем

И ноги сильные опутаем ремнем,

Мы покорим ее, и под твоей рукою

Польется молоко журчащею струею.

Осень 1856

* * *

Я вместо матери уже считаю стадо,

С отцом ходить в поля теперь моя отрада,

Мы трудимся вдвоем. Я заставляю медь

Весной душистою на пчельнике звенеть;
С царицею своей, услыша звук тяжелый,
Во страхе улететь хотят младые пчелы,
Но, новой их семье готовя новый дом,
Сильнее все в тазы мы кованые бьем,
И вольные рои, испуганные нами,
Меж зелени висят жужжащими гроздами.

Осень 1856

Иоганн Вольфганг Гете

БОГ И БАЯДЕРА

ИНДИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Магадев, земли владыка,

К нам в шестой нисходит раз,

Чтоб от мала до велика

Самому изведать нас;

Хочет в странствованье трудном

Скорбь и радость испытать,

Чтоб судьбою правосудным

Нас карать и награждать.

Он, путником город обшедши усталым,

Могучих проникнув, прислушавшись к ма-

лым,

Выходит в предместье свой путь продол-
жать.

Вот стоит под воротами,

В шелк и в кольца убрана,
С насурмлекными бровями,
Дева падшая одна.
"Здравствуй, дева!"- "Гость, не в меру
Честь в привете мне твоём!"
"Кто же ты?"- "Я баядера,
И любви ты видишь дом!"
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.
И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
"Лишь войди, и засияет
Эта хата как чертог;
Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел!"
И мнимым страданьям она помогает,
Бессмертный с улыбкою все примечает,
Он чистую душу в упавшей прозрел.
Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,

И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Через негу, и страх, и терзания мук.
Он касается устами
Расписных ее ланит
И нежданнами слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.
На заре, в волненье странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный

К яме огненной несут.
И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье...
"Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?"
С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:
"Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!
Красота ли неземная
Станет пеплом и золой?
Он был мой в лобзаньях рая,
Он и в смерти будет мой!"
Но стих раздаётся священного хора:
"Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!
Ты ж ученью Браммы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовешься баядерой
И не связана ты с ним.
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена.
Раздайтесь, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,

Примите к себе от последнего сна!"
Так, ее страданья множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огонь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.
Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневыми руками
Благие возносят к чертогам своим.

Август-сентябрь 1867

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.
Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он - дитя языческого дома,
А они - недавно крещены!

Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!
Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвести ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.
И, простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму
Двигается к нему
Странный гость бесшумно на порог.
Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой:
Вкруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.
"Видно, в доме я уже чужая,

Так она со вздохом говорит,
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!"
"Дева, стой,- воскликнул он,- со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!"
"Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!
И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут

Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!"
И ее он взвешивает речи:
"Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!"
"Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!"
"Нет, да светит пламя сей лампы
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о верь,
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!"
И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять,

Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
"Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!"
Полночь бьет - и взор доселе хладный
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.
И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится - и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.
И она к нему, ласкаясь, села:
"Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна,

Не согреюсь я в твоих руках!"
Но, кипящий жизненной силой,
Он ее в объятья заключил:
"Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!"
Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть.
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.
Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!
И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она - сомнений боле нет
Вздохи, слезы, страсти лепетанье

И восторга бешеного бред:

"Скоро день - но вновь

Нас сведет любовь!"

"Завтра вновь!" - с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержатъ не может гнева,

Ключ она свой тайный достает:

"Разве есть такая в доме дева,

Что себя пришельцам отдает?"

Так возмущена,

Входит в дверь она

И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу

Хочет скрыть завесою окна,

Покрывалом хочет скрыть подругу;

Но, отбросив складки полотна,

С ложа, вся пряма,

Словно не сама,

Медленно подьѣмлетъ она.

"Мать, о мать, нарочно ты ужели

Отравить мою приходишь ночь?

С этой теплой ты меня постели

В мрак и холод снова гонишь прочь?

И с тебя ужель

Мало и досель,

Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят;
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!
Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!
Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим,
Я должна идти за жизнью вновь!
Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завянуть,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.

Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!
Мать, услышь последнее моление,
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!"
Август-сентябрь 1867

* * *

Радость и горе, волнение дум,
Сладостной мукой встревоженный ум,
Трепет восторга, грусть тяжкая вновь,
Счастлив лишь тот, кем владеет любовь!
Август 1870

* * *

Трещат барабаны, и трубы гремят,
Мой милый в доспехе ведет свой отряд,
Готовится к бою, командует строю,
Как сильно забилося вдруг сердце мое.
Ах, если б мне дали мундир и ружье!
Пошла бы отважно я с другом моим,
По областям шла бы повсюду я с ним,

Врагов отражает уж наша пальба
О, сколько счастлива мужчины судьба!
Август 1870

Генрих Гейне

* * *

Безоблачно небо, нет ветру с утра,
В большом затрудненье торчат флюгера:
Уж как ни гадают, никак не добьются,
В которую сторону им повернуться?
Осень 1856 (?)

* * *

У моря сию на утесе крутом,
Мечтами и думами полный.
Лишь ветер, да тучи, да чайки кругом,
Кочуют и пенятся волны.
Знавал и друзей я, и ласковых дев
Их ныне припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь ветер, да рев,
Да пенятся волны, кочуя.
Осень 1856 (?)

* * *

Из вод подымая головку,
Лилея в раздумье глядит;
С высот улыбаяся, месяц
К ней тихой любовью горит.

Лилея стыдливо склонила
Головку на зеркало вод,
А он уж у ног ее, бедный,
Трепещет и блеск свой лиет.

Осень 1856 (?)

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

В пустынной дубраве несется ездок,
В роскошном лесистом ущелье,
Поет, и смеется, и трубит он в рог,
В душе и во взоре веселье.

Он в крепкую броню стальную одет,
Знаком его меч сарацинам,
То Ричард, Христовых то воинов цвет,
И Сердцем зовут его Львиным.

"Здорово, король наш!- лепечут листы
И плюща зеленые стены,
Здорово, король наш! Мы рады, что ты
Ушел из австрийского плена!"

Дышать на свободе привольно ему,
Он чувствует свое возрожденье,
И душную он вспоминает тюрьму,
И шпорит коня в упоенье.

[1868]

* * *

Обнявшись дружно, сидели

С тобою мы в легком челне,
Плыли мы к неведомой цели
По морю при тусклой луне.
И виден, как сквозь покрывало,
Был остров таинственный нам,
Светилося все, и звучало,
И весело двигалось там.
И так нас к себе несдержимо
Звало и манило вдали,
А мы - безутешно мы мимо
По темному морю плыли.

[1868]

* * *

Довольно! Пора мне забыть этот вздор,
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!
Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно,
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства - все было прекрасно.
Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму.

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая
О боже, я раненый насмерть играл,
Гладьятора смерть представляя!
1868

Георг Гервег

* * *

Хотел бы я угаснуть, как заря,
Как алые отливы небосклона;
Как зарево вечернее горя,
Я бы хотел излиться в божье лоно.
Я бы хотел, как светлая звезда,
Зайти, блестя в негаснущем мерцанье.
Я утонуть хотел бы без следа
Во глубине лазурного сиянья.
Пускай бы смерть моя была легка
И жизнь моя так тихо уходила,
Как легкий запах вешнего цветка,
Как синий дым, бегущий от кадила.
И как летит от арфы слабый звон,
В пределах дальних тихо замирая,
Так, от земной темницы отрешен,
Я б улететь хотел к родному краю.
Нет, не зайдешь ты светлую звездой,
Ты не угаснешь, заревом пылая,

Не как цветок умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, к родному краю.
Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется;
Природы смерть спокойна и легка
На части сердце, умирая, рвется!
1856 или 1857 (?)

Шотландская народная поэзия

ЭДВАРД

НАРОДНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА

1

"Чьей кровию меч ты свой так обагрил?

Эдвард, Эдвард?

Чьей кровию меч ты свой так обагрил?

Зачем ты глядишь так сурово?"

"То сокола я, рассердяся, убил,

Мать моя, мать,

То сокола я, рассердяся, убил,

И негде добыть мне другого!"

2

"У сокола кровь так красна не бежит,

Эдвард, Эдвард!

У сокола кровь так красна не бежит,

Твой меч окровавлен краснее!"

"Мой конь красно-бурый был мною убит,

Мать моя, мать!

Мой конь красно-бурый был мною убит,
Тоскую по добром коне я!"

3

"Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Эдвард, Эдвард!

Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Не то в твоём сумрачном взоре!"

"Отца я сейчас заколол моего,
Мать моя, мать!

Отца я сейчас заколол моего,
И лютое жжет меня горе!"

4

"А грех чем тяжёлый искупишь ты свой,
Эдвард, Эдвард?

А грех чем тяжёлый искупишь ты свой?
Чем сымешь ты с совести ношу?"

"Я сяду в ладью непогодой морской,
Мать моя, мать!

Я сяду в ладью непогодой морской,
И ветру все парусы брошу!"

5

"А с башней что будет и с домом твоим,
Эдвард, Эдвард?

А с башней что будет и с домом твоим,

Ладья когда в море отчалит?"

"Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Мать моя, мать!

Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Доколе их в прах не повалят!"

6

"Что ж будет с твоими с детьми и с женой,
Эдвард, Эдвард?

Что ж будет с твоими с детьми и с женой
В их горькой, беспомощной доле?"

"Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Мать моя, мать!

Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Я с ними не свижуся боле!"

7

"А матери что ты оставишь своей,
Эдвард, Эдвард?

А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у груди качала?"

"Проклятье тебе до скончания дней,
Мать моя, мать!

Проклятье тебе до скончания дней,
Тебе, что мне грех нашептала!"

Конец 1871

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СКАЗКА ПРО КОРОЛЯ И ПРО МОНАХА

Жил-был однажды король, и с ним жила королева,

Оба любили друг друга, и всякий любил их обоих.

Правда, и было за что их любить; бывало, как выйдет

В поле король погулять, набьет он карман пирогами,

Бедного встретит - пирог! "На, брат,- говорит,- на

здоровье!"

Бедный поклонится в пояс, а тот пойдет себе дальше.

Часто король возвращался с пустым совершенно

карманом.

Также случалось порой, что странник пройдет через

город,

Тотчас за странником шлет королева своих скороходов.

"Гей,- говорит,- скороход! Скорей вы его воротите!"

Тот воротится в страхе, прижмется в угол

прихожей,

Думает, что-то с ним будет, уж не казнить привели ли?

АН совсем не казнить! Ведут его к королеве.

"Здравствуйте, братец,- ему говорит королева,

присядьте.

Чем бы попотчевать вас? Повара, готовьте закуску!"

Вот повара, поварихи и дети их, поваренки,

Скачут, хлопчут, шумят, и варят, и жарят закуску.

Стол приносят два гайдука с богатым прибором.

Гостя сажают за стол, а сами становятся сзади.

Странник садится, жует да, глотая, вином запивает,

А королева меж тем бранит и порочит закуску:

"Вы,- говорит,- на нас не сердитесь, мы люди простые.

Муж ушел со двора, так повара оплошали!"

Гость же себе на уме: "Добро, королева, спасибо!

Пусть бы везде на дороге так плохо меня угощали!"

Вот как жили король с королевой, и нечего молвить,

Были они добряки, прямые, без всяких претензий...

Кажется, как бы, имея такой счастливый характер,

Им счастливым не быть на земле? Ан вышло иначе!

Помнится, я говорил, что жители все королевства

Страх короля как любили. Все! Одного исключая!

Этот один был монах, не такой, как бывают монахи,

Смирные, скромные, так что и громкого слова не молвят.

Нет, куда! Он первый был в королевстве гуляка!

Тьфу ты! Ужас берет, как подумаешь, что за буян был!

А меж тем такой уж пролаз, такая лисица,

Что, пожалуй, святым прикинется, если захочет.

Дьяком он был при дворе; то есть если какие бумаги

Надобно было писать, то ему их всегда поручали.

Так как король был добряк, то и всех он считал

добряками,

Дьяк же то знал, и ему короля удалось уверить,

Что святее его на свете нет человека.

Добрый король с ним всегда и гулял, и спал, и обедал,

"Вот,- говаривал он, на плечо опираясь монаха,

Вот мой лучший друг, вот мой вернейший товарищ".

Да, хорош был товарищ! Послушайте, что он за друг

был!

Раз король на охоте, наскучив быстрою скачкой,

Слез, запыхавшись, с коня и сел отдохнуть под дубочки.

Гаркая, гукая, мимо его пронеслась охота,
Стихли мало-помалу и топот, и лай, и взы-
ванья.

Стал он думать о разных делах в своем ко-
ролевстве:

Как бы счастливее сделать народ, доходы
умножить,

Податей лишних не брать, а требовать то
лишь, что
можно.

Вдруг шорохнулись кусты, король оглянул-
ся и видит,

С видом смиренным монах стоит, за поя-
сом четки,

"Ваше величество,- он говорит,- давно мне
хотелось

Тайно о важном деле с тобою молвить сло-
вечко!

Ты мой отец, ты меня и кормишь, и по-
ишь, и кров мне

От непогоды даешь, так как тебя не лю-
бить мне!"

В ноги упал лицемер и стал обнимать их,
рыдая.

Бедный король прослезился: "Вставай,- го-

ворит он,

вставай, брат!

Все, чего хочешь, проси! Коль только можно, исполню!"

- "Нет, не просить я пришел, уж ты и так мне

кормилец!

Хочется чем-нибудь доказать мне свою благодарность.

Слушай, какую тебе я открою дивную тайну!

Если в то самое время, как кто-нибудь умирает,

Сильно ты пожелаешь, душа твоя в труп угнездится,

Тело ж на землю падет и будет лежать без дыханья.

Так ты в теле чужом хозяином сделаться можешь!"

В эту минуту олень, пронзенный пернатой стрелой,

Прямо на них налетел и грянулся мертвый об землю.

"Ну,- воскликнул монах,- теперь смотри в оба глаза".

Стал пред убитым оленем и молча вперил
в него очи.

Мало-помалу начал бледнеть, потом зашатался

И без дыхания вдруг как сноп повалился
на землю.

В то же мгновение олень вскочил и проворно запрыгал,

Вкруг короля облетел, подбежал, полизал
ему руку,

Стал пред монаховым телом и грянулся б
землю

мертвый.

Тотчас на ноги вспрянул монах как ни в
чем не бывало

Ахнул добрый король, и вправду дивная
тайна!

Он в удивленьи вскричал: "Как, братец, это
ты сделал?"

- "Ваше величество,- тот отвечал, лишь стоит
ит

серьезно

Вам захотеть, так и вы то же самое можете
сделать!

Вот, например, посмотри: сквозь лес про-

бирается серна,

В серну стрелой я пущу, а ты, не теряя минут,
В тело ее перейди, и будешь на время ты
серной".

Тут монах схватил самострел, стрела полетела,

Серна прыгнула вверх и пала без жизни на
землю.

Вскоре потом упал и король, а серна вскочила.

То лишь увидел монах, тотчас в королевское тело

Он перешел и рожок поднял с земли королевский.

Начал охоту сзывать, и вмиг прискакала охота.

"Гей, вы, псари!- он вскричал.- Собак спустите со

своров,

Серну я подстрелил, спешите, трубите, скачите!"

Прыгнул мнимый король на коня, залаяла стая,

Серна пустилась бежать, и вслед поскакала

ла охота.

Долго несчастный король сквозь чащу легкой серной

Быстро бежал, наконец он видит в сторонке пещеру,

Мигом в нее он влетел, и след его псы потеряли.

Гордо на статном коне в ворота въехал изменник,

Слез на середине двора и прямо идет к королеве.

"Милая ты королева моя,- изменник вещает,

Солнце ты красное, свет ты очей моих, месяц мой ясный,

Был я сейчас на охоте, невесело что-то мне стало;

Скучно, вишь, без тебя, скорей я домой воротился,

Ах ты, мой перл дорогой, ах ты, мой яхонт бесценный!"

Слышит его королева, и странно ей показалось:

Видит, пред нею король, но что-то другие приемы,

Тот, бывало, придет да скажет: "Здравствуй, хозяйка!",

Этот же сладкий такой, ну что за сахар медович!

Дня не прошло, в короле заметили все перемену.

Прежде, бывало, придут к нему министры с докладами,

Он переслушает всех, обо всем потолкует, посудит,

Дело, подумав, решит и скажет: "Прощайте, министры!"

Ныне ж, лишь только придут, ото всех отберет он

бумаги,

Бросит под стол и велит принести побольше наливки.

Пьет неумеренно сам да министрам своим подливает.

Те из учтивости пьют, а он подливает все больше.

Вот у них зашумит в голове, начнут они спорить,

Он их давай поджигать, от спора дойдет и до драки,

Кто кого за хохол, кто за уши схватит, кто
за нос,

Шум подымут, что все прибегут царедвор-
цы,

Видят, что в тронной министры катаются
все на паркете,

Сам же на троне король, схватившись за
боки, хохочет.

Вот крикунов разоймут, с трудом подымут
с паркета,

И на другой день король их улицы мыть
отсылает:

"Вы-де пьяницы, я-де вас научу напивать-
ся,

Это-де значит разврат, а я не терплю-де
разврата!"

Если ж в другой раз придет к нему с вопро-
сом

кухмейстер:

"Сколько прикажешь испечь пирогов сего-
дня для

бедных?"

- "Я тебе дам пирогов,- закричит король в
исступленье,

Я и сам небогат, а то еще бедных кормить

мне!

В кухню скорей убирайся, не то тебе розги, разбойник!"

Если же странник пройдет и его позовет королева,

Только о том лишь узнает король, наделает шуму.

"Вон его,- закричит,- в позатыльцы его, в позатыльцы!"

Много бродяг есть на свете, еще того и смотри, что

Ложку иль вилку он стянет, а у меня их немного!"

Вот каков был мнимый король, монах-дусегубец.

А настоящий король меж тем одинокою серной

Грустно средь леса бродил и лил горячие слезы.

"Что-то,- он думал,- теперь происходит с моей

королевой!

Что, удалось ли ее обмануть лицемеру монаху?

Уж не о собственном плачу я горе, уж

пусть бы один я

В деле сем пострадал, да жаль мне подданных бедных!"

Так сам с собой рассуждая, скитался в лесу он дремучем,

Серны другие к нему подбегали, но только лишь взглянут

В очи ему, как назад бежать они пустятся в страхе.

Странное дело, что он, когда был еще человеком,

В шорохе листьев, иль в пении птиц, иль в ветре сердитом

Смысла совсем не видал, а слышал простые лишь звуки,

Ныне ж, как сделался серной, то все ему стало понятно:

"Бедный ты, бедный король,- ему говорили деревья,

Спрячься под ветви ты наши, так дождь тебя не

замочит!"

"Бедный ты, бедный король,- говорил ручеек

торопливый,

Выпей струи ты мои, так жажда тебя не измучит!"

"Бедный ты, бедный король,- кричал ему ветер

сердитый,

Ты не бойся дождя, я тучи умчу дождевые!"

Птички порхали вокруг короля и весело пели.

"Бедный король,- они говорили,- мы будем стараться

Песней тебя забавлять, мы рады служить, как умеем!"

Шел однажды король через гуцу и видит, на травке

Чижик лежит, умирая, и тяжело, с трудом уже дышит.

Чижик другой для него натаскал зеленого моху,

Стал над головкой его, и начали оба прощаться.

"Ты прощай, мой дружок,- чирикал чижик здоровый,

Грустно будет мне жить одному, ты сам не поверишь!"

- "Ты прощай, мой дружок,- шептал умира-

Ющий

чижик,

Только не плачь обо мне, ведь этим ты мне не поможешь,

Много чижиков есть здесь в лесу, ты к ним приютися!"

- "Полно,- тот отвечал,- за кого ты меня принимаешь!"

Может ли чижик чужой родного тебя заметить мне?"

Он еще говорил, а тот уж не мог его слышать!

Тут внезапно счастливая мысль короля поразила.

Стал перед птичкою он, на землю упал и из серны

Сделался чижиком вдруг, вспорхнул, захлопал крылами,

Весело вверх поднялся и прямо из темного леса

В свой дворец полетел.

Сидела одна королева;

В пальцах она вышивала, и капали слезы на пальцы.

Чижик в окошко вспорхнул и сел на плечо

к королеве,

Носиком начал ее целовать и песню запел ей.

Слушая песню, вовсе она позабыла работу.

Голос его как будто бы ей показался знакомым,

Будто она когда-то уже чижику этого знала,

Только припомнить никак не могла, когда это было.

Слушала долго она, и так ее тронула песня,

Что и вдвое сильнее потекли из очей ее слезы.

Птичку она приласкала, тихонько прикрыла рукою

И, прижав ко груди, сказала: "Ты будешь моею!"

С этой поры куда ни пойдет королева, а чижику

Так за ней и летит и к ней садится на плечи.

Видя это, король, иль правильной молвить, изменник,

Тотчас смекнул, в чем дело, и говорит королеве:

"Что это, душенька, возле тебя вертится все чижик?

Я их терпеть не могу, они пищат, как котенки,

Сделай ты одолженье, вели его выгнать в окошко!"

- "Нет,- говорит королева,- я с ним ни за что не

- "Ну, так, по крайней мере, вели его ты изжарить.

Пусть мне завтра пораньше его подадут на закуску!"

Страшно сделалось тут королеве, она еще больше

Стала за птичкой смотреть, а тот еще больше сердитый.

Вот пришлось, что соседи войну королю объявили.

Грянули в трубы, забили в щиты, загремели в литавры,

С грозным оружием к стенам городским подступил

неприятель,

Город стал осаждать и стены ломать рычагами.

Вскоре он сделал пролом, и все его воины с криком

Хлынули в город и прямо к дворцу короля побежали.

Входят толпы во дворец, все падают ниц царедворцы.

Просят пощады, кричат, но на них никто и не смотрит,

Ищут все короля и нигде его не находят.

Вот за печку один заглянул, ан глядь!- там, прикрывшись,

Бледный, как тряпка, король сидит и дрожит как осина.

Тотчас схватили его за хохол, тащить его стали,

Но внезапно на них с ужасным визгом и лаем

Бросился старый Полкан, любимый пес королевский.

Смирно лежал он в углу и на все смотрел равнодушно.

Старость давно отняла у Полкана прежнюю ревность,

Но, увидя теперь, что тащат его господина, Кровь в нем разыграла, он встал, глаза его

засверкали,

Хвост закрутился, и он полетел господину на помощь...

Бедный Полкан! Зачем на свою он надеялся силу!

Сильный удар он в грудь получил и мертвый на землю

Грянулся,- тотчас в него перешел трусишка изменник,

Хвост поджал и пустился бежать, бежать без оглядки.

Чижик меж тем сидел на плече у милой хозяйки.

Видя, что мнимый король обратился со страху в

Полкана,

В прежнее тело свое он скорей перешел и из птички

Сделался вновь королем. Он первый попавшийся в руки

Меч схватил и громко вскричал: "За мною, ребята!"

Грозно напал на врагов, и враги от него побежали.

Тут, обратившись к народу: "Послушайте,

дети,- он

молвил,

Долго монах вас морочил, теперь он достиг
наказанья,

Сделался старым он псом, а я королем ва-
шим прежним!"

- "Батюшка!- крикнул народ,- и впрямь ты
король

наш родимый!"

Все закричали "ура!" и начали гнать супо-
стата.

Вскоре очистился город, король с короле-
вою в церковь

Оба пошли и набожно там помолилися бо-
гу.

После ж обедни король богатый дал празд-
ник народу.

Три дни народ веселился. Достаточно ели
и пили,

Всяк короля прославлял и желал ему мно-
гие лета.

* * *

ВИХОРЬ-КОНЬ

В диком месте в лесу...

Из соломы был низкий построен шалаш.

Частым хворостом вход осторожно по-
крыт,

Мертвый конь на траве перед входом ле-
жит.

И чтоб гладных волков конь из лесу при-
влек,

Притаясь в шалаше, ожидает стрелок.

Вот уж месяц с небес на чернеющий лес

Смотрит, длинные тени рисуя древес,

И туман над землей тихо всходит седой,

Под воздушной скрывает он лес пеленой.

Ни куста, ни листа не шатнет ветерок,

В шалаше притаясь, молча смотрит стре-
лок,

Терпеливо он ждет, месяц тихо плывет,

И как будто бы времени слышен полет.

Чу! Не шорох ли вдруг по кустам пробе-
жал?

Отчего близ коня старый пенёк задрожал?

Что-то там забелело, туман не туман,

В чаще что-то шумит, будто дальний бу-
ран,

И внезапно стрелка странный холод по-
тряс,

В шуме листьев сухих дивный слышит он

Глас:

"Вихорь-конь мой, вставай, я уж боле не пень,

Вихорь-конь, торопися, Иванов уж день!"
И как озера плеск и как полымя треск,
Между пний и кустов словно угольев
блеск,

Что-то ближе спешит, и хрустит, и трещит,
И от тысячи ног вся земля дребезжит.

"Встань, мой конь, я не пень, брось, мой
конь, свою лень!

Конь, проворней, проворней, в лесу дребе-
день!"

Страшен чудный был голос, конь мертвый
вскочил,

Кто-то прыг на него, конь копытом забил,
Поднялся на дыбы, задрожал, захрапел
И как вихорь сквозь бор с седоком полетел,
И за ним между пнев, и кустов, и бугров
Полетела, шумя, стая гладных волков.
Долго видел стрелок, как чудесным огнем
Их мелькали глаза в буераке лесном
И как далее и далее в чернеющий лес
Их неистовый бег, углубляясь, исчез.
И опять воцарилась кругом тишина,

Мирно сумрачный лес освещает луна,
Расстилаясь туман над сырою землей,
Под таинственной чащу сокрыл пеленой.
И, о виденном диве мечтая, стрелок
До зари в шалаше просидел, одиноко.
И едва на востоке заря занялась,
Слышен топот в лесу, и внимает он глас:
"Конь, недолго уж нам по кустам и буграм
Остается бежать, не догнать нас волкам!"
И как озера плеск и как полымя треск,
Между пнеи и кустов, словно угольев
блеск,

И шумит, и спешит, и хрустит, и трещит,
И от тысячи ног вся земля дребезжит.
"Конь, не долго бежать, нас волкам не до-
гнать.

Сладко будешь, мой конь, на траве отды-
хать!"

И, весь пеной покрыт, конь летит и пых-
тит,

И за ним по пятам волчья стая бежит.
Вот на хуторе дальнем петух прокричал,
Вихорь-конь добежал, без дыханья упал,
Седока не видать, унялась дребедень,
И в тумане по-прежнему виден лишь пень.

У стрелка ж голова закружилась, и он
Пал на землю, и слуха и зренья лишен.
И тогда он очнулся, как полдень уж был,
И чернеющий лес он покинуть спешил.

* * *

ТЕЛЕСКОП

Баллада

Умен и учен монах Артамон,
И оптик, и физик, и врач он,
Но вот уж три года бежит его сон,
Три года покой им утрачен.
Глаза его впалы, ужасен их вид,
И как-то он странно на братий глядит.
Вот братья по кельям пошли толковать:
"С ума, знать, сошел наш ученый!
Не может он есть, не может он спать,
Всю ночь он стоит пред иконой.
Ужели (господь, отпусти ему грех!)
Он сделаться хочет святее нас всех?"
И вот до игумена толки дошли,
Игумен был строгого нрава:
Отца Гавриила моли не моли,
Ты грешен, с тобой и расправа!
"Монах,- говорит он,- сейчас мне открой,
Что твой отравляет так долго покой?"

И инок в ответ: "Отец Гавриил,
Твоей покоряюсь я воле.
Три года я страшную тайну хранил,
Нет силы хранить ее доле!
Хоть тяжело мне будет, но так уж и быть,
Я стану открыто при всех говорить.
Я чаю, то знаете все вы, друзья,
Что, сидя один в своей келье,
Давно занимался механикой я
И разные варивал зелья,
Что силою дивных стекол и зеркал
В сосуды я солнца лучи собирал.
К несчастью, я раз, недостойный холоп,
В угодность познаний кумиру,
Затеял составить большой телескоп,
Всему в удивление миру.
Двух братьев себе попросил я помочь,
И стали работать мы целую ночь.
И множество так мы ночей провели,
Вперед подвигалось дело,
Я лил, и точил, и железо пилил,
Работа не шла, а кипела.
Так, махина наша, честнейший отец,
Поспела, но, ах, не на добрый конец.
Чтоб видеть, как силен мой дивный сна-

ряд,

Трубу я направил на гору,
Где башни и стены, белеясь, стоят,
Простому чуть зримые взору.
Обитель святой Анастасии там.
И что же моим показалось очам?
С трудом по утесам крутым на коне
Взбирается витязь усталом,
Он в тяжких доспехах, в железной броне,
Шелом с опущенным забралом,
И, стоя с поникшей главой у ворот,
Отшельница юная витязя ждет.
И зрел я (хоть слышать речей их не мог),
Как обнял свою он подругу,
И ясно мне было, что шепчет упрек
Она запоздалому другу.
Но вместо ответа железным перстом
На наш указал он отшельнице дом.
И кудри вились его по плечам,
Он поднял забрало стальное,
И ясно узрел я на лбу его шрам,
Добытый средь грозного боя.
Взирая ж на грешницу, думал я, ах,
Зачем я не витязь, а только монах!
В ту пору дни на три с мощами к больным

Ты, честный отец, отлучился,
Отсутствием я ободренный твоим
Во храме три дня не молился,
Но до ночи самой на гору смотрел,
Где с юной отшельницей витязь сидел.
Помощников двух я своих подозревал,
Мы сменять стали друг друга.
Такого, каким я в то время сторал,
Не знал никогда я недуга.
Когда ж возвратился ты в наш монастырь,
По-прежнему начал читать я псалтырь.
Но все мне отшельницы чудился лик,
Я чувствовал сердца терзанье,
Товарищей двух ты тогда же расстриг
За малое к службе вниманье,
И я себе той же судьбы ожидал,
Но, зная, я смущенье удачней скрывал.
И вот уж три года, лишь только взойдет
На небо дневное светило,
Из церкви меня к телескопу влечет
Какая-то страшная сила.
Увы, уж ничто не поможет мне ныне,
Одно лишь осталось: спастись в пустыне".
Так рек Артамон, и торжественно ждет
В молчанье глубоком собранье,

Какому игумен его обречет
В пример для других наказанью.
Но, брови нахмутив, игумен молчит,
Он то на монаха, то в землю глядит.
Вдруг снял он клобук, и рассеченный лоб
Собранью всему показался.
"Хорош твой, монах,- он сказал,- телескоп,
Я в вражии сети попался!
Отныне игуменом будет другой,
Я ж должен в пустыне спастись с тобой".
* * *

ПРОСТИ

Ты помнишь ли вечер, когда мы с тобой
Шли молча чрез лес одинокой тропой,
И солнышко нам, готовясь уйти,
Сквозь ветви шептало: "Прости, прости!"
Нам весело было, не слышали мы,
Как ветер шумел, предвестник зимы,
Как листья хрустели на нашем пути
И лето шептало: "Прости, прости!"
Зима пролетела, в весенних цветах
Природа, красуясь, пестреет, но, ах,
Далеко, далеко я должен идти,
Подруга, надолго прости, прости!
Ты плачешь? Утешься! Мы встретимся

там,

Где радость и счастье готовятся нам,
Судьба нам позволит друг друга найти,
Тогда, когда жизни мы скажем "прости!"
* * *

МОЛИТВА СТРЕЛКОВ

Великий Губертус, могучий стрелок,
К тебе мы прибегнуть дерзнули!
К тебе мы взываем, чтоб нам ты помог
И к цели направил бы пули!
Тебя и отцы призывали и деды,
Губертус, Губертус, податель победы!
Пусть дерзкий безбожник волшебный сви-
нец

В дремучем лесу растопляет,
Ужасен безбожнику будет конец,
Нас счастье его не прельщает:
Он в трепете вечном и в страхе живет,
Покуда час смерти его не пробьет.
Пусть Гакельберг ночью шумит и трубит
И грозно над бором несется,
Охотника доброго он не страшит,
Виновный пред ним лишь трясется,
И слышит, чуть жив, над главою своей
Лай псов, и взыванья, и ржанье коней.

Пусть яростный вепрь иль сердитый медведь

Лихого стрелка одолеет,
Уж если ему суждено умереть,
Он с верой погибнуть умеет.
Чья верой душа в провиденье полна,
Тому не бывает гибель страшна.
Великий Губертус, могучий стрелок,
К тебе мы прибегнуть дерзнули!
К тебе мы взываем, чтоб нам ты помог
И к цели направил бы пули!
Тебя кто забудет на помощь призвать,
Какого успеха тому ожидать!

* * *

* * *

Я верю в чистую любовь
И в душ соединенье;
И мысли все, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки бьенье
Отдам я с радостью той,
Которой образ милый
Меня любовью святой
Исполнит до могилы.

1832

СТИХОТВОРНЫЕ ЗАПИСКИ.

ЭКСПРОМТЫ. НАДПИСИ. БУРИМЕ

[Б. М. МАРКЕВИЧУ]

Где нет толку никакого,

Где сумбур и дребедень

Плюнь, Маркевич, на Буткова

И явись как ясный день!

24 февраля 1859

[М. Н. ЛОНГИНОВУ]

Очень, Лонгинов, мне жаль,

Что нельзя с тобой обедать

Какова моя печаль,

То тебе нетрудно ведать.

1864

* * *

"Аминь, глаголю вам,- в восторге рек
Маркевич,

Когда к Москве-реке, задумчив, шел Катков,

Се агнца божья зрим!" Но злобный Стасюлевич

Возненавидел вес классических оков

И фарисейски плел, с враждою вечно новой,

Прилегши за кустом, ему венец терновый.

28 декабря 1869

* * *

Под шум балтийских волн Самарина фон
Бок

Разит без умолку. Их битву петь возьмусь
ли?

Ко матушке Москве респект во мне глу-
бок,

Но "Lieber Augustin"(*) мои играют гусли,
И, как ни повернусь, везде найду изъян:
Самарин - Муромец, фон Бок же - грубиян.

(*) "Милый Августин" (нем.).- Ред.

28 декабря 1869

ЭЛЕГИЯ

Где Майков, Мей, и Мин, и Марков, и Ми-
няев,

И Фет, что девам люб?

Полонский сладостный, невидящий Ширя-
ев

И грешный Соллогуб?

Передо мной стоят лишь голые березы

И пожелтевший дуб,

Но нет с кем разделить в бору холодном
слезы

И насморк дать кому б!

11 января 1870

[М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ]

Скорее на небе луну
Заменит круг презренной...,
Чем я хоть мысленно дерзну
Обидеть "Вестника Европы!"

18 ноября 1873

[В. А. АРЦИМОВИЧУ]

Ты властитель всех сердец,
Нам же дядя и отец!

3 апреля 1875

[А. М. и Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЫМ]

Милые дети, вас просят обедать.
Дайте посланцу ответ;
Нужен ответ, чтобы повару ведать,
Сколько состряпать котлет.

* * *

НЕОЖИДАННОЕ НАКАЗАНИЕ

Толстый юнкер Арапетов
В этот новый год,
Взявши дюжину браслетов,
К дядюшке несет.
Он к Арапову приходит:
"Дяденька,- браслет!"
Видя бронзу, тот находит,

Что родства-де нет.
Оробел наш Арапетов,
Услыхав ответ:
"Мой племянник лишь Бекетов".
- "Ну так я ваш внук?"
И вся дюжина браслетов
Выпала из рук...
"Внук ты мой? Так как же, сиречь
Значит, я ваш дед?
Ну так я вас должен высечь
И принять браслет..."

* * *

[Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ]
Горька нам, Николай,
Была б твоя утрата,
К обеду приезжай
И привези нам брата.
Отсутствием твоим
Отчасти поражен,
Вчера я был один
Урусовой пленен.
Сам храбрый Бирюлев
И звонкий Опочинин
Явились без штанов,
И вечер был бесчинен...

* * *

ПРОГУЛКА ПОД КАЧЕЛЯМИ

Вон тянется вдали колясок полоса,
И из одной из них, свой выставив чубук,
Лакей какой-то ... Все мокро, как роса,
И древо мостовой сияет, будто бук.
Люблю я праздников невинное смятенье,
Вид пьяных мужиков мне просто утешенья!

Мне нравился всегда народных игр состав,
Поеду в балаган, поеду - решено!
Гостиных модных мне наскучил уж устав,
Дни юности я в них рассыпал, как пшено!

* * *

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БАЛКАНСКИЕ ГОРЫ

Вершины закутала туч полоса.
Денщик, дай кисет и чубук!
Меня до костей промочила роса,
Здесь сыро - все ольха да бук!
Вот выстрел!- Чу, что там вдали за смятенья?

Врагов ли господь нам послал в утешенье?
Цыганской ли шайки презренный состав
Нам встретить в горах решено?
Что б ни было, вспомним воинский устав,

Рассыпем врагов, как пшено!

* * *

* * *

Об этом я терзаюсь и плачу
Зимой, весной, осенью и летом,
Печаль моя и жалобна и громка,
И скоро я красу свою утрачу,
Глядя порой, как с маленьким лафетом
Невинный твой в траве играет Фомка.

* * *

БАСНЯ ПРО РОМУЛА И РЕМА

Реин батюшка проспал,

Он прямая ижица!

Не видал, как генерал¹

С его дочкой лижется,²

Как берет оделаванд

После с перекладины,

Которую Монферранд

Сделал среди впадины.

* * *

---

1 Марс.

2 От сего произошли Ромул и Рем.

ПРОГУЛКА С ПОДРУГОЙ ЖИЗНИ

Покройся, юная девица,

С тебя покров стыдливый пал,
Закройся, юная девица,
Кратка дней красных вереница,
И ты состаришься, девица,
И твой придет девятый вал,
Закройся ж, юная девица,
С тебя покров стыдливый пал.

* * *

* * *

1
Молчите!- Мне не нужен розмарин!
Я знаю вас, крамольная палата!
Теперь не вы, а я здесь властелин,
И русских грудь крепчайшие мне латы!
Я презираю вас и ваше злато,
Мне вас милей лабазник бородатый,
Ступайте ж лучше вы в отель "Берлин",
Да осенит теперь орел крылатый
Гнездо измены, подлости и вин,
Я постелю матрасы, вам без ваты!

2
И впредь, друзья, коль дорог вам живот
Вы не забудьте, я какой детина!
Я вами поверну, как мышью кот,
Вам не поможет польская вся тина,

Я посажу к вам Федорова сына, (*)
Вы будете как в хрене осетрина,
В костелах будет греческий кивот,
Вблизи Варшавы желтая есть глина,
Паскевич вам замажет ею рот,
И верьте мне, что это не малина.

3

И на домах я не оставлю кровли,
Скорей с моих вы убирайтесь глаз,
Не разобьет молочник медный таз,
Не перегнет соломинка оглобли.

* * *

(*) Иван Федоров сын Паскевич.

* * *

Не приставай ко мне, Борис Перовский,
Ужасны мне любви твоей желанья,
К тебе любовью горит Маланья,
Зачем же к ней, Борис, ты не таковский?
Но ты, как древле старый Березовский,
Одной музыки созидает зданья,
Мила тебе котлета лишь баранья,
И лишь калач пленил тебя московский.

* * *

БЕГСТВО НАПОЛЕОНА ИЗ РОССИИ

Готова ль мне, готова ли карета?
Пешком бежать во Францию боюсь!
Я побежден, но да поглотит Лета
Меня, коль я от робости у. . . .
Хрупка Фортуны ломкая пружина,
Но мне верна французская дружина!
Со мной языков было двадцать восемь,
Морозы их с пожарами сразили,
И так, как сено мы на нивах косим,
Нас косит смерть. Я возвращуся или. . .
Но нет, давайте мне скорее бриться,
Когда ж обреюсь, буду я молиться!

* * *

ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР I
ОТКАЗАЛСЯ ОТ НАЗВАНИЯ ВЕЛИКОГО
Сенат! Почто меня трактуешь как янтарь?
Как редкое и вкусное варенье?
Сенат! Я не Зевес, я просто бедный царь,
Не я, а Саваоф унял крамол смятенье.
За пользу общую я рад пролить свой сок,
Но мир вам даровал не Александр, а рок.
Хоть долго я, друзья, не скидывал рейтузы,
Хотя среди тревог не спал недели три,
Учтивости своей, друзья, заприте шлюзы
И верьте, что мы все ерши - не осетры!

* * *

* * *

Часто от паштета корка
Наш ломает крепкий зуб,
Часто на прохожих зорко
Смотрит старый Соллогуб,
Смотрит зорко он, ей-ей,
Соловей, соловей, быстроногий соловей!

* * *

БАЛЛАДА

Аскольд плывет, свой сняв шелом,
Кругом ладьи разбитой доски
Уносит ветр его паром,
Луна зашла - берега не плоски!
И видит в тумане, как в рясе чернец,
На брег его молотом манит купец,
А берега скаты не плоски!

* * *

* * *

Аскольд, зовет тебя Мальв ина,
Забудь, что ты природный р ос,
Твой щит давно взяла пуч ина,
Твой замок тернием пор ос.
Не обращай напрасно вз ора
Туда, где юность провод ил,

Мальвины ты страшишь ук ора,
Страшишься ночи мрачных с ил!

* * *

Коллективное
[А. П. БОБРИНСКОМУ]

Когда ж окончишь ты нелепый свой устав
По всем его частям, отделам, параграфам?
Два графа здесь сошлись, ты тоже родом
граф,

Теперь уж час ночной, и к чаю пора гра-
фам.

Когда, скажи ты мне, та выйдет колея,
Где встретятся с тобой забытые друзья,
Когда ж ты явишься к охрипшему соседу
И снова поведешь с ним длинную беседу?
Здесь ждут тебя давно, словам моим по-
верь,

Для дружбы и стихов приют у нас келей-
ный,

А утомительный твой люд узкоколейный
Без всякой жалости толкай скорее в дверь!

Начало 1870-х

НЕЗАКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ. ОТРЫВКИ

* * *

Бегут разорванные тучи,

Луна задумчиво плывет,
От моря брызжет дождь летучий,
Шумя несется пароход.
[А там дворец с широкой крышей,
Там истуканов виден ряд,
Стоят, один другого выше,
Вослед печально мне глядят.
Простите вы, картины юга,
Прости, гитар веселый звон,
И песней пламенная вьюга,
И соблазнительный балкон!]
Увижу ль я страны другие,
Простор испаханых степей,
Страны, где волны золотые
Колышет ветер средь полей,
Где ночи зимние так долги
И где весна так молода,
И вниз по матушке по Волге
Идут тяжелые суда?
Увижу ль тройку удалую
Среди степей на всем бегу,
Гремушки, кованую сбрую
И золоченую дугу?
Бегите ж ... тучи,
Луна, плыви над бездной вод,

От моря брызжи, дождь летучий,
Лети на север, пароход!

1840-е годы

* * *

Как часто ночью в тишине глубокой
Меня тревожит тот же дивный сон:
В туманной мгле стоит дворец высокий
И длинный ряд дорических колонн;
Средь диких гор от них ложатся тени,
К реке ведут широкие ступени.
И солнце там приветливо не блещет,
Порой сквозь тучи выглянет луна,
О влажный берег порой лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме, один другого выше.
Туда, туда неведомая сила
Вдоль по реке влечет мою ладью,
К высоким окнам взор мой пригвоздила,
Желаньем грудь наполнила мою.

.....

.....

Я жду тебя. Я жду, чтоб ты склонила
На темный дол свой животворный взгляд,
Тогда взойдет огнистое светило,

В алмазных искрах струи заблестят,
Проснется замок, позлатятся горы
И загремят невидимые хоры.
Я жду, но тщетно грудь моя трепещет,
Лишь сквозь туман виднеется луна,
О влажный берег лишь лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме, один другого выше.

1840-е годы

СЛОВА ДЛЯ МАЗУРКИ

Вон на кладбище белеют кресты.
Месяц взирает на них с высоты.
Там дремлют кости вельможного рода,
Рядом с гетманом лежит воевода.
"Скучно, панове, все спать на погосте,
Седлаем коней, едемте в гости!
Вишь, серебром как дорога устлана.
Едем на свадьбу до пана гетмана!"
[Вот пошатнулись кресты и упали,
По полю мертвые вдаль поскакали.]
Там, над Двиною, напротив парома
Светятся окна вельможного дома.
Слышны в нем скрипки, цимбалы да флей-
ты,

"Ну же, маршалок, докладывал, гей ты!"
В страхе маршалок из рук бросил блюдо:
"Пане вельможный, случилось чудо!
От, далибуг же! До панской мости
Прямо с кладбища приехали гости!"
"Брешешь ты, бестья, зараз изувечу!"
Встал и, ругаясь, идет к ним навстречу.

.....

... похоронный.

Так был наказан гетман коронный.

1840-е годы

* * *

Ты меня поняла не вполне,
И хоть сердце открылось.

.....

О, как хочется мне передать

.....

О, узнай же, как горестен я

.....

Мы друг друга никак не пойдем

.....

Никогда мы себя не пойдем?

.....

И души увядающий май

Ты пойми иль душой отгадай

.....

О, узнай мое горе, узнай!

И душою меня отгадай.

Лето 1856

* * *

Что за время, что за нравы!

Где вы, Генуи сыны!

По руинам Балаклавы

Ходят красные штаны!

Лето 1856

* * *

Как вчера хорош у моря

Был наш русский самовар,

Шли мы долго вместе, споря,

Между саклями татар.

Лето 1856

* * *

О, не страшись несбыточной измены

И не кляни грядущего, мой друг,

Любовь души не знает перемены,

Моя душа любить не будет двух...

.....

И если я . . . . . отчизной

. . . . . отдам остаток сил,

Не говори про друга с укоризной:

"Он для другой обетам изменил".

.....

Быть может, грусть, страдания и годы

..... вид.

Быть может, вихрь житейской непогоды

Меня с тобой надолго разлучит.

.....

..... не прокляну.

Я сквозь земной увижу оболочки

Твоей души бессмертную весну.

Осень 1856

* * *

Закревский так сказал пожарным:

"Пойдем, ребята, напролом!

На крыше, в свете лучезарном,

Я вижу Беринга, сидящего орлом!"

Осень 1856

* * *

Причину моего смятенья и испуга

Узнать желаешь ты, невинная подруга

Моих девичьих игр; послушай. . . .

.....

Ложились на спину участники их игр,

Ласкаясь, пестрый барс и полосатый тигр

.....

..... с румяными устами.

Лев морщится. ....

..... душистый

Из фиговых ветвей венки широколистый

Мне жрица подала, и [пьяная] тогда,

Волнение подавив последнего стыда

И взор отворотив .....

.....

И трепетной рукой касаясь пьедестала,

Могучую красу я бога увенчала.

Осень 1856

* * *

И на крыльце по вечерам,

Внимая тихим разговорам,

Лягушек слушать дружный гам,

Вдали звенящий слитым хором.

1857 (?)

* * *

Друзья, вы совершенно правы,

Сойтись трудно вам со мной,

Я чту отеческие нравы,

Я патриот, друзья, квасной!

На Русь взирая русским оком,

А не насквозь ей чуждых присм,

Храню в сознании глубоком

Я свой квасной патриотизм.
Вы высшим преданы заботам,
Меня, который не за вас,
Квасным зовете патриотом,
Пусть будет так и в добрый час!
Хоть вам со мной стезя иная,
Но лишь одно замечу я:
Меня отсталым называя,
Вы ошибаетесь, друзья!
Нет, я не враг всего, что ново,
Я также с веком шел вперед.
Блюсти законов Годунова
Квасной не хочет патриот.
Конца семейного разрыва,
Слиянья всех в один народ,
Всего, что в жизни русской живо,
Квасной хотел бы патриот.

Уж так и быть, признаюсь в этом,
Я патриот, друзья, квасной:
Моя душа летит приветом
Навстречу вьюге снеговой.
Люблю я тройку удалую
И свист саней на всем бегу,
Гремушки, кованую сбрую

И золоченую дугу.

Люблю тот край, где зимы долги,

Но где весна так молода,

Где вниз по матушке по Волге

Идут бурлацкие суда.

Люблю пустынные дубравы,

Колоколов призывный гул

И нашей песни величавой

Тоску, свободу и разгул.

Она, как Волга, отражает

Родные степи и леса,

Степенья мелкого не знает,

Длинна, как девичья коса.

Как синий вал, звучит глубоко,

Как белый лебедь, хороша,

И с ней уносится далеко

Моя славянская душа.

Люблю Москву, наш гор[од] ц[арский],

Люблю наш Киев, столь[ный] гр[ад],

Кафта[н] . . . . . боярский

. . . . .

Я, признаюсь, беды не вижу

Ни от усов, ни от бород.

Одно лишь зло я ненавижу,

Квасной, квасной я патриот!

Идя вперед родной дорогой,
Вперед идти жел[аю] всем,
Служу цар[ю]. . . . .

. . . . .

Иным вы преданы заботам.
Того, кто к родине влеком,
Квасным зовете патриотом,
Движенья всякого врагом.
Нет, он не враг всего, что ново,
Он вместе с веком шел вперед,
Блюсти законов Годунова
Квасной не хочет патриот.
Нет, он успеха не поносит
И, честью русской дорожа,
О возвращении не просит
Ни языков, ни правежа.
Исполнен к подлости враждою,
Не хочет царск[их] он шутов,
Ни, нам завещанных ордою,
Застенков, пыток и кнутов.
В заблудш[ем] видя человека,
Не хочет он теперь опять
Казнить тюрьмой Максима Грека,
Костры скуфьями раздувать.
Но к братьям он горит любовью,

Он полн к насилию вражды,
Грустит о том, что русской кровью
Жиреют немцы и жида.
Да, он грустит во дни невзгоды,
Родному голосу внемля,
Что на два разные народа
Распалась русская земля.
Конца семейного разрыва,
Слиянья всех в один народ,
Всего, что в жизни русской живо,
Квасной хотел бы патриот.

1857-1858 (?)

* * *

Б а р о н

Святой отец, постой: тебе утру я нос,
Хотя б меня за то сослали и в Милос.

П а п а

Не хочешь ли, барон, ты выпрыгнуть в
оконце?

Пожалуй, подостлать велю тебе суконце!

Б а р о н

Не прыгну ни за что! Не прыгну за миллион!

П а п а

(в сторону)

Мне кажется, меня в досаду вводит он!

Б а р о н

(в сторону)

Придет пора - и он, не знающий, что брак,
Румянцем от стыда покроется, как рак!

(Уходит.)

1866

* * *

В дни златые вашего царенья,
В дни, когда любящею рукой
Вы вели младые поколенья,
О созданья юности мирской,
Как иначе все тогда являлось.

.....

И твои цветами, о Киприда,
Украшались алтари.

.....

Гелиос в величии спокойном
Колесницей правил золотой.

.....

Благородил вымыслом природу,
Прижимал к груди ее поэт,
И во всем. . . . . народу
Божества являлся след!

Октябрь 1867

* * *

Желтобрюхого Гаврила
Обливали молоком,
А Маланья говорила:
"Он мне вовсе незнаком!"

9 декабря 1868

* * *

О, будь же мене голосист,
Но боле сам с собой согласен...

.....

Стяжал себе двойной венец:
Литературный и цензурный.

Декабрь 1868

* * *

Ища в мужчине идеала,
Но стыд храня,
Пиявка доктору сказала:
"Люби меня!.."

1868 (?)

* * *

То древний лес. Дуб мощный своенравно
Над суком сук кривит в кудрях ветвей;
Клен, сока полн, восходит к небу плавно
И, чист, играет ношею своей.

15 декабря 1869

* * *

Теперь в глуши полей, поклонник мирных
граций,

В деревне дедовской под тению акаций,
От шума удален, он любит в летний зной
Вкушать наедине прохладу и покой,
Степенных классиков все боле любит чте-
нье

И дружеских бесед умеренные пренья,
Прогулки к мельнице иль к полному гум-
ну,

Блеяние стадов, лесную тишину,
Сокровища своей картинной галереи
И мудрой роскоши полезные затеи,
И .....

И .....

[А осенью глухой, усевшись у камина,
Велит себе принести он дедовские вина,
И старый эскулап, друг дома и знаток,
Бутылки пыльной с ним оценивает ток.]

[Блажен .....

Кто, просвещением себя не охладив,
Умел остепенить страстей своих порыв
И кто от оргии неистовой и шумной
Мог впору отойти, достойный и разумный.
Кто, верен и душе, и светлому уму,

Идет, не торопясь, к закату своему.]
Блажен, кто с оргии, неистовой и шумной,
Уходит впору прочь, достойный и разум-
ный,

Кто, мужеством врагов упорных победив,
Умеет торжества удерживать порыв.
Блажен, кто каждый час готов к судьбы
ударам,

Кто в суете пустой не тратит силы даром,
Кто, верный до конца спокойному уму,
Идет, не торопясь, к закату своему.

.....

Так в цирке правящий квадригою возница,
Соперников в пыли оставя за собой,
Умеривает бег звенящей колесницы
И вожжи коротит искусною рукой.
И кони мощные, прощаясь с ареной,
Обходят вокруг нее, слегка покрыты пеной.
Конец 1860-х годов

* * *

Честь вашего я круга,
Друзья, высоко чту,
Но надо знать друг друга,
Игра начистоту!
Пора нам объясниться

Вам пригожусь ли я?
Не будем же чиниться,
Вот исповедь моя!

.....

И всякого, кто плачет,
Утешить я бы рад
Но это ведь не значит,
Чтоб был я демократ!

.....

Во всем же прочем, братцы,
На четверть иль на треть,
Быть может, мы сойдемся,
Лишь надо посмотреть!

.....

Чтобы в суде был прав
Лишь тот, чьи руки черны,
Чьи ж белы - виноват,
Нет, нет, слуга покорный!
Нет, я не демократ!

.....

Чтоб вместо твердых правил
В суде на мненья шло?
Чтобы землю правил
Не разум, а число?

.....

Чтоб каждой пьяной роже
Я стал считаться брат?
Нет, нет, избави боже!
Нет, я не демократ!

.....

Барон остзейский ближе,
Чем русский казнокрад.

.....

Vox populi - vox Dei!(*)
Зипун - гражданства знак.
Да сгинут все злодеи,
Что носят черный фрак!

.....

Не филантроп я тоже

.....

И каждый гражданин
Имел чтоб позволение
Быть на руку нечист?
Нет, нет, мое почтение!
Нет, я не коммунист!

.....

Чтоб всем в свои карманы
Дал руки запускать?

(*) Глас народа - глас божий! (лат.).- Ред.

Сентябрь 1870

* * *

Но были для девы другие отрады,
Шептали о божестве ей ночь и луна,
Лавровые рощи цветущей Эллады,
Залива изгибы и звезд мириады;
И в юном восторге познала она,
Молитвой паря в необъятном просторе,
Бездонной любви безбрежное море.

* * *

* * *

Улыбка кроткая, в движенье каждом ти-
хость,

Застенчивость в делах, а в помышленьях
лихость,

Стремленье тайное к заоблачной отчизне,
Грусть безотчетная по неземной отчизне,
Меж тем уступчивость вседневной грубой
жизни,

И мягкая коса, и стан изящно-гибкий,
грусть

И _____, застенчиво прикрытая улыбкой,
смерть

восторженный

Порой _____, порой убитый взор,

встревоженный

И в сердце над собой всегдашний приговор.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание Сочинений А.К.Толстого составлено на основе четырехтомного Собрания сочинений, выпущенного издательством "Художественная литература" в 1963-1964 годах. В этом Собрании сочинений читатели могут найти более подробные примечания, в том числе библиографические и текстологические.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

"Колокольчики мои..." - В первоначальной редакции поэт только грустит "обо всем, что отцвело" - и о Новгороде, и о "казацкой воле", и о московских царях и боярах; впоследствии мотив тоски о прошлом родной страны был отодвинут на второй план. В центре окончательной редакции - мысль о России, призванной объединить все славянские народы. Толстой считал "Колокольчики мои..." одной из своих "самых удачных вещей" (письмо к жене от 27 октября 1856 г.). Светлый град - Москва.

Шапка Мономаха - венец русских царей.

"Ты знаешь край, где все обильем дышит..." - В стихотворении использована композиционная схема "Миньоны" Гете. Сечь - Запорожская Сечь. Стожар (Стожары) - созвездие. Палей С.Ф. (ум. в 1710 г.) - казацкий полковник, один из руководителей движения украинского крестьянства против гнета шляхетской Польши. Сагайдачный П.К. (ум. в 1622 г.) - кошевой атаман Запорожской Сечи, а затем гетман Украины; воевал на стороне Польши против России. Дворца разрушенные своды. - О дворце прадеда Толстого, последнего украинского гетмана гр. К.Г.Разумовского в Батурине.

Цыганские песни. - В "Цыганских песнях" имеются отзвуки стихотворения Лермонтова "Есть речи - значенье..."

"Ты помнишь ли, Мария..." - Обращено к двоюродной сестре поэта М.В.Волковой, урожд. княжне Львовой (1833-1907).

"Ой стоги, стоги..." - Как и "Колокольчики мои...", стихотворение проникнуто мыслью об объединении славянства при помощи и под руководством России. "Стоги" - славянские на-

роды, "орел" - Россия.

"По гребле неровной и тряской..." - Гребля - гать, плотина.

Пустой дом. - В "Пустом доме" отразились впечатления от какого-то родового дома Разумовских. Упоминание имени В.Растрелли свидетельствует о том, что здесь имелся в виду не батуринский дворец, о котором идет речь в стихотворении "Ты знаешь край...".

"Пусто в покое моем. Один я сижу у каминна..." - Посылая стихотворение С.А.Миллер, Толстой писал: "Это только затем, чтобы напомнить Вам греческий стиль, к которому Вы питаете привязанность".

"Средь шумного бала, случайно..." - Стихотворение обращено к С.А.Миллер, будущей жене поэта. Толстой познакомился с нею в декабре 1850 или в январе 1851 г. на маскараде в Петербурге. "Средь шумного бала..." связано со стихотворением Лермонтова "Из-под таинственной холодной полумаски...". Строка "В тревоге мирской суеты" внушена строкой Пушкина "В тревоге шумной суеты" (стихотворение "Я помню чудное мгновенье..."). "Средь шумного бала..." нравилось Л.Н.Толсто-

му, хотя он и отдавал предпочтение стихотворению Лермонтова.

"С ружьем за плечами, один, при луне..." - Написано под впечатлением знакомства с С.А.Миллер; ср. строку "Случайно сошлись вы в мирской суете" с началом "Средь шумного бала..."

"Меня, во мраке и в пыли..." - В стихотворении имеются явные отголоски "Пророка" Пушкина; они ощущаются и в развитии темы перерождения человека и обретенного им нового зрения, и в словесных совпадениях (ср., напр., "Меня, во мраке и в пыли // Досель влачившего оковы" с "Духовной жаждою томим, // В пустыне мрачной я влачился"), и в стилистических приемах (торжественного "и" в начале многих строк). Горней - небесной. Слово. - Здесь: бог.

Колодники. - Стихотворение стало одной из популярнейших песен политической каторги и ссылки, его очень любил В.И.Ленин.

"Уж ты мать-тоска, горе-гореваньице!.." - Первая строка напоминает начало народной песни "Ох, в горе жить - не кручинну быть!.." Гридни и отроки - в Древней Руси члены

младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя.

Крымские очерки

В этом цикле отразились впечатления, полученные во время поездки по Крыму вместе с женою в мае - июне 1856 года, вскоре после окончания Крымской войны.

5. "Вы всё любуетесь на скалы..." - Ифигения (греч. миф.) - дочь аргосского царя Агамемнона, давшего обет принести ее в жертву богине Артемиде. Однако Артемида заменила ее на жертвеннике ланью и перенесла в Тавриду (старинное название Крымского полуострова).

9. "Приветствую тебя, опустошенный дом..." - Стихотворение навеяно двухнедельным пребыванием Толстого в имении его дяди, министра уделов гр. Л.А.Перовского.

12. "Солнце жжет; перед грозюю..." - Влюбленный бог - бог морей Посейдон (греч. миф.).

"Войдем сюда; здесь меж руин..." - Строка 17-я осталась недописанной. О герое этого стихотворения - караимском раввине и ученом С.А.Бейме (1817-1867) - Толстой отзывался как об "одном из образованнейших и прият-

нейших людей" (письмо к Н.М.Жемчужникову от 28 ноября 1858 г.). Талмуд - свод основанных на схоластическом толковании Библии правил и предписаний, регламентировавших религиозные, правовые отношения и быт верующих евреев. Каббала - средневековое еврейское мистическое учение.

"Если б я был богом океана..." - Циана - декоративное растение из семейства лилий.

"Что за грустная обитель..." - Через три года строка "Ходит маятник, стуча" и некоторые другие детали вошли в стихотворение Я.П.Полонского "Сны. IV".

"Острою секирой ранена береза..." - Написано, по всей вероятности, под впечатлением пребывания у матери в Красном Роге летом 1856 г. и вызвано недовольством последней его связью с С.А.Миллер. О переживаниях Толстого говорит в своих воспоминаниях бывший в это время в Красном Роге его двоюродный брат Л.М.Жемчужников.

"Когда кругом безмолвен лес дремучий..." - Вариации на мотивы стихотворения Гете "Nahe des Geliebten" ("Близость любимого").

"Тщетно, художник, ты мнишь, что творе-

ний своих ты создатель!..". "Очень странно развивать теорию в стихах, - писал Толстой жене 6 октября 1856 г., - но я думаю, что это мне удастся. Так как этот сюжет требует много анализа, я выбрал гекзаметр - самые легкие стихи... а вместе с тем это стихотворение дает мне много труда, - так легко впасть в педантизм". Через два месяца поэт признался ей, что любит это стихотворение, "несмотря на его genre". Фидий (ок. 490-430 гг. до н.э.) - гениальный греческий скульптор, одним из лучших произведений которого считалась статуя Зевса. Слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен. - По преданию, творец "Илиады" и "Одиссеи" был слеп; в античном искусстве его всегда изображали слепым старцем. Л.Бетховен в годы расцвета своего гения почти полностью лишился слуха.

Б.М.Маркевич (1822-1884) - реакционный писатель и публицист, сотрудник изданий Каткова, приятель Толстого, который, однако, не разделял многих взглядов Маркевича.

"И у меня был край родной когда-то..." - Вариации на мотивы стихотворения Г.Гейне "Ich hatte einst ein chones Vaterland..." из цикла

"На чужбине". Но гром умолк; гроза промчалась мимо. - По-видимому, речь идет о Крымской войне.

"Господь, меня готовя к бою..." - В первых строках, как и в стихотворении "Меня, во мраке и в пыли...", явственно ощущается воздействие "Пророка" Пушкина; имеются в них и словесные заимствования. Иным является, однако, общий облик поэта и поворот темы во второй половине стихотворения ("Но непреклонным и суровым // Меня господь не сотворил" и т.д.).

"Не божиим громом горе ударило..." - Строки 5-6 ср. со стихотворением А.А.Дельвига "Не осенний частый дождичек..." (в песенном бытовании: "мелкий дождичек").

"Ой, честь ли то молодцу лен прясти?.." - Кичка - старинный головной убор замужней женщины. Приказ - казенное учреждение. Приказы - учреждения в Московской Руси, в ведении которых находились отдельные отрасли управления.

"Ты неведомое, незнамое..." - Конец стихотворения ср. со строками народной песни:

У дородного добра молодца

Много было на службе послужено,
На печи было в волю полежано... и т.д.
Фомина неделя - первая неделя после пасхальной (светлой).

"Он водил по струнам; упали...". - Написано, по всей вероятности, вскоре после знакомства со скрипачом Кизеветтером, который произвел большое впечатление и на Л.Н.Толстого и послужил прототипом для его Альберта (героя одноименной повести). Жженка - напиток, приготовляемый из зажженного коньяка или рома с сахаром, фруктами и пряностями.

"Двух станов не боец, но только гость случайный..." - Стихотворение первоначально называлось "Галифакс" по имени английского политического и государственного деятеля Д.Галифакса (1633-1695). Однако политическая позиция Галифакса была для Толстого лишь поводом для выражения собственных взглядов, и потому заглавие было впоследствии снято. Стихотворение возникло под влиянием апологетической характеристики Галифакса в "Истории Англии" Т.Маколея: "Он всегда смотрел на текущие события не с

той точки зрения, с которой они обыкновенно представляются человеку, участвующему в них, а с той, с которой они, по прошествии многих лет, представляются историку-философу... Партия, к которой он принадлежал в данную минуту, была партией, которую он в ту минуту жаловал наименее, потому что она была партией, о которой он в ту минуту имел самое точное понятие. Поэтому он всегда был строг к своим ярым союзникам и всегда был в дружеских отношениях с своими умеренными противниками" и т.д.

"Ты почто, злая кручинушка...". - В стихотворении есть ряд отзвуков народных песен, в том числе песен о неравном браке. Ср., например, строки 27 - 28 с песней "Ни в уме было, ни в разуме...":

Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.

"Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...". - Глагол - слово; здесь: бог.

"О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище...". - Последнюю строфу ср. с "Дон Жуаном" Толстого:

Одно звено той бесконечной цепи,

Которое, в связи со всей вселенной,
Восходит вечно выше к божеству.

"Дробится, и плещет, и брызжет волна..." -
Это и следующее стихотворения сюжетно связаны между собою.

"Горними тихо летела душа небесами..." -
Своеобразная вариация на тему "Ангела" Лермонтова. Лики - здесь в старинном значении: радостные клики, возгласы.

"Ты клонишь лик, о нем упоминая..." - По общему замыслу близко к стихотворению Лермонтова "Нет, не тебя так пылко я люблю...". Ср. строку "Ты любишь в нем лишь первую любовь" с "Люблю в тебе я прошлое страданье // И молодость погибшую мою".

"Хорошо, братцы, тому на свете жить..." - Посадник - правитель Новгорода, избиравшийся вечами из наиболее знатных боярских семей. Степенный посадник - занимающий эту должность в данное время. Сложив ее с себя, он продолжал носить звание посадника с прибавлением эпитета "старый". Дьяк крупный чиновник, исполнявший обычно обязанности секретаря приказа. Думными дьяками назывались дьяки, принимавшие участие в

боярской думе и пользовавшиеся правом голоса при решении дел.

"Кабы знала я, кабы ведала..." - Стихотворение восходит к народной песне "Как бы знала, как бы ведала...". Мурmolка - старинная меховая или бархатная шапка, часто упоминающаяся в русских народных песнях и сказках.

И.С.Аксакову. - Обращено к одному из видных представителей славянофильства, поэту и публицисту И.С.Аксакову (1823-1886). См. также вступит. статью (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). Стихотворение написано в ответ на критические замечания Аксакова о поэмах Толстого "Грешница" и "Иоанн Дамаскин". Печатаемая стихотворение в журнале "Русская беседа", Аксаков хотел заменить свою фамилию в заглавии буквами NN, против чего поэт возражал. "Подумают, - писал он 28 февраля 1859 г., - что я боюсь обращаться к Вам открыто, потому что Вы под опалой". Строки, выделенные курсивом, цитата из стихотворения Лермонтова "Родина"; в соседних строках есть также ряд тематических и словесных совпадений с ним. Псалтырь - здесь:

древний струнный музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого пелись псалмы духовные песнопения.

"Пусть тот, чья честь не без укора..." - Толстой предполагал присоединить в качестве эпилога к "Иоанну Дамаскину" стихотворное послание к царице. Н.М.Жемчужников, которому поэт переслал его, высказал опасение, что это будет нехорошо истолковано читающей публикой. "Прерываю мое письмо, получив твое насчет эпиграфа, скажу эпилога, к "Иоанну Дамаскину"... - писал ему Толстой 19 января 1859 г. - Дай срок, и я буду тебе отвечать в стихах". Через несколько дней стихотворение "Пусть тот, чья честь не без укора..." было готово. Однако поэма была все же напечатана без "эпилога". Глагол слово, речь.

Против течения. - Икон истребители. - Речь идет об иконоборчестве, движении против почитания икон в Византии в VIII-IX вв. Спаситель - Иисус Христос. Галилеяне. - Галилея - область в Палестине; ей принадлежала важная роль в распространении христианства, и потому галилеянами стали называть христиан.

"Одарив весьма обильно..." - "Если б Вы знали, какой я плохой хозяин! - писал Толстой М.М.Стасюлевичу 19 февраля 1869 г. - Ничего не понимаю, а вижу, что все идет плохо. Это сознание внушило мне следующий ответ на известное стихотворение Тютчева: "Эти бедные селенья, // Эта скудная природа!.." В это время в Красном Роге был страшный голод.

[И.А.Гончарову]. "Не прислушивайся к шуму..." - Стихотворение вызвано резкими отзывами критики о романе Гончарова "Обрыв".

"Темнота и туман застилают мне путь..." - Остроги - здесь: шпоры.

"Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо..." - Посылая стихотворение Б.М.Маркевичу, Толстой отметил, что оно содано "в предвосхищении", а затем приписал: "Только что было 25° морозу".

"Про подвиг слышал я Кротонского бойца..." - Милон из Кротоны (VI в. до н.э.) - знаменитый греческий атлет.

"То было раннею весной..." - В письме к Б.М.Маркевичу от 20 мая 1871 г. Толстой назвал стихотворение "маленькой пасторалью,

переведенной из Гете". Однако это не перевод. Толстой хотел, очевидно, подчеркнуть, что какое-то стихотворение Гете дало толчок для создания "То было раннею весной...". Таким стихотворением было, всего вероятнее, "Mailied" ("Wie herrlich leuchtet Mir die Natur"). Ср., напр., строки, состоящие из сплошных восклицаний с гетевскими строками: "O Erd', o Sonne, O Gluck, o Lust!" Высоко оценил стихотворение Толстого Н.С.Лесков. Вежды - глазные веки.

"Земля цвела. В лугу, весной одетом..." - Среди черновых набросков есть прозаическая запись, тесно связанная с настроением, внушившим поэту стихотворение: "Как от прошедшего остаются в памяти одни светлые стороны, а темные исчезают в тумане, так все, что я вижу теперь, представляется мне очищенным от своих недостатков, и я наслаждаюсь настоящим, как будто бы оно было прошедшее и находилось бы вне всякого посягательства (a l'abri de toute atteinte, de tout changement), aus der Causalitat eximiert"*.

Строки 5-6 последней строфы ср. со словами духов в "Дон Жуане": "Совместно творчество с поко-

ем, // С невозмутимостью любовь". С большой теплотой отозвался о стихотворении И.А.Гончаров (письмо к А.А.Краевскому, ноябрь 1875 г.).

---

* Вне досягаемости, вне всяких изменений (фр.), изъятое из причинной зависимости (нем.).

"Во дни минувшие бывало..." - Это и следующие три стихотворения появились в 1882 г. с указанием, что они "написаны, по всему вероятию, ранее 1866 г."

Гаральд Свенгольм. - Откуда взят эпиграф - установить не удалось; в связи с этим неясно - является ли переводом только первая строка или все стихотворение. Сила - большое количество, множество.

В альбом. - Бард - у древних кельтов певец, слагавший песни. Денница утренняя заря.

БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ, ПРИТЧИ

"Где гнутся над омутом лозы..." - Первоначальная редакция стихотворения была вдвое больше: после описания веселого хоровода стрекоз рассказывалось о том, как ребенок побежал на их зов и был зятанут в омут.

Курган. - В первоначальной редакции были еще шесть строф. Здесь говорилось о том, как, когда гаснет день, на кургане появляется тень забытого витязя, как он вздыхает о своей промелькнувшей славе, сетует на певцов, которые обманули его, обещая бессмертие, и т.д.

Князь Ростислав. - Тема стихотворения навеяна отрывком из "Слова о полку Игореве" о переяславском князе Ростиславе (1070-1093). После поражения, нанесенного ему и его братьям половцами, Ростислав, спасаясь бегством, утонул в реке Стугне. Цитата из "Слова" взята Толстым для эпиграфа в том искаженном виде, в каком печаталась в современных ему изданиях. В сюжете и отдельных деталях есть много сходного со стихотворениями Лермонтова "Русалка" и Гейне "Король Гаральд Гарфагар". Посвист (слав. миф.) - бог ветра, бури. Перун (слав. миф.) - бог грома и молнии. Гридни и отроки - в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя.

Василий Шибанов. - Основным источником стихотворения является следующий отрывок из "Истории Государства Российского"

Н.М.Карамзина: Курбский "ночью тайно вышел из дому, перелез через городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого литовцами. Там воевода Сигизмундов принял изгнанника как друга, именем королевским обещая ему знатный сан и богатство. Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к царю; усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю, в Москве, на Красном крыльце, сказав: "От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича". Гневный царь ударил его в ногу острым железом своим; кровь лилася из язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского... Иоанн выслушал чтение письма и велел пытатель вручителя, чтобы узнать от него все обстоятельства побега, все тайные связи, всех единомышленников Курбского в Москве.

Добродетельный слуга, именем Василий Шибанов... не объявил ничего; в ужасных муках хвалил своего отца-господина; радовался мыслию, что за него умирает". Ср. также слова Шибанова: "О князь, ты, который предать меня мог // За сладостный миг укоризны", - с таким местом: "Он наслаждению мести, удовольствию терзать мучителя словами смелыми пожертвовал добрым, усердным слугою". Источником строк 11-12 является подлинное письмо Курбского к Ивану Грозному. Толстой несколько сдвинул исторические события. Бегство Курбского и его первое письмо к царю относятся ко времени до возникновения опричнины, а молебствия царя с опричниками происходили не в центре Москвы, на глазах у всего народа, а в Александровской слободе, куда он переехал в 1565 г. Ф.М.Достоевский, говоря о Курбском и Шибанове в "Дневнике писателя" 1877 г., пересказывает факты явно по балладе Толстого. Смирная одежда - траурная. Окольные приближенные. Писание - Священное писание, Ветхий и Новый завет. Аз, иже я, который. Лях - лил. Заплечный мастер - палач.

Князь Михайло Репнин. - Источником стихотворения является рассказ о смерти Репнина в "Истории Иоанна Грозного" кн. А.М.Курбского: Иоанн "упившись начал со скоморохами в машкарах плясати, и сущие пирующие с ним; видев же сие бесчиние, он [Репнин], муж нарочитый и благородный, начал плакати и глаголати ему: "Иже недостоин ти, о царю христианский, таковых творити". Он же начал нудити его, глаголюще: "Веселись и играй с нами", - и, взявши машкару, класти начал на лице его; он же отверже ю и потоптал... Царь же ярости исполнився, отогнал его от очей своих, и по коликих днях потом, в день недельный, на всенощном бдении стоящу ему в церкви... повелел воинам бесчеловечным и лютым заклати его, близу самого олтаря стояща, аки агнца божия неповинного". Между тем в стихотворении Грозный собственноручно убивает Репнина, и тут же на пиру, а не через несколько дней в церкви. Толстой внес эти изменения из соображений чисто художественного порядка: в "Князе Серебряном" (гл. 6) эпизод с Репниным рассказан в соответствии с историческими данными.

ми. Концовка - раскаяние Грозного - также принадлежит Толстому. Вечерня - вечерняя церковная служба. Кравчий - придворный чин в Московском государстве; кравчий распоряжался подачей блюд и напитков к царскому столу. Тиуны - название некоторых категорий частных слуг князей и бояр и административно-судебных должностей в Древней Руси; здесь: верные слуги. Баян - древнерусский поэт-певец. Машкара - маска, личина. Рек сказал.

Ночь перед приступом. - В стихотворении описана осада Троице-Сергиевой лавры войсками Я.Сапеги и А.Лисовского во время польской интервенции, целью которой было возведение на русский престол Лжедмитрия II. Осада началась осенью 1608 г. и продолжалась шестнадцать месяцев, но все штурмы были отбиты. Источником "Ночи перед приступом" является "Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы" келаря этого монастыря Авраамия Палицына, возможно, в пересказе Карамзина. Волохи - валахи, народность, вошедшая в состав современной румынской нации. Угры - венгры.

Стихарь - одежда, надеваемая духовенством при богослужении. Тафья маленькая круглая шапочка. Оклад - металлическое покрытие на иконе. Богатырь. - В 1859 г. было запрещено цензурой и появилось в печати лишь в 1867 г. Орлений - клейменный казенным клеймом. Повытчик - должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде. За двести миллионов Россия и т.д. - Речь идет о системе питейных откупов, существовавшей до 1861 г. Среди откупщиков были и евреи. Пилат - римский наместник в Иудее. Во время его правления, по евангельскому рассказу, Иисус Христос был предан казни. Иуда - один из апостолов, предавший Христа за тридцать сребреников, а затем повесившийся; имя Иуды стало символом предательства.

"В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба..." - Есть указание, что в стихотворении отразился действительный случай, имевший место во время Крымской войны.

"Ходит Спесь, надувающихся..." - Это и предыдущее стихотворения очень понравились славянофилам А.С.Хомякову и К.С.Аксакову. "Ваши стихи, говорили они Толстому, -

такие самородные, в них такое отсутствие всякого подражания и такая сила и правда, что, если бы вы не подписали их, мы бы приняли их за старинные народные". Сообщая об этом жене, поэт заметил:

"Эти слова для меня - самая лучшая хвала" (письмо от 7 сентября 1856 г.).

"Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!.." - Полугар - низший сорт водки, сивуха. Приказный - мелкий чиновник, канцелярский служащий.

"У приказных ворот собирался народ..." - Приказы - учреждения в Московской Руси, в ведении которых находились отдельные отрасли управления. Дьяк - крупный чиновник, исполнявший обычно обязанности секретаря приказа. Думными дьяками назывались дьяки, принимавшие участие в боярской думе и пользовавшиеся правом голоса при решении дел. Тать - вор. Паче - более всего, особенно.

Старицкий воевода. - Источником стихотворения является рассказ Карамзина в "Истории Государства Российского" о гибели конюшого и начальника казенного приказа И.П.Челядниина-Федорова. Царь "объявил его

главою заговорщиков, поверив или вымыслив, что сей ветхий старец думает свергнуть царя с престола и властвовать над Россиею. Иоанн... в присутствии всего двора, как пишут, надел на Федорова царскую одежду и венец, посадил его на трон, дал ему державу в руку, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: "Здрав буди, великий царь земли Руския! Се приял ты от меня честь, тобою желаемую! Но имея власть сделать тебя царем, могу и низвергнуть с престола!" Сказав, ударил его в сердце ножом". Об убийстве Федорова есть также несколько строк в четвертом действии "Смерти Иоанна Грозного". Бармы принадлежность парадного наряда русских князей и царей, надевавшаяся на плечи; также: ризы священника или оплечья на них. Се аз - это я.

"Государь ты наш батюшка...". - В славянофильских и близких к ним кругах стихотворение, в котором дана отрицательная оценка петровских реформ, было встречено с большим сочувствием. С сочувствием отнеслись к нему, насколько можно судить по письму И.С.Аксакова к Толстому, и некоторые пред-

ставители крепостнического дворянства, приспособившие стихотворение к современным событиям: "Успех Вашего экспромта или песни таков, что начинает пугать и цензоров, и меня...*" Публика подхватила ее, выучила наизусть, увидала в ней намеки на современное положение, на разрешение крестьянского вопроса, и - в восторге. Говорят, третьего дня в Дворянском клубе дворяне то и дело повторяли: "Палкою, матушка, палкою", или: "Детушки, матушка, детушки". Однако стихотворение давало возможности и для иного истолкования в радикальном духе, о чем свидетельствуют одобрительный отзыв журнала "Русское слово" и позднейшие слова Д.И.Писарева о "поучительном разговоре России с царем Петром Алексеевичем". Впоследствии поэт решительно отрекся от своего стихотворения и не включил его в сборник 1867 г. Стихотворение восходит к народной песне, повторяя ее конструкцию (диалогическую вопросо-ответную форму и пр.):

---

* Стихотворение было напечатано в газете Аксакова "День".

Государь ты наш Сидор Карпович!
Много ль тебе на свете пожить будет?
Семьдесят лет, бабушка, семьдесят лет,
Семьдесят, Пахомовна, семьдесят... и т.д.

Пантелей-целитель. - "Пантелей-целитель"

был первым произведением Толстого, в котором он открыто заявил о своем неприязненном отношении к передовым течениям общественной мысли и литературы 60-х годов. Не мудрено, что упоминания о Толстом в журналах демократического лагеря иногда сопровождалась насмешливой характеристикой "автор Пантелея". Первая строка восходит к народной песне "Пантелей-государь ходит по двору...".

Змей Тугарин. - Толстой считал "Змея Тугарина" "лучшей из своих баллад" (письмо к А. де Губернатису 1874 г.). Их клятва: Да будет мне стыдно! - См. о ней в "Проекте постановки" "Царя Федора Иоанновича" (т. 2 наст. изд.). Поле - судебный поединок, а также место его в Древней Руси. Каганская ханская. К обдорам - на восток (Обдорский край в Сибири). Сила - много.

"Песня о Гаральде и Ярославне. - Норвеж-

ский король Гаральд Гардрааде (Строгий), о котором идет речь в стихотворении, царствовал с 1047 до 1066 г.; в 1045 он женился на дочери Ярослава Мудрого Елизавете. Стихотворение возникло в связи с работой Толстого над трагедией "Царь Борис". "Я был приведен к этой балладе, - писал он Стасюлевичу 7 февраля 1869 г., - моим датским принцем в "Царе Борисе". В тот же день он сообщил Маркевичу, что во время разысканий о "норманнском периоде нашей истории" натолкнулся на "факт вполне известный, но весьма мало использованный, а именно - замужество дочерей Ярослава". И далее он пересказал сведения, почерпнутые из "Истории Государства Российского" Карамзина. Уже окончив стихотворение, Толстой достал "Историю Дании" ("Geschichte von Danemark") Ф.Дальмана и нашел в ней "подтверждение некоторым деталям, написанным по интуиции" (письмо к Маркевичу от 26 марта 1869 г.). Поэт очень ценил эту балладу и был огорчен отзывом Гончарова. "Вы доставили мне большое удовольствие... - писал он Маркевичу, - одоблив балладу о Гаральде, тем более что Гончаров... пи-

шет мне, что она - недостойная меня и совершенно посредственная". Два десятка строк о судьбе Гаральда и о дочерях Ярослава имеются также во втором действии "Царя Бориса". Стяг - знамя. Сицилия - Сицилия. Понт - черноморское побережье Малой Азии. Червлёный - багровый, темно-красный. Скальды норвежские народные поэты. Гривни и отроки - в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя. Веси - деревни, села. Вено в Древней Руси выкуп за невесту, уплачивавшийся женихом, а также приданое.

Три побоища. - Об исторической основе баллады см. во вступит. статье (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). "Три побоища" написаны непосредственно после "Песни о Гаральде и Ярославне". В письме к Маркевичу от 7 февраля 1869 г. поэт заметил, что вторая баллада по колориту противоположна первой, "т.е. чрезвычайно мрачна", но не раз указывал вместе с тем на их общую идейную направленность. Композиция стихотворения была следующим образом охарактеризована Толстым: "Форма складня (кажется, называется по-гречески

триптих или что-то в этом роде)" (письмо к Маркевичу от 5 мая 1869 г.). Норская - норвежская. Гридни и отроки - в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя. Ярославна - дочь Ярослава Мудрого Елизавета. Гида - дочь английского короля Гаральда Годвинсона, жена Владимира Мономаха. Поэт допустил анахронизм: Гида стала его женой значительно позже и в это время еще не была в России. Вильгельм (1027-1087) - герцог Нормандии, а затем - с 1066 г. - английский король Вильгельм Завоеватель. Интересно, что в журнальной редакции баллады он правильно назван герцогом, а в окончательной - князем. В свете общей идеи баллады это исправление понятно. Стремясь подчеркнуть тесную связь Древней Руси с Европой, Толстой осуществлял это разными способами, в данном случае сблизив титулы правителей, устранив не существовавший на Руси титул герцога и заменив его князем. На слуху я - на сторожевой башне. Брашно - яства. Мнихи - монахи. Святому Георгью подобен. - Имеется в виду христианский святой Георгий Победоносец, покровитель в боях с неверными.

ми. Веси - деревни и села. На щит - в плен.

Песня о походе Владимира на Корсунь. - Источником стихотворения являются летописные данные о крещении Владимира в пересказе Карамзина. Для замысла баллады существенна разнохарактерность тона первой и второй ее половины: несколько ирониче-ский взгляд на Владимира до его крещения и лирическое проникновение в его душевное состояние после крещения. "Мне очень инте-ресно узнать, - спрашивал он Маркевича 5 мая 1869 г., - не шокировал ли я Вас в "Походе на Корсунь" тем контрастом, который там имеется между началом и концом: сперва резвостью зачина и дальнейшим лиризмом. Меня это не смущает... даже напротив; тут перемена тональности... но мажорно и то, и дру-гое". В "Песне о походе Владимира на Кор-сунь" есть две бесспорные реминисценции из Пушкина; ср. строку "Вы, отроки-друзи, спус-кайте ладьи" с "Песней о вещем Олеге": "Вы, отроки-друзи, возьмите коня", а последние две строки с "Русланом и Людмилой": "Дела давно минувших дней, // Преданья старины глубокой". Перун (слав. миф.) - бог грома и

молнии. Велес (слав. миф.) - бог скотоводства и плодородия. Рогнеда - жена Владимира, дочь полоцкого князя Рогволода. Херсонес (или Корсунь) - греческая, римская, а затем византийская колония недалеко от теперешнего Севастополя; с III-IV вв. один из крупных центров христианства. Вертоград - сад. Причт - духовенство какой-нибудь церкви или прихода, клир. Стихарь - одежда, надеваемая духовенством при богослужении. Дружины какого-то Фоки. - Речь идет о восстании, поднятом в 987 г. одним из представителей феодальной знати Вардой Фокой. Он провозгласил себя императором, овладел почти всей Малой Азией и подошел к самому Константинополю. Василий и Константин обратились за помощью к Владимиру, и в 989 г. восстание было подавлено. Зане - так как, потому что. Иконы мусийского дела. - Мусия - мозаика. Бо - ибо. Демественным ладом. - Демественное пение - вид церковного пенья. Полоз - здесь: киль судна.

Гакон Слепой. - Под 1024 г. в русской летописи рассказывается о варяжском князе Якуне, который пришел со своей дружиной на

помощь к Ярославу Мудрому против его брата Мстислава, был разбит последним и ушел обратно за море. По сообщению летописца, Якун был слеп, но многие историки взяли это указание под сомнение, считая его следствием неправильного понимания текста или ошибки переписчика. Однако образ бесстрашного, несмотря на слепоту, варяжского князя больше соответствовал тяготению поэта к исторической романтике. По той же причине он решительно изменил сообщенный в летописи факт. Летописец упоминает только об одном, и притом неудачном, сражении Якуна в России, между тем у Толстого Гакон и Ярослав Мудрый, несмотря на большие потери, являются победителями. Гридни и отроки - в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя. Шишак металлический шлем с острием.

Роман Галицкий. - Источником стихотворения о галицком князе Романе (ум. в 1205 г.) является "История Государства Российского" Карамзина: "Папа, слыша о силе Мстислави-ча, грозного для венгров и ляхов, надеялся обольстить его честолюбие. Велеречивый по-

сол Иннокентия доказывал нашему князю превосходство закона латинского; но, опровергаемый Романом, искусным в прениях богословских, сказал ему наконец, что папа может его наделить городами и сделать великим королем посредством меча Петрова. Роман, обнажив собственный меч свой, с гордостью отвечивал: "Такой ли у папы? Доколе ношу его при бедре, не имею нужды в ином и кровию покупаю города, следуя примеру наших дедов, возвеличивших землю Русскую". Сравнение с туром и рысью заимствовано из Ипатьевской летописи. Решить и вязать - отпускать или не отпускать грехи.

Боривой. - Тема стихотворения - крестовый поход на балтийских славян, предпринятый в 1147 г. немецкими князьями (в том числе саксонским герцогом Генрихом-Львом) и датскими королями Свендом III и Кнудом V с благословения папы римского Евгения III. Он окончился полной неудачей. Основным источником "Боривоя" являются летописные данные о походе 1147 г., по-видимому, в пересказе Ф. Дальмана, с "Историей Дании" которого Толстой был хорошо знаком. Некоторые све-

дения (о знамени Святовита, о Чернобоге) Толстой почерпнул, вероятно, из русских источников; вкратце они изложены Карамзиным, а более подробно в "Истории балтийских славян" А.Гильфердинга. В "Боривое" есть ряд отступлений от исторических данных, например, по Толстому получается, что Генрих-Лев так и не встретился с бодричанами; между тем поход начался по инициативе саксонских князей, и Генрих-Лев сразу же принял в нем участие. Образ Боривоя - продукт поэтического вымысла. По словам Толстого, "Боривой" может "служить pendant к "Ругевиту" (письмо к Стасюлевичу от 29 декабря 1870 г.). Роскильда - датский город, с X в. резиденция королей и епископов. Бодричане или оботриты - группа балтийских славянских племен, названная так по имени главного из них. Дони - датчане. Шишак - см. выше, примеч. к "Гакону Слепому". Егорий - Георгий Победоносец, покровитель в боях с неверными. Аркона - крепость и священный город на севере острова Рюгена, религиозный центр балтийских славян; в Арконе был храм их главного божества Святовита. Щегла - мачта;

шест для флага. Косица - суженный конец вымпела. Лопать - рвань. Гуменце - темя; бритое темя, тонзура - отличительный признак католического духовенства. Клобучье племя - монахи (клобук - высокая шапка монаха). Чернобог - бог зла, антипод Святовита. Перун (слав. миф.) - бог грома и молнии. Коло - круг. Клирный - от слова "клир", духовенство какой-нибудь церкви или прихода.

Ругевит. - Ругевит - бог войны у руян (ругичан), одного из племен балтийских славян, жившего на острове Рюген. В стихотворении описан разгром храма Ругевита в столице руян Коренице датским королем Вальдемаром I в 1168 г. Источником стихотворения является, по-видимому, "История Дании" Ф.Дальмана. Некоторые подробности Толстой заимствовал из описания разгрома храма Святовита в Арконе, который непосредственно предшествовал разгрому храма Ругевита. Святовита и Ругевита выволокли из города, а затем сожгли. Толстой несколько изменил конец Ругевита, приблизив его к летописным известиям о свержении идола Перуна в Киеве после крещения Владимира; десятая строфа напоминает

ет слова Карамзина и приведенный им отрывок из киевского синопсиса: "Изумленный народ не смел защититъ своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия... Когда он [Перун] плыл, суеверные язычники кричали: выдыбай! т.е. выплывай". Дони - датчане. Король Владимир, правнук Мономаха... - Вальдемар I (1131-1182), сын Кнуда Лаварда, с материнской стороны был внуком Владимира Мономаха. Яромир (или Яромар) - руянский князь, сначала сражавшийся за независимость своего племени, а затем подчинившийся датчанам и принявший христианство.

Ушкуйник. - Стихотворение возникло в связи с "новгородскими студиями" для драмы "Посадник". Ушкуйники - участники новгородских отрядов, отправлявшихся по речным путям для торговли, колонизации и просто разбоя (ушкой - большая лодка, судно). Дрочёное - балованное. Кораблики урманские. - Урман - хвойный лес. Острог - город, селение, являвшееся укрепленным пунктом.

Поток-богатырь. - О "Потоке-богатыре" см. вступит. статью (И.Г.Ямпольский. А.К.Тол-

стой). Поток (или Потык) - герой русских былин. Кимвал, тулумбас - старинные ударные музыкальные инструменты. Мостницы половицы. Писание - Священное писание, Ветхий и Новый завет. На другой на реке - на Неве, в Петербурге. Куна - денежная единица в Древней Руси. Вира штраф за убийство по древнерусскому праву. Суд присяжных был введен в России судебной реформой 1864 г. Общее дело. - В публицистике и разговорном языке 60-х годов прошлого века эти слова нередко обозначали революцию. Называют остзейским бароном. - Остзейские (прибалтийские) помещики-немцы были одной из самых реакционных групп российского дворянства; из их среды вышли многие реакционные государственные деятели дореволюционной России.

Илья Муромец. - В стихотворении отразились настроения поэта, связанные с его отношением к двору. Высоко ценили "Илью Муромца" Н.С.Лесков (см. его повесть "Очарованный странник") и Ф.М.Достоевский. На литературном вечере в апреле 1880 г. Достоевский с большим одушевлением прочитал стихотворение Толстого. Тепло отозвался об "Илье

Муромце" и В.Я.Брюсов (в статье "К.Д.Бальмонт"). От царьградских от курений. - Царьград - древнерусское название столицы Византийской империи Константинополя (ныне - город Стамбул в Турции). Из Царьграда в Киевскую Русь привозились предметы роскоши, в том числе благовонные курения. Скрыня (скрыня) - сундук, ларь.

"Порой веселой мая...". - В этом стихотворении Толстой использовал предисловие Г.Гейне к французскому изданию книги "Лютеция", причем почти буквально повторил некоторые образы в том же контексте борьбы с мнимыми разрушителями искусства. Сравнение сторонников социально направленного искусства с иконоборцами в стихотворении "Против течения" связано со словами о "мрачных иконоборцах" в этом же предисловии. Но характерно, что, воспользовавшись указанным местом, поэт оставил в стороне все то, что Гейне говорил о своем сочувствии коммунизму и о страстном желании гибели "старого мира, где невинность погибала, где процветал эгоизм, где человек эксплуатировал человека". См. также вступит. статью

(И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). Лада - супруги или возлюбленные. Лепо - хорошо, красиво. Говяда - коровы, быки. Рафаил - Рафаэль. Форум - городская площадь, место народных сходок в Древнем Риме. In verba (лат.) вожако-рум - словами вожаков. Земство - система местного самоуправления в России, введенная в 1864 г. Повесить Станислава - т.е. орден святого Станислава. Казне ж весьма доходно. - В дореволюционной России лица, получавшие орден, вносили определенную сумму.

Сватовство. - Пашет - веет. Красный кут - так называемый красный угол, где висели иконы. Кокора - большая ветка, пень или целое дерево с корнями, замытые в песке под водою. Брыньские стрелки. - Брынь - река в Калужской области. В старые времена по ее берегам тянулись большие дремучие леса, известные под именем брыньских; они упоминаются в былинах. Дром - дремучий лес. Чурило Пленкович и Дюк Степанович - герои русских былин. Коты крестьянская обувь. Аксамит - бархат. Берцо - голень. Обор - завязка у обуви. Золотной - парчовый. Крыжатые - крестообразные.

Алеша Попович. - Очерет - камыш, тростник.

Садко. - Народное предание о Садко издавна интересовало Толстого. После завершения драматической трилогии, озабоченный поисками темы для новой драмы, он писал Маркевичу: "Соблазнял меня Садко, но это сюжет для балета, а не для драмы". Толстой работал над стихотворением несколько месяцев и в результате считал его "очень удавшейся вещью" (письмо к Стасюлевичу от 29 января 1873 г.). Характерно самое направление этой работы, показывающее, что фабула в былинах Толстого намеренно не развита. Сначала рассказ о похождениях Садко был расширен за пределы основного выбранного им для стихотворения эпизода и перегружен деталями. Это не понравилось Толстому; неверным показался ему и повествовательный тон стихотворения. Посылая своим близким вторую "лирико-драматическую" редакцию "Садко" (первую он называл "эпической"), Толстой писал, что в ней "есть только картинка, так сказать, несколько аккордов... нет рассказа, а стало быть, нет бесполезного и опасного сорев-

нования с былиной, которая будет всегда выше переделки" (письма к жене от 28 марта и к А.М.Жемчужникову от 3 апреля 1872 г.). В хваленых софийских подвалах. - Софийский собор в Новгороде. Венецейский венецианский. Степенный посадник, и тысяцкий тут и т.д. - Посадник правитель Новгорода, избиравшийся вечем из наиболее знатных боярских семей. Степенный посадник - занимающий эту должность в данное время. Сложив ее с себя, он продолжал носить звание посадника с прибавлением эпитета "старый". Тысяцкий - помощник посадника, в ведении которого находились войско и суд по торговым делам. Древний Новгород делился на "концы" (районы), а концы на улицы; концы и улицы имели свое управление; во главе каждого конца стоял кончанский староста. Вящие все уличане - наиболее богатые, знатные жители улиц. Все новгородское население делилось на старейших (вящих, передних, больших) людей и младших (меньших, черных). Чудская Емь - финское племя, с которым неоднократно воевал Новгород.

Канут. - Источником стихотворения явля-

ются летописные данные о гибели Кнуда Лаварда, известные Толстому как из "Historia danica" датского летописца Саксона Грамматика, так и по их пересказу в "Истории Дании" Ф.Дальмана. "Это незаконнорожденный плод моего блуда с Саксоном Грамматиком, - писал Толстой Стасюлевичу из Флоренции 3 января 1873 г. - К сожалению, я не отыскал в здешней библиотеке ни Адама Бременского, ни Дальмана... так что я более написал балладу на память". Интересно, что Дальман отвергает версию, согласно которой жена Кнуда - дочь киевского князя Мстислава Владимировича во время, непосредственно предшествовавшее его гибели, и в ближайшие годы после нее была в России, что из России, а не из Шлезвига она послала ему предостерегающее письмо. "Это не эпический рассказ, - писал поэт Стасюлевичу, - а только eine Stimmung*", как говорят немцы". См. также вступит. статью (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). С большой похвалой отозвался о "Кануте" Тургенев (см. письмо Толстого к жене, ноябрь 1874 г.). По-мин дар, подарок. Харатейная - написанная на пергаменте. Роскильда - датский город, с X

в. резиденция королей и епископов. Багрец - драгоценная багровая ткань, пурпур. Гридни и отроки - в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя. Подвод - предательство, обман. Бармы принадлежность парадного наряда русских князей и царей, надевавшаяся на плечи; также: ризы священника или оплечья на них.

---

* Настроение (нем.).

Слепой. - Гридни и отроки - в Древней Руси члены младшей княжеской дружины, телохранители и слуги князя. Полеванье - охота. Рушать - делить, разрезать. Градоимцы - осаждающие и берущие города и крепости. Порскать - на псовой охоте понукать криком, на травливать гончих на зверя.

САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Благоразумие. - Последняя строфа написана несколько позже. Синклит собрание высших сановников. По-австрийски. - Намек на враждебную по отношению к России позицию, занятую во время Крымской войны Австрией, которая до этого считалась ее верным

СОЮЗНИКОМ.

[А.М.Жемчужникову] "Вхожу в твой кабинет...". - Обращено к двоюродному брату Толстого, поэту Алексею Жемчужникову (1821 - 1908), одному из создателей Козьмы Прутков.

[К.К.Павловой] "Прошу простить великодушно...". - Павлова К.К. (1807-1893) - поэтесса и переводчица. С конца 50-х годов жила за границей. Толстой познакомился с нею в 1861 г. В их письмах много шуточных стихотворений Павлова перевела на немецкий язык "Дон Жуана", "Смерть Иоанна Грозного", "Царя Федора Иоанновича" и ряд стихотворений Толстого. В борьбе суровой с жизнью душевной - начало пародии Толстого на поэму И.С.Аксакова "Бродяга". Сребролукий - бог Аполлон (греч. миф.). Фебов синклит - собрание людей искусства (Феб - второе имя Аполлона, который считался покровителем искусств).

Бунт в Ватикане. - В этом стихотворении, написанном в Риме, высмеивается лицемерие и ханжество главы католической церкви. Толстой вышучивает также воинственные за-

мыслы и претензии папы римского на сохранение его светской власти. Приап (греч. миф.) - бог плодородия, садов и полей, покровитель чувственных наслаждений. Антонелли Д. (1806-1886) кардинал, глава государственного совета Папской области. *Casta diva* пречистая дева; ария из оперы итальянского композитора В.Беллини "Норма"; возможно, впрочем, что речь идет о каком-то католическом песнопении. Мероде Ф.-К. (1820-1874) - военный министр Папской области.

[Б.М.Маркевичу] "Ты, что в красе своей румяной...". - Б.М.Маркевич (1822-1884) - реакционный писатель и публицист, сотрудник изданий Каткова, приятель Толстого, который, однако, не разделял многих взглядов Маркевича. Взяв на себя корректуру сборника стихотворений Толстого, Маркевич небрежно отнесся к этой работе и пропустил много ошибок. Алкивиад (451 - 404 до н.э.) - афинский политический деятель и полководец; наряду с незаурядными способностями отличался легкомыслием, себялюбием и т.п. Бутков В.П. (1814-1881) - государственный секретарь. В конце 50-х годов Маркевич служил в Государ-

ственной канцелярии под его начальством. С изнеможением в кости строка из стихотворения Ф.И.Тютчева "Как птичка раннею зарей...". Ксантипость. - Ксантиппа - жена древнегреческого философа Сократа, которая, по преданию, отличалась сварливым и злым характером; имя ее стало нарицательным.

[Д.А.Толстому] "Бисмарк, сидючи в Берлине..." - Надпись на сборнике стихотворений, подаренном министру народного просвещения Д.А.Толстому. С поэтом Н.Ф.Щербиной (1821 - 1869) А.К.Толстой был в эти годы в приятельских отношениях. О чем он просил Д.А.Толстого - неизвестно. В первых строках речь идет о международной обстановке после разгрома Австрии Пруссией в 1866 г. Бонапарт - Наполеон III.

[Ф.К.Мейендорфу] "Барон, тебе, делившему..." - Надпись на сборнике стихотворений 1867 г. Мейендорф Ф.К. (ум. в 1870 г.) - русский дипломат. Толстой встречался с ним в Риме в начале 1866 г. Тебе, переломившему // Копье с святым отцом. - Имеется в виду резкое столкновение Мейендорфа, занимавшего до 1866 г. должность старшего секретаря русской мис-

сии в Ватикане и фактически исполнявшего обязанности посла, с папой Пием IX в декабре 1865 г. Это столкновение послужило поводом для разрыва дипломатических отношений между русским правительством и Ватиканом.

История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. - Сам Толстой, упоминая о своем произведении в письмах, каждый раз называл его иначе: "L'histoire de Russia", "L'histoire de Russie jusqu'a Тимашев", "История России", "Сокращенная русская история", "История государства Российского от Гостомысла до Тимашева". Почти все заглавия в письмах Толстого явно сокращенные, а потому мы остановились на последнем, в котором ощущается как фон "История Государства Российского" Карамзина. Весьма вероятно, что сатира не имела окончательно установленного поэтом заглавия. Существует, впрочем, другая точка зрения на этот счет, которая основывается на свидетельстве В.М.Жемчужникова и согласно которой сатира должна быть озаглавлена "Сокращенная русская история от Гостомысла до Тимашева" (см.: А.Бабореко. Новые сведения о стихотворениях А.К.Толсто-

го. - В журн.: "Русская литература", 1959, № 3, с. 200-201).

Сразу после написания "История" стала распространяться в списках и приобрела большую популярность. Редактор журнала "Русская старина" М.И.Семевский хотел опубликовать ее тотчас же после смерти Толстого, но натолкнулся на цензурные препятствия. Ему удалось это сделать лишь в 1883 г. Возможно, что замысел сатиры Толстого возник не без воздействия двух стихотворений, напечатанных в известном сборнике "Русская потаенная литература XIX столетия" (Лондон, 1861): "Сказка" и "Когда наш Новгород Великий...". Вот начало второго из них (до "Русской потаенной литературы" оно появилось в 4-й книжке "Голосов из России" - Лондон, 1857):

Когда наш Новгород Великий
Отправил за море послов,
Чтобы просить у них владыки
Для буйных вольницы голов,
Он с откровенностию странной
Велел сказать чужим князьям:
"Наш край богатый и пространный,
Да не дался порядок нам!"*

---

* Толстой хорошо знал издания революционной эмиграции. Композитор М.М.Ипполитов-Иванов, посетивший Красный Рог через несколько лет после смерти поэта, писал в своих воспоминаниях, что "в библиотеке А.К. оказались почти все заграничные издания Бакунина, Герцена, весь "Колокол" и почти все журналы с пометками и замечаниями А.К."

Гостомысл - легендарный новгородский посадник (правитель города) или князь, по совету которого, как сообщает летопись, новгородцы пригласили якобы варяжских князей. Тимашев - см. вступит. статью (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). Иордан - река в Палестине, в которой, по евангельскому рассказу, крестился Иисус Христос. Имярек - по имени. В официальных бумагах это слово указывало место, где нужно вставить чье-нибудь имя. Трезвонить лишь горазд. - Речь идет о религиозности Федора, мало занимавшегося государственными делами. Паки - опять, снова. Но был ли уговор - то есть были ли взяты у Михаила Романова при его вступлении на престол какие-нибудь обязательства, ограничивав-

шие его власть. Madame, при вас на диво и т.д. Желая прослыть просвещенной монархиней, "философом на троне", Екатерина II вступила в переписку с французскими мыслителями. Она добилась того, что ее хвалили. Но все их советы относительно насущных политических и социальных преобразований в России остались, разумеется, втуне. Дидерот - Д.Дидро. Мальтийский кавалер. - Павел I был гроссмейстером духовного ордена мальтийских рыцарей. Louis le Desire (Людовик Желанный) - прозвище, данное роялистами Людовику XVIII (1755-1824), возведенному на французский престол при содействии Александра I. Veillot - барон И.О.Велио (1830-1899), директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868-1880 гг.; имя его неоднократно встречается в письмах и стихах Толстого; поэт негодовал на него за перлюстрацию (тайный просмотр) корреспонденции и высмеивал за плохую работу почты. Столбец - свиток, старинная рукопись. Зело - очень. Водвори водворил. Аз - я. Не дописах поспешно и т.д. - Ср. с текстом летописи: "Такоже и аз худый, недостойный и многогреш-

ный раб божий Лаврентий мних... И ныне, господа отци и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая бога для, а не клените".

"Стасюлевич и Маркевич...". - Стасюлевич М.М. (1826-1911) - историк и публицист, редактор либерального журнала "Вестник Европы", сторонник реальной системы образования. Б.М.Маркевич (1822-1884) - реакционный писатель и публицист, сотрудник изданий Каткова, приятель Толстого, который, однако, не разделял многих взглядов Маркевича. "Ваше препирательство со Стасюлевичем, - писал Толстой Маркевичу 3 ноября 1869 г., - ... вдохновило меня на куплеты, но я их показывал только жене и сразу же уничтожил... Я даже и забыл эти куплеты - помню только, что они начинались так..." Стихотворение вызвано полемикой Стасюлевича и Маркевича, которая является лишь эпизодом длившейся в течение ряда лет полемики "Вестника Европы", с одной стороны, и "Русского вестника" и "Московских ведомостей" - с другой, о реальной и классической системе образования. Полемика имела в 60-е годы политический

смысл. Представители правительственного лагеря видели в проповеди классицизма способ отвлечь молодежь от материалистических и революционных идей. Этого нельзя сказать о Толстом, хотя он также был горячим сторонником классического образования. Толстой осуждал недопустимые, с его точки зрения, полемические приемы; см. его письмо к Маркевичу от 26 мая 1869 г.: "Все наши полемисты... не умеют полемизировать, так как не аргументируют, а бранятся. Стасюлевич всякое мнение, не согласное с его собственным, называет доносом, Катков - предательством". Маркевича же он обвинял в непозволительных намеках, которые имеют "видимость инсинуации".

"Как-то Карп Семенович...". - Это и следующее стихотворения связаны с той же полемикой, что и предыдущее, и составляют часть письма к Маркевичу от 22 декабря 1869 г. Стихотворению предшествуют слова: "Редактор "Вестника Европы" говорит в последнем номере своего журнала, что падение Афин и Рима доказывает, как неудовлетворителен был классицизм. Это очень хорошо, и я думаю на-

писать по этому поводу песню. Пока что я могу только набросать эти несколько неудовлетворительных стихов". Иронизируя над Стасюлевичем, Толстой имел в виду его примечание к статье С.М.Соловьева "Наблюдения над исторической жизнью народов"; Стасюлевич использовал одно из утверждений Соловьева в полемических целях.

"Рука Алкида тяжела..." - Стихотворение отделено от предыдущего следующим признанием: "Что до меня, то я откровенный классик, я люблю греческий мир, и все греческое мне нравится".

Медицинские стихотворения

"Медицинскими" назвал эти стихотворения сам Толстой. Героем их является доктор А.И.Кривский, служивший в Красном Роге в 1868 - 1870 годах. По-видимому, не все стихотворения этого цикла дошли до нас, в частности, известны лишь четыре строки из стихотворения о пиявке:

Ища в мужчине идеала,
Но стыд храня,
Пиявка доктору сказала:
Люби меня!

3. "Верь мне, доктор (кроме шутки!)..." - Причетник - младший церковнослужитель в православной церкви, пономарь, дьячок и т.п. Писать мыслете - говорится о неровной походке пьяного. Мыслете - старинное название буквы "м".

"Угораздило кофейник..." - Исполати! (хвала! слава!) и Аксиос! (достоин!) - греческие выражения, употреблявшиеся в церковной службе. Веселися, храбрый росс! - Строка из хора "Гром победы, раздавайся...", сочиненного Г.Р.Державиным для празднества у Потемкина в 1791 г. и часто исполнявшаяся впоследствии в разных торжественных случаях.

Послания к Ф.М.Толстому

Толстой Феофил Матвеевич (1809-1881) - музыкальный критик, композитор и беллетрист; член Главного управления по делам печати; печатал критические статьи под псевдонимом: Ростислав. Послания связаны с запрещением постановки "Царя Федора Иоанновича". О ходе дела информировал поэта, обещая свое содействие, Ф.М.Толстой. В октябре 1868 г. И.А.Гончаров сообщил А.К.Толстому об окончательном запрещении трагедии и о

неожиданном поведении Ф.М.Толстого. "Мне стало известно, - писал А.К.Толстой Маркевичу, - что Феофил, когда председательствовал в Совете по делам печати в отсутствие Похвистнева, додал оба свои голоса против "Федора Иоанновича", ратуя в то же время в качестве литератора за разрешение этой пьесы. Это вдохновило меня на послание к Феофилу". Оно не дошло до нас; известны лишь четыре строки:

О, будь же мене голосист,
Но боле сам с собой согласен...

.....
Стяжал себе двойной венец:
Литературный и цензурный.

1. "Вкусив елей твоих страниц..." - Ф.М.Толстой обиделся на поэта за не дошедшее до нас первое послание к нему, особенно за эпитеты "двуличный" и "трехипостасный", и написал ему длинное письмо, в котором утверждал, что с самого начала, несмотря на крупные литературные достоинства пьесы, считал неудобной ее постановку на сцене. На это письмо Толстой и ответил посланием "Вкусив елей твоих страниц...". Концовка - перифраз

двух строк из "Стансов" Пушкина.

2. "В твоём письме, о Феофил...". - Посылая стихотворение Маркевичу, поэт сообщил ему, что оно является ответом на одно из писем Ф.М.Толстого, которое "пахнет провокацией". "Лаокоона" он хвалил, как я "Феодора" в "Проекте". - По-видимому, имеется в виду следующий эпизод. После выхода трактата Г.-Э.Лессинга об искусстве "Лаокоон" (1766) Х.-А.Клотц - немецкий филолог-классик и влиятельный журналист, человек даровитый, но недобросовестный - прислал Лессингу льстивое письмо, которым пытался расположить его в свою пользу. Но, обманувшись в своих расчетах, он подверг критике некоторые мысли, высказанные в "Лаокооне". Ответом на его возражения и вместе с тем уничтожающей характеристикой Клотца явились "Письма антикварного содержания" Лессинга, которые нанесли сильный удар его научной репутации. "Проект" - "Проект постановки на сцену трагедии "Царь Федор Иоаннович"". Veillot - барон И.О.Велио (1830-1899), директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868-1880 гг.; имя его неоднократно

встречается в письмах и стихах Толстого; поэт негодовал на него за перлюстрацию (тайный просмотр) корреспонденции и высмеивал за плохую работу почты. Шувалов И.И. (1727-1797) - государственный деятель середины XVIII в., содействовавший развитию науки и искусства, оказывавший покровительство ученым и писателям. Ломоносов, Державин и другие посвящали Шувалову свои произведения. Вечный враг так называемых вопросов - цитата из Козьмы Пруткова: "В обществе заговорили о каких-то новых потребностях, о каких-то новых вопросах... Я - враг всех так называемых вопросов!"

"Сидит под балдахином..." - В русской сатирической литературе и публицистике Китай издавна фигурировал как ширма, за которой можно было более свободно говорить о темных сторонах российской действительности. Так, в одной из своих рецензий начала 40-х годов Белинский писал о китайском имени Дзун-Кин-Дзын и "китайском духе", распространяющемся в России, о мандаринах и "мандаринском журнале" "Плошка всемирного просвещения, вежливости и учтивости",

имея в виду под последним ультрареакционный журнал "Маяк".

Песня о Каткове, о Черкасском, о Самарине, о Марковиче и о арапах. - 14 марта 1869 г. на обеде, данном в его честь в Одесском английском клубе, Толстой произнес речь, которая кончалась провозглашением тоста "за благоденствие всей русской земли, за все русское государство, во всем его объеме, от края и до края, и за всех подданных государя императора, к какой бы национальности они ни принадлежали". Последние слова вызвали недовольство приятеля Толстого Б.М.Маркевича. Резкая оценка националистических и русификаторских взглядов Маркевича содержится в письмах к нему Толстого от 26 апреля и 24 мая 1869 г. Против этих взглядов направлено и стихотворение. Катков М.Н. (1818-1887) - журналист и публицист, редактор журнала "Русский вестник" и газеты "Московские ведомости"; до 60-х годов умеренный либерал, а затем - апологет самодержавия и идеолог дворянской реакции. Черкасский В.А. (1824-1878) - общественный и государственный деятель, примыкавший к славянофилам; после

польского восстания 1863 г. занимал пост главного директора правительственной комиссии внутренних дел в Польше. Самарин Ю.Ф. (1819-1876) - публицист и общественный деятель славянофильского лагеря; как и В.А.Черкасский, был деятельным сотрудником статс-секретаря по делам Польши Н.А.Милютина; в 1868 г. вышли первые два выпуска его сочинения "Окраины России", в котором он доказывал, что русская политика недостаточно проникнута национальными интересами и что правительство недооценивает опасностей, грозящих русскому государству на окраинах. Маркевич Б.М. (1822-1884) - реакционный писатель и публицист, сотрудник изданий Каткова, приятель Толстого, который, однако, не разделял многих взглядов Маркевича. Недавно и ташкентцы... - В 60-х годах значительная часть Туркестана была присоединена к России, образовав туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Алба (Альба) (1507-1582) - испанский полководец и государственный деятель; правитель Нидерландов; безуспешно пытался кровавым террором подавить нидерландскую

революцию. Осанна! (греч. - спаси же!) и Аксиос! (греч. - достоин!) - выражения, употребившиеся в церковной службе.

Мудрость жизни. - Боскетная - комната, украшенная или расписанная зеленью. Корша ведомость - либеральная газета "С.-Петербургские ведомости", выходившая под редакцией В.Ф.Корша. Вслед за пахарем прилежным и т.д. Цитата из стихотворения Фета "Первая борозда".

[А.Н.Мальцевой] "Пью ль мадеру, пью ли квас я..." -. - Мальцева А.Н. (1820-1894) - жена брянского помещика и крупного заводчика С.И.Мальцева, приятельница царицы. Стихотворение написано по дороге из Ливадии в Одессу во время сильной качки.

"Все забыл я, все простил..." - Это и следующие стихотворения составляют часть письма к Маркевичу от 14 мая 1871 г. Стихотворению предшествуют слова: "Если бы не наступила уже весна и не пели соловьи, я бы написал ругательное письмо Тимашеву... но мягкая погода и меня делает кротким"). О Тимашеве см. во вступит. статье (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). Veillot - барон И.О.Велио (1830-

1899), директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868-1880 гг.; имя его неоднократно встречается в письмах и стихах Толстого; поэт негодовал на него за перлюстрацию (тайный просмотр) корреспонденции и высмеивал за плохую работу почты.

"Я готов румянцем девичьим..." - Стихотворение отделено от предыдущего словами: "Я хотел бы, чтобы такие же чувства Вы питали к Стасюлевичу". Об их полемике см. выше, в примечании к стихотворению "Стасюлевич и Маркевич...".

[М.Н.Лонгинову] "Слава богу, я здоров..." - Написано перед отъездом за границу. Лонгинов был в то время орловским губернатором.

Отрывок. - Veillot - барон И.О.Велио (1830-1899), директор почтового департамента министерства внутренних дел в 1868-1880 гг.; имя его неоднократно встречается в письмах и стихах Толстого; поэт негодовал на него за перлюстрацию (тайный просмотр) корреспонденции и высмеивал за плохую работу почты. Юдифь - библейская героиня; во время нашествия вавилонского полководца Олофер-

на отправилась в неприятельский лагерь и обворожила Олоферна своей красотой, а когда он заснул, отрубила ему голову и этим спасла родину от иноземных захватчиков.

[Б.М.Маркевичу] "В награду дружеских усилий...". - Б.М.Маркевич (1822-1884) - реакционный писатель и публицист, сотрудник издания Каткова, приятель Толстого, который, однако, не разделял многих взглядов Маркевича. Терпсихора (греч. миф.) - муза танца. Хариты (греч. миф.) - богини красоты; в переносном значении - красавицы.

Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинизме. - Лонгинов М.Н. (1823-1875) библиограф и историк литературы, в молодости член кружка, группировавшегося вокруг редакции "Современника", и либерал; с конца 1850-х годов резко поправел и перешел в лагерь реакции; в 1871 - 1875 гг. был начальником Главного управления по делам печати и жестоко преследовал передовую мысль. Лонгинов ответил Толстому стихотворным посланием, в котором утверждал, что слухи о запрещении книги Дарвина не соответствуют действительности. Вот как реагировал на это Тол-

стой: "Он отрекается от преследования Дарвина. Тем лучше, но и прочего довольно" (письмо к Стасюлевичу от 3 января 1873 г.). Первый эпиграф взят также из Козьмы Пруткова. Овамо и семо - там и здесь. Шматина глины - ком глины, из которого, по библейскому преданию, бог создал человека. Бармы - принадлежность парадного наряда русских князей и царей, надевавшаяся на плечи; также: ризы священника или оплечья на них.

"Боюсь людей передовых..." - "Приезжающие сюда русские, - писал Толстой Маркевичу из Флоренции в начале 1873 г., - рассказывали мне, что меня продолжают ругать в разных газетах. Я же

Боюсь людей передовых...

Сон Попова. - Сатира сразу приобрела большую популярность и стала ходить по рукам в многочисленных списках... О прототипе министра см. во вступит. статье (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой). С большой похвалой отзывался о "Сне Попова" Тургенев (письмо Толстого к жене, ноябрь 1874 г.). Не раз восхищался им Л.Н.Толстой. "Это бесподобно. Нет, я не могу не прочитать вам этого". - И Лев Ни-

колаевич начал мастерски читать "Сон Попова"... вызывая иногда взрывы смеха", - записал в дневник П.А.Сергеенко. В ноябре 1875 г. чтение "Сна Попова" не было допущено на вечере памяти А.К.Толстого, организованном Литературным фондом. Имярек - по имени. В официальных бумагах это слово указывало место, где нужно вставить чье-нибудь имя. Неглиже небрежный вид, небрежная домашняя одежда. К Цепному мосту. - У Цепного моста в Петербурге (теперь мост Пестеля) помещалось Третье отделение. Причинный казус - неожиданный и неприятный случай. Не было. Лазоревый полковник. - Жандармы носили голубую форму. Санкюлот - презрительная кличка, данная реакционерами в годы французской революции XVIII в. беднейшим слоям населения и революционерам-якобинцам, которые носили длинные брюки, а не аристократические короткие штаны до колен (culotte). Впоследствии в консервативной публицистике слово "санкюлот" употреблялось в смысле: вольнодумец, революционно настроенный человек. Комплот (фр. complot) заговор. Ектенья - задравное мо-

ление, здесь употреблено в ироническом смысле. Пряжка - нагрудный знак, выдававший за усердие, непорочную службу и пр.

[М.П.Арнольди] "Ропща на прихоти судеб..." - Написано во Флоренции. М.П.Арнольди - давний приятель Толстого, муж Н.А.Арнольди, автора популярного в свое время романа из жизни русской революционной эмиграции "Василиса" (1879).

Рондо. - Пален К.И. (1833-1912) - министр юстиции в 1867-1878 гг. Во время его управления министерством судебное ведомство повернуло на путь реакции. Однако по вопросу о суде присяжных Толстой критиковал Палена справа, упрекая в слишком мягком к нему отношении. Резкий выпад против суда присяжных см. также в "Потоке-богатыре". Каламбурное использование слов "параллелен" и "вертикален" заимствовано из восьмистишия А.Ф.Вельтмана (в его романе "Странник").

[Великодушные смягчает сердца] "Вонзил кинжал убийца нечестивый...". Стихотворение направлено против идей непротивления злу. В основе его лежат, по-видимому, какие-то неизвестные нам факты. Аренда - на-

града, состоявшая в предоставлении государственного имения во временное владение; с 1837 г. под именем аренды крупным чиновникам назначалась на несколько лет денежная прибавка к жалованью. Станислава - т.е. орден св. Станислава. Камергер придворный чин. Совет - Государственный совет.

Надписи на стихотворениях А.С.Пушкина. - Надписи, опубликованные племянником С.А.Толстой, поэтом и философом Д.Н.Цертелевым, были сделаны на лейпцигском издании стихотворений Пушкина 1861 г. (Этот экземпляр, по-видимому, безвозвратно пропал.) Стихотворения Пушкина цитируются по этому изданию. Строки, написанные на той странице, где помещено стихотворение "Я жду обещанной тетради...", Цертелев связывал именно с этим четверостишием, между тем толчком для их написания были скорее напечатанные рядом стихотворения "Баратынскому из Бессарабии", "Друзьям", "Адели"; в них фигурируют "Вакха буйный пир", "звук лир", музы, "питомцы муз и Аполлона", хариты, Лель. "Везде, где попадаются слова Лель, повеся, шалуны, цевницы, хариты, - писал Цертелев"

лев, - Толстой подчеркивает их и снабжает примечаниями... Против некоторых стихотворений стоят краткие восклицания: "хорошо", "великолепно", "вот это я понимаю", но большей частью примечания имеют характер шуток". Наконец, Цертелев утверждает, что надписей Толстого было множество. Продолжение "Золота и булата" приписывалось также М.Л.Михайлову. Мглин - уездный город Черниговской губернии; в Мглинском уезде находилось имение Толстого Красный Рог. Авзония - Италия. Цитерея, или Киферея (греч. миф.) - одно из прозвищ Афродиты (остров Кифера был одним из центров культа Афродиты). Филимонов В.С. (1787-1858) - поэт, беллетрист и драматург. Захаржевский Я.В. (1780-1860) - начальник царскосельского дворцового управления.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Толстому принадлежат "Эпиграмма № 1", "Письмо из Коринфа", "Из Гейне" ("Вянет лист, проходит лето..."), "Пластический грек", "К моему портрету", "Память прошлого" и "В борьбе суровой с жизнью душной...". Вместе с Алексеем Жемчужниковым написаны "Желание

быть испанцем", "Осада Памбы", "Из Гейне" ("Фриц Вагнер, студьозус из Иены...") и "Звезда и Брюхо", вместе с Владимиром Жемчужниковым - "На взморье, у самой заставы...". Толстой, без сомнения, принимал участие в создании и других произведений Козьмы Пруткова, но до нас не дошли об этом более или менее основательные данные. Прутковские произведения печатаются в ранних редакциях, поскольку их переработка была произведена В.М.Жемчужниковым частично при жизни Толстого, но без его участия, а главным образом после его смерти, для Полного собрания сочинений К.Пруткова 1884 г.

Письмо из Коринфа. - Пародия на стихотворение Н.Ф.Щербины "Письмо" ("Я теперь не в Афинах, мой друг..."). Оно кончается словами: "Красота, красота, красота! Я одно лишь твержу с умилением". Подзаголовок намекает на заглавие сборника Щербины "Греческие стихотворения" (1850). Истмийского шум водопада. - Истмом назывался в древние времена Коринфский перешеек. Между камней паросских. - Речь идет о знаменитом мраморе, добывавшемся на острове Парос. И Парос, и Ис-

тм упоминаются в стихотворениях Щербины.

Из Гейне ("Вянет лист, проходит лето..."). - Пародия на русских подражателей Гейне, о которых Добролюбов писал: "Сущность поэзии Гейне, по понятиям тогдашних стихотворцев наших, состояла в том, чтобы сказать с рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре".

Желание быть испанцем. - Как и "Осада Памбы" - насмешка над увлечением испанской экзотикой. Альямбра (Альгамбра) - старинная крепость и дворец мавританских халифов в испанской провинции Гренада. Натура - природа. Эстремадура - испанская провинция. Булат - сталь, употреблявшаяся для клинков, мечей и пр. В переносном смысле - клинок, кинжал, меч. Дуэнья пожилая женщина, следящая за поведением девушки или молодой женщины. Четки шнурок с нанизанными на него бусами для счета молитв или поклонов. Эскуриал - старинный дворец и монастырь недалеко от Мадрида.

Осада Памбы. - Современники восприняли "Осаду Памбы" как пародию на "Отрывки из испанских романсов о Сиде" В.А.Жуковского.

Одним из ее объектов являются также "Романсы о Сиде" в переводе П.А.Катенина. Ср. следующие строки Катенина:

"Четверик ему пшеницы
Дать, - сказал король, - а ты
Обоими его, Химена;
Он изрядно подшутил".

Целая сцена в "Селе Степанчикове и его обитателях" Ф.М.Достоевского построена на чтении "Осады Памбы". Ниже - даже. Каплан - капеллан, католический священник при домашней церкви; в России так назывался католический священник в войсках и военных учреждениях.

"В борьбе суровой с жизнью душевной..." - Пародия на поэму И.С.Аксакова "Бродяга". В собраниях сочинений К.Пруткива печаталось около трети текста под заглавием "Родное (Из письма московскому приятелю)".

ПОЭМЫ

Грешница. - Кимвал, тулумбас - старинные ударные музыкальные инструменты. Пилат - римский наместник в Иудее. Во время его правления, по евангельскому рассказу, Иисус Христос был предан казни. Законы Моисея. -

То есть законы иудейской религии, библейские законы. По онпол - на противоположном берегу. Фиал - чаша, кубок. Денница - утренняя заря.

Иоанн Дамаскин. - Уже отпечатанный номер "Русской беседы" был, по настоянию III Отделения, задержан Московским цензурным комитетом, постановившим изъять из него поэму. Однако министр народного просвещения Е.П.Ковалевский разрешил выпустить журнал в свет. Источником поэмы является житие богослова и автора церковных песнопений Иоанна Дамаскина (VII-VIII вв.). Сравнение с житием поэмы показывает, что тема поэта и поэтического творчества играет в "Иоанне Дамаскине" значительно большую роль, чем в житии, а чисто религиозные мотивы последнего отошли на второй план. Толстой с первых же страниц называет Иоанна "певцом", и это слово повторяется десятки раз. Характер переработки источника, лишь одним эпизодом которого воспользовался Толстой, находится в непосредственной связи с центральной идеей поэмы: свобода поэтического слова, независимость художника и

огромное моральное воздействие искусства на человечество, разумеется, в том их романтическом понимании, которое входило как составная часть в мировоззрение Толстого. Современники указывали на автобиографическую подоплеку основного мотива поэмы. Стремление быть "вполне художником" и желание освободиться от службы при дворе, с особой остротой ощущавшееся Толстым в эти годы, и натолкнули его, по-видимому, на эту тему. Сам поэт не был удовлетворен началом "Иоанна Дамаскина" и 7-й главой. "Глава гекзаметрами, - писал он Маркевичу 4 февраля 1859 г., - не согласуется с остальными". А в письме к Аксакову от 31 декабря 1858 г. Толстой признался: "Вообще эпическая сторона мне не дается, все тянет меня в лиризм, а иногда и в драматизм". Противу ереси безумной и т.д. - Речь идет об иконоборчестве, движении против почитания икон в Византии в VIII-IX вв. Порфира - пурпурная мантия, символ власти монарха. Прелесть - здесь: соблазн. Багрец - драгоценная багровая ткань, пурпур. Юдоль - жизнь с ее заботами и печалью; тяжелый жребий, участь. Мира пре-

ставление - конец света. Эпитимья - церковное наказание.

Алхимик. - Герой поэмы - Р.Люллий (1235 - 1315) - средневековый поэт и философ, по происхождению испанец; молодость провел при дворе покорившего Балеарские острова арагонского короля Иакова I; ему приписывался ряд алхимических трактатов; с жизнью Люллия связано много легенд. Крест Калатравы - знак испанского духовного рыцарского ордена. Соломонова печать по средневековым представлениям, кольцо-печать, обладавшее волшебной силой. Трисмегиста древний камень - "философский" камень, поисками которого занимались алхимики, считавшие, что он обладает чудодейственными свойствами: превращать неблагородные металлы в золото, возвращать молодость и т.д. Алхимики вели начало своего учения от Гермеса Трисмегиста, вымышленного автора мистических книг египетско-греческого происхождения. Микрокосм человеческий организм, как "небольшой мир", в отличие от макрокосма большого мирового организма, то есть вселенной; между обоими мирами предполага-

лась таинственная связь, служившая основанием для веры в силу и влияние светил. Кампанья - область в Италии.

Портрет. - В процессе писания поэмы Толстой сообщил К.Сайн-Витгенштейн: "Сюжет немного идиллический. Это что-то вроде какой-то "Dichtung und Wahrheit"*, воспоминания детства, наполовину правдивое" (лето 1873 г.). Несомненное влияние на отдельные места и детали "Портрета" оказала повесть А.Погорельского (А.А.Перовского) "Черная курица, или Подземные жители", которую, по устному преданию, он написал для своего одиннадцатилетнего племянника. Лихорадочное нетерпение мальчика, его душевное состояние, когда он лежит в кроватке, отъезд гостей и т.д. - все это напоминает повесть Погорельского. Чрезвычайно близки концовки "Портрета" и "Черной курицы". Ср. последние строки поэмы с предпоследним абзацем повести о мальчике Алеше: "На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка". Об-

ращает на себя внимание "цитатность" некоторых других строк. Так, строка "Тех дней, когда нам новые впечатленья" восходит к началу "Демона" Пушкина; слова "поклонник Канта" в строфе 26-й к пушкинской характеристике Ленского. Страбон (ок. 63 до н.э. - ок. 20 н.э.) - древнегреческий географ. Плиний. - В римской литературе известны два Плиния - выдающийся прозаик Плиний Младший (ок. 62 - ок. 114) и его дядя, автор "Естественной истории" Плиний Старший (23 - 79). Пракситель (IV в. до н.э.) - древнегреческий скульптор. Ломбр (ломбер) - старинная карточная игра. Стасюлевич М.М. (1826-1911) - историк и публицист, редактор либерального журнала "Вестник Европы", сторонник реальной системы образования. Толстой был в дружеских отношениях со Стасюлевичем и постоянно печатался в его журнале. Мой омоним - Д.А.Толстой (1823-1889), министр народного просвещения, насадитель классической системы образования, закреплённой реформой 1871 г.

---

* "Поэзия и правда" (нем.). Так называлось одно из произведений Гете.

Дракон. - В июне 1875 г. Толстой встретился в Карлсбаде с Тургеневым и Стасюлевичем и читал им свою поэму. Стасюлевич вспоминал впоследствии, что они "обсуждали вопрос, хорошо ли называть переводом с несуществующего итальянского подлинника то, что, собственно, было оригинальным произведением. "Пусть Анджело де Губернатис, - засмеялся весело Толстой, ломает себе голову и пороется в старых преданиях, отыскивая оригинал!" Однако автор все-таки нашел более удобным вычеркнуть слово: перевод и оставил одно: с итальянского". Сам Толстой отметил одну из особенностей замысла поэмы, которую, по-видимому, очень ценил в ней. "Все достоинство рассказа, - писал он К.Сайн-Ватгенштейн 7 мая 1875 г. - состоит в большом правдоподобии невозможного факта". В некрологе Толстого Тургенев утверждал, что в своей последней поэме он "достигает почти дантовской образности и силы", однако в письме к Я.П.Полонскому выразил свое отношение к ней в более сдержанных словах: "В его "Драконе"... есть отличные стихи, но вообще поэзия Толстого мне довольно

чужда". Гибеллины - в Италии XII-XV вв. политическая партия, боровшаяся на стороне германских императоров против римских пап и их приверженцев - гвельфов. Кондотьер - предводитель наемного войска в средневековой Италии. Ave Maria (радуйся, благодатная Мария) католическая молитва. Скрин - скриня, сундук. Ендова - в Древней Руси большая медная открытая посуда для вина, пива, меда. Зане - потому что, Нетопырь - большая летучая мышь. Италия германцу отперта - то есть войскам германского императора Фридриха Барбароссы, борьба с которым ломбардских городов в середине XII в. и описана в поэме.

ДОН ЖУАН

В первоначальной редакции драма заканчивалась раскаянием и перерождением Дон Жуана: он монах и умирает в монастыре.

Отвечая на критические замечания Б.М.Маркевича, Толстой следующим образом раскрывал свой замысел: "...В ранней молодости он любил по-настоящему, но, постоянно обманываясь в своих чаяниях, он в конце концов перестал верить в идеал и горькое наслаждение стал находить, попирая ногами

все то, чему он некогда поклонялся. Я изображаю его в этот второй период. Привыкнув отрицать добро и совершенство, он не верит в них и тогда, когда встречается их в образе донны Анны. Свое чувство он принимает за похотливое желание, а между тем это любовь... Дон Жуан больше не верит в любовь, но наделен воображением столь пылким, что эта вера возвращается к нему всякий раз, как он отдается своему чувству, и в сцене с донной Анной он ему отдался, несмотря на то, что раньше намеревался ее соблазнить... Он верил во все, что говорил донне Анне, пока командор... не вернул его к действительности, ко всем его минувшим разочарованиям и к его теперешнему скептицизму, о котором он на минуту позабыл... Каждый, впрочем, понимает "Дон Жуана" на свой лад, а что до меня, то я смотрю на него так же, как Гофман: сперва Дон Жуан верит, потом озлобляется и становится скептиком; обманываясь столько раз, он больше не верит даже и в очевидность" (письмо от 10 июня 1861 г.). Об истолковании образа Дон Жуана см. также во вступительной статье (И.Г.Ямпольский. А.К.Толстой).

В "Письме к издателю" (т.е. М.Н.Каткову, в "Русском вестнике" которого "Дон Жуан" появился) Толстой полемически истолковал свою драму как явление чистого искусства, противостоящее тенденциозной, социально направленной литературе. "Это был случайный и невольный протест против практического направления нашей беллетристики", - заявил он.

Серенада Дон Жуана "Гаснут дальней Альпухарры..." понравилась Ф.И.Тютчеву, между тем как сам Толстой ставил ее не очень высоко (письмо к Маркевичу от 11 июня 1861 г.).

Эпиграф - из рассказа Э.-Т.-А.Гофмана "Дон Жуан".

Пролог. Выя - шея. Слово - здесь: бог. Акафист - хвалебное церковное песнопение. Бурбон - грубый, невежественный человек; первоначально - офицер, выслужившийся из солдат. "Не держусь и за словечко "бурбон", - писал Толстой Маркевичу 11 июня 1861 г., - которое... озадачило публику. Если Вы принадлежите к тем, кому это выражение неизвестно, - сообщу Вам, что на армейском языке оно означает выскочку". Сонм - собрание, обще-

ство... Дела давно минувших дней... и т.д. - Цитата из поэмы Пушкина "Руслан и Людмила". Адъюнкт - помощник профессора. Гальванисм (гальванизм) - электрические явления при соприкосновении разнородных металлов, открытые итальянским физиологом Л.Гальвани: в середине XIX в. широко применялись с медицинскими целями.

Часть первая. Мориски - мавры, принявшие христианство. Это не спасло их от преследований инквизиции, и впоследствии они были также изгнаны из Испании. Строки "Он говорил, что мавры и мориски" и т.д. Толстой использовал через несколько лет как аргумент против националистических взглядов Каткова, Маркевича и Щербины (письма к М.М.Стасюлевичу и Маркевичу от 7 февраля и 26 апреля 1869 г.). В.И.Ленин вспомнил слова Толстого в статье "Нужен ли обязательный государственный язык?" "Мы не хотим загонять в рай дубиной" (В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295), - писал он. Тиара - головной убор древних восточных царей, а также корона папы римского. Сид - прозвище Родриго (Руи) Диаса де Бивар (1040-1099), испанского рыцаря.

ря, прославившегося своими военными подвигами, героя испанских народных преданий.

Часть вторая. Гидальго - испанский дворянин. Прислал он отпущений про запас. - Речь идет об индульгенциях - папских грамотах об отпущении, прощении грехов, которые продавала верующим католическая церковь. Пилат римский наместник в Иудее. Во время его правления, по евангельскому рассказу, Иисус Христос был предан казни. Вопрос "Что есть истина?" Пилат, по евангельскому преданию, задал Иисусу Христу в связи со словами последнего, что он пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Аллилуйя!.. Осанна! - молитвенные возгласы, славословящие бога. Петра наместник. - Католическая церковь считала папу наместником апостола Петра на земле. Альгамбра - старинная крепость и дворец мавританских халифов в испанской провинции Гренада. Доминиканцы - члены католического монашеского ордена св. Доминика; в их ведении находились инквизиционные трибуналы. Эпитимья - церковное наказание. Патерностер (Pater noster - Отче наш) и Ave

Мария (Радуйся, благодатная Мария) - католические молитвы.

ПЕРЕВОДЫ

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

"Ассирияне шли, как на стадо волки..." -

Перевод стихотворения "The destruction of Sennacherib", в основе которого лежит библейское предание о походе ассирийского царя Сенахериба (VIII-VII вв. до н.э.) в Иудею. 27 октября 1856 г. Толстой писал жене: "Ассирияне хороши; неправда, что они плохи, никто еще не сделал такого точного перевода".

"Неспящих солнце! Грустная звезда!.." - Перевод стихотворения "Sun of the sleepless' melancholy star!". Толстой не был удовлетворен переводом. "Да и оригинал мне не очень нравится", - писал он жене 14 октября 1856 г.

АНДРЕ ШЕНЬЕ

А.Шенье (1762-1794) - французский поэт, автор элегий и идиллий; его творчество проникнуто глубоким интересом к античному миру, языческим культом красоты. Толстой обращался к Шенье и после 1856 г. "Временами для меня истинное наслаждение - переводить Шенье, - писал он Маркевичу 20 марта

1860 г., - наслаждение физическое и пластическое, наслаждение формой, позволяющее отдаваться исключительно музыке стиха". Однако другие переводы или хотя бы их черновые наброски до нас не дошли.

"Крылатый бог любви, склоняся над сохой..." - Перевод стихотворения "Tire de Moschus". Оратай - пахарь. Не то, к Европе страсть и т.д. Согласно греческому мифу, Зевс явился дочери финикийского царя Европе в виде быка и похитил ее.

"Вот он, низийский бог, смиритель диких стран. - Перевод стихотворения "C'est le dieu de Niza, c'est le vainqueur du Gange..." Низийский бог Вакх. Согласно мифу, он воспитывался нимфами в Нисе, которая помешалась древними то в Египте, то в Аравии, то в Индии. Считалось, что он прошел по Элладе, Сирии, Азии вплоть до Индии и вернулся в Европу через Францию. На своем пути он учил людей виноделию и совершал разные чудеса.

"Ко мне, молодой Хромид, смотри, как я прекрасна!..." - Перевод стихотворения "Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...". Стерно - руль. Фетида (греч. миф.) - старшая из

морских нимф-нерейд.

"Супруг блудливых коз, нечистый и кичливый...". - Перевод стихотворения "L'impur et fier eroux que la chevre desire...".

"Багровый гаснет день; толпится за оградой...". - Перевод стихотворения "Fille du vieux pasteur qui d'une main agile...".

"Я вместо матери уже считаю стадо...". - Перевод стихотворения "A compter nos brebis je remplace ma mere...".

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

Толстой высоко почитал Гете. С детских лет поэт сохранил воспоминание о его посещении вместе с А.А.Перовским в Веймаре. По свидетельству С.А.Толстой, он несколько раз возвращался к мысли о переводе "Фауста" и "даже начинал его. Много мы о нем говорили" (письмо к А.А.Фету от 5 февраля 1881 г.). Но до нас дошли лишь многочисленные варианты нескольких строк, переведенных Толстым из "Фауста".

Бог и баядера. - Перевод стихотворения "Der Gott und die Bayadere". Сам Толстой так оценил его: "Вышло по-русски очень гармонично и, мне кажется, переносит вполне чи-

тателя в желаемую сферу, тождественную с оригиналом" (письмо к жене, сентябрь 1867 г.). Магадев (инд. миф.) - прозвище одного из трех главных индийских богов Шивы; другие два - Брама (Брахма) и Вишну. Баядера - восточная танцовщица. Брамины - одна из наиболее привилегированных каст в Индии.

Коринфская невеста. - Перевод стихотворения "Die Braut von Korinth". По словам Толстого, "Коринфская невеста" Гете "принадлежит к его первоклассным произведениям по силе стиха, изящности картин и той объективности, с которой он становится на точку зрения язычества в его тогдашней борьбе с торжествующим христианством". Церера (римск. миф.), или Деметра (греч. миф.) - богиня плодородия и земледелия. Гимен, или Гименей (греч. и римск. миф.) бог брака. Пенаты (римск. миф.) - божества, хранительницы домашнего очага; в переносном значении - домашний очаг, родной дом. Клир - духовенство какой-нибудь церкви или прихода.

"Радость и горе, волнение дум..." - Перевод песни Клерхен из трагедии "Эгмонт": "Freudvoll und leidvoll..."

"Трещат барабаны, и трубы трубят..." - Перевод песни Клерхен из трагедии "Эгмонт": "Die Trommel geruhrt...".

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Большой интерес к поэзии Гейне явственно отразился в творчестве Толстого. Он не только перевел несколько стихотворений Гейне. В балладах, юмористических и сатирических произведениях есть ряд бесспорных переключек с немецким поэтом.

"Безоблачно небо, нет ветру с утра..." - Вольный перевод последней строфы стихотворения "An den Nachtwachter".

"У моря сажу на утесе крутом..." - Перевод стихотворения "Es ragt ins Meer der Runenstein...".

"Из вод подымая головку..." - Перевод стихотворения "Die schlanke Wasserlilie...".

Ричард Львиное Сердце. - Перевод стихотворения "Konig Richard". Ричард Львиное Сердце (1157-1199) - английский король, участник третьего крестового похода.

"Обнявшись дружно, сидели..." - Перевод стихотворения "Mem Liebchen, wir sassen beisammen...".

"Довольно! Пора мне забыть этот вздор..." - Перевод стихотворения "Nun ist es Zeit, daV ich mit Verstand...", сделанный по просьбе И.А.Гончарова для пятой части его романа "Обрыв".

ГЕОРГ ГЕРВЕГ

Г.Гервег (1817-1875) - немецкий поэт и политический деятель, один из крупных политических лириков периода подготовки революции 1848 г.; впоследствии отошел от своих прежних взглядов.

"Хотел бы я угаснуть, как заря..." - Перевод стихотворения "Ich mochte hingehn wie das Abendrot...".

ШОТЛАНДСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Эдвард. - Толстой перевел шотландскую балладу с немецкого перевода Т.Фонтане; уже после того, как перевод был сделан, ему удалось найти оригинал, и, по-видимому, в связи с этим он внес несколько исправлений. "Эдвард" произвел на Толстого огромное впечатление. "Я был совсем подавлен, когда прочел его, - писал поэт Маркевичу 13 декабря 1871 г. - ...Я не поверю, чтобы кто-нибудь мог не быть потрясен с ног до головы. Я это чувствую

до сих пор всякий раз, как я его перечитываю, и могу его сопоставить только со сценой леди Макбет". О сильном впечатлении, которое произвел "Эдвард" на Н.С.Лескова и др., сообщил Толстому Маркевич.

И.Г.Ямпольский